

Уильям ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2016

УДК 82/89
ББК 83.(0)4
Ш41

Серия основана
в 2007 году

*К 400-летию со дня смерти
Уильяма Шекспира
(1564—1616)*

Издание третье, переработанное

Шекспир Уильям

Ш41 Полное собрание сочинений в одном томе/Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 3-е изд., перераб. — 1278 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-2168-8

Богатейшее литературное наследие, оставленное величайшим английским поэтом и драматургом Уильямом Шекспиром (1564—1616), собрано в одном томе.

**УДК 82/89
ББК 83.(0)4**

ISBN 978-5-9922-2168-8

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

КОРОЛЬ ГЕНРИХ VI

Часть первая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОРОЛЬ ГЕНРИХ VI.
ГЕРЦОГ ГЛОСТЕР — дядя короля, протектор.
ГЕРЦОГ БЕДФОРД — дядя короля, французский регент.
ТОМАС БОФОРТ — герцог Экзетер, внучатый дядя короля.
ГЕНРИХ БОФОРТ — внучатый дядя короля, епископ Винчестер, впоследствии кардинал.
ДЖОН БОФОРТ — граф Сомерсет, впоследствии герцог.
РИЧАРД ПЛАНТАГЕНЕТ — сын Ричарда, покойного графа Кембриджа, впоследствии герцог Йорк.
ГРАФ УОРИК (ВАРВИК).
ГРАФ СОЛЬСБЕРИ (СОЛИСБЮРИ).
ГРАФ СУФФОЛЬК.
ЛОРД ТАЛЬБОТ — впоследствии граф Шрусберги.
ДЖОН ТАЛЬБОТ — сын его.
ЭДМУНД МОРТИМЕР — граф Марч.
СЭР ДЖОН ФАСТОЛЬФ.
СЭР ВИЛЬЯМ ЛЬОСИД.
СЭР ВИЛЬЯМ ГЛЭНСДЕЛЬ.
СЭР ТОМАС ГАРГРЭВ.
МЭР ЛОНДОНА.
ВУДВИЛЬ — комендант Тауэра.
ВЕРНОН — из партии Белой Розы, или Йорка.
БОССЕТ — из партии Алой Розы, или Ланкастера.

СТРЯПЧИЙ.
СТРАЖИ МОРТИМЕРА.
КАРЛ — дофин, впоследствии король Франции.
РЕНЕ — герцог Анжуйский, носящий титул короля Неаполитанского.
ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ.
ГЕРЦОГ АЛАНСОНСКИЙ.
БАТАРД ОРЛЕАНСКИЙ.
ОРУЖЕЙНЫЙ МАСТЕР в городе Орлеане, сын его.
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФРАНЦУЗСКИМИ ВОЙСКАМИ в Бордо.
ФРАНЦУЗСКИЙ СЕРЖАНТ.
ПРИВАТНИК.
СТАРИК ПАСТУХ, отец Девственницы.
МАРГАРИТА, дочь Рене, впоследствии — супруга короля Генриха.
ГРАФИНЯ ОВЕРНСКАЯ.
ИОАННА ДЕВСТВЕННИЦА, обыкновенно называемая Иоанной д'Арк.
ЛОРДЫ, СТРАЖИ ТАУЭРА, ГЕРОЛЬДЫ, ОФИЦЕРЫ, СОЛДАТЫ, ГОНЦЫ, АНГЛИЙСКАЯ и ФРАНЦУЗСКАЯ СВИТЫ; ЗЛЫЕ ДУХИ, являющиеся Иоанне.

ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ частью в Англии, а частью во Франции.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. СЦЕНА I

Вестминстерское аббатство.

Похоронный марш. Тело короля Генриха V выносят на парадном траурном ложе. Его охраняют герцоги Бедроуд, Глостер, Экзетер, граф Уорик, епископ Винчестерский, герольды и т. д.

БЕДФОРД

Пусть облечутся в траур небеса
И ночью день заменится! Кометы,
Что времена и царства изменяют,
Хрустальными косами потрясая,
Враждебные светила покажите,
Решившие, что умер Генрих Пятый.
Он слишком был для долгой жизни славен:
Мы короля такого не теряли.

ГЛОСТЕР

Мы до него не знали короля.
Повелевать он был вполне достоин,
Поднятый меч лучами ослеплял,
Раскинутые руки были шире
Дракона крыл, глаза, пылая гневом,
Врагов слепили, в бегство обращая,
Сильней, чем солнце, жгшее их лик.
Что мне сказать? Превыше слов — дела,
Был каждый взмах руки его — победой.

ЭКЗЕТЕР

Мы в трауре, зачем же не в крови
Скорбим о нем? Наш Генрих не воскреснет.
Мы деревянный гроб сопровождаем,
Торжественным присутствием своим
Бесчестную победу смерти славим:
Так пленники идут за колесницей.
Кого нам клясть? Враждебные ль светила,

Чей заговор низвергнул нашу славу,
Иль следует французам хитрых честь
За колдунов — из страха перед ним
Его убивших чарами своими?

ВИНЧЕСТЕР

Он — царь, Царем царей благословенный,
И Судный день не так французам страшен,
Как страшен им был самый вид его.
Сражался он за Бога Сил, и церкви
Молитвами преуспевал в бою.

ГЛОСТЕР

При чем тут церковь? Если бы ее
Служители так много не молились —
Так скоро бы не порвалась нить жизни.
Вам люб король измененный: его,
Как мальчика, вы застрашать могли бы.

ВИНЧЕСТЕР

Что б ни было нам любо, ты — протектор,
Ты королем и царством хочешь править,
Меж тем жены боишься ты надменной
Сильней, чем Бога и духовных лиц.

ГЛОСТЕР

Не говори о церкви, плоть любя.
Ты изредка затем лишь в храм заходишь,
Чтоб вымолить врагов твоих погибель.

БЕДФОРД

Оставьте спор и дух смирите свой,
Все — к алтарю, герольды — вслед. Возложим
Не золото, оружие на него.
Что пользы в нем с тех пор, как умер Генрих?
Потомство, жди печальных дней, когда
Грудных детей питать слезами будут
И в море слез наш остров обратится,

Где жены лишь останутся одни —
 Оплакивать умерших. Генрих Пятый,
 Взываю к духу твоему: страну
 Оберегай от войн междоусобных,
 С враждебными светилами борись,
 Звезда души твоей зажжется ярче,
 Чем Цезаря созвездье с Верониной.

Входит гонец.

ГОНЕЦ

Достойнейшие лорды, всем привет!
 Из Франции привез я весть дурную —
 О гибели, убийствах, пораженных.
 Шампань, Гвиена, Реймс и Орлеан,
 Париж, Руан и Пуатье — погибли.

БЕДФОРД

Потише будь пред прахом короля!
 Иль при такой утрате гроб свинцовый
 Взломает он и снова оживет.

ГЛОСТЕР

Париж потерян, и Руан сдался?
 О, если бы восстал из мертвых Генрих —
 Узнав о том, он испустил бы дух.

ЭКЗЕТЕР

Измена чья была тому виною?

ГОНЕЦ

Измены нет: нужда в деньгах и людях.
 Среди солдат все шепчутся о том,
 Что держитесь вы здесь различных партий,
 И если нам сражение нужно дать —
 Вы спорите: кого вождем назначить?
 Один, скупясь, тянуть войну желает,
 Другой — лететь, но у него нет крыльев,
 А третий полагает — без затрат
 Достигнуть мира льстивыми словами.
 О, пробудись, знать Англии! Пусть леность
 Не омрачит недавней вашей славы!
 В гербе своем страна лишилась лилий
 И половину поля потеряла.

ЭКЗЕТЕР

Когда б в слезах здесь недостаток был —
 То эта весть исторгла б их потоки!

БЕДФОРД

Мне — эта весть! Регент французский — я.
 Эй, латы мне! За Францию побьюсь я.
 Позорные одежды скорби — прочь!
 Французам дам я раны вместо глаз,
 Чтоб новую беду оплакать кровью.

Входит другой гонец.

2-Й ГОНЕЦ

Прочтите, лорды, скорбные посланья.
 Вся Франция на англичан востала,
 За исключением мелких городов,
 И Карл дофин был коронован в Реймсе.
 Он сблизился с Батардом Орлеанским,
 Рене, анжуйский герцог, — за него,
 К нему спешит и герцог Алансонский.

ЭКЗЕТЕР

Дофин — король, и все спешат к нему?
 Куда бежать от этого позора?

ГЛОСТЕР

Мы побегим схватить врага за горло,
 Коль ты замедлишь, Бедфорд, я иду.

БЕДФОРД

Зачем во мне ты усомнился, Глостер?
 В уме своем уже собрал я войско,
 Которое всю Францию покроет.

Входит 3-й гонец.

3-Й ГОНЕЦ

О, лорды, в добавление к тем слезам,

Которые на гроб монарха льются, —
 Я сообщу о злополучной битве
 Меж Тальботом достойным и врагами.

ВИНЧЕСТЕР

Но победил в ней Тальбот, без сомненья?

3-Й ГОНЕЦ

Нет, побежден в сражении лорд Тальбот.
 Как было все — я расскажу подробно.
 Так августа десятого наш лорд
 Осаду с Орлеана снял. Имея
 Шесть тысяч войска, стал он отступать,
 Но двадцатитрехтысячным отрядом
 Французов был со всех сторон оцеплен.
 Он не успел ряды построить; вместо
 Копейшиков — прикрыться для стрелков,
 Он приказал взять колья из заборов,
 Которые мы вбили, как пришлось,
 Чтоб коннице врага не дать прорваться.
 Бой продолжался больше трех часов,
 И доблестный Тальбот в течение их
 Свершил мечом такие чудеса,
 Каких нельзя вообразить: он сотни
 Отправил в ад, и устоять пред ним
 Никто не мог — он был везде и всюду.
 Враги кричали: «Это дьявол в латах!»,
 И войско все дивилось ему.
 А воины, его геройство видя,
 Кричат: — Тальбот! Тальбот! — и с новой силой
 Кидаются опять в средину сечи.
 Победа им досталась бы бессорно,
 Когда б сэр Джон Фастольф не оробел:
 Он, будучи в тылу оставлен, с тем,
 Чтоб выступить на подкрепление нашим,
 Бежал, как трус, до первого удара.
 И началось смятение, резня,
 Со всех сторон враги их окружили.
 Валлонец низкий, угождая Карлу,
 Нанес копьем удар Тальботу в спину,
 Которому всей Франции войска
 Взглянуть в лицо ни разу не дерзнули.

БЕДФОРД

Тальбот убит? Так я убью себя
 За то, что здесь я в роскоши живу,
 Меж тем как он, нуждаясь в подкрепленье,
 Вождь доблестный — врагам трусливым
 предан.

3-Й ГОНЕЦ

О, нет, он жив, но пленником он стал.
 С ним — лорды Скэльс и Генгерфорд. Убито
 Иль также в плен попало большинство.

БЕДФОРД

Я за него — не кто иной — дам выкуп.
 Вниз головой дофина сброшу с трона
 И выкуплю, ценой короны, друга.
 Их четверых отдам за одного.
 Простите, лорды, действовать пора.
 Во Франции потешные огни
 Зажгу я в честь Георгия Святого.
 С собой возьму я в десять тысяч рать,
 Пред ней должна Европа задрожать.

3-Й ГОНЕЦ

Спешите же, в осаде — Орлеан,
 Бойцы упали духом, ослабели,
 Лорд Сольсбери о подкрепленьи просит,
 Мятеж в войсках с трудом он подавляет,
 Их горсть должна от сотен многих отбиваться.

ЭКЗЕТЕР

Припомните, милорды, поклялись
 Вы Генриху дофина уничтожить

Иль нашей власти подчинить его.

БЕДФОРД

Я помню все, и потому — простите:

Готовиться к походу должен я.

(Уходит.)

ГЛОСТЕР

Пойду я в Тауэр, чтоб осмотреть

Снаряды и орудия. Затем

Я Генриха провозглашу монархом.

(Уходит.)

ЭКЗЕТЕР

Я отправляюсь в Эльгэм. Я назначен

Наставником при юном короле,

Там обсужу, как оберечь его.

(Уходит.)

ВИНЧЕСТЕР

Для всех нашлось занятие и место,

И на мою лишь долю — ничего.

Но не у дел недолго я останусь,

Намерен я похитить короля,

И, власть приняв, я стану у руля.

(Уходит.)

СЦЕНА II

Франция. Перед Орлеаном.

Трубы. Входит Карл с войском, Алансон, Рене и другие.

КАРЛ

Ни в небесах, до нынешнего дня,

Ни на земле — путь Марса неизвестен.

Он только что сиял врагам, когда же

Мы победили — улыбнулся нам.

В руках у нас — важнейшие твердьни,

Спокойно мы стоим пред Орлеаном,

И — бледные от голода, как тени, —

Враги раз в месяц беспокоят нас.

АЛАНСОН

Похлебку им и мясо с жиром нужно,

Их надобно откармливать, как мулов,

Мешок с овсом на морду им надев.

Не то они — подобны мокрым крысам.

РЕНЕ

Осаду снимем — что нам делать здесь?

В плену Гальбот, которого страшимся,

Лишь Сольсбери безумный остается,

Но может желчь он тратить понапрасну:

Нет у него ни денег, ни солдат.

КАРЛ

Тревогу бейте, бросимся на них,

Вперед — за честь униженных французов!

И смерть мою тому я отпускаю,

Кто б видел, что бегу иль отступаю.

Уходят.

Тревога, нападение, затем — отступление.

Возвращаются Карл, Алансон, Рене и др.

КАРЛ

Где видано подобное? Какие

У нас бойцы? Мерзавцы, труссы, псы!

Не будь покинут — я бы не бежал.

РЕНЕ

Лорд Сольсбери — отчаянный рубака,

Ему как будто надоела жизнь,

Все лорды их, подобно львам голодным,

Нас разорвать готовы, как добычу.

АЛАНСОН

Земляк наш повествует — Фруассар,

Что в Англии при Эдуарде Третьем

Рождались лишь Роланды с Оливье.

Теперь тому явилось подтвержденье,

Шлет в бой она Самсона с Голиафом.

Один против десятка! Негодяи

Поджарые! Кто б мог предполагать

В них мужество такое и отвагу?

КАРЛ

Оставим Орлеан! Изголодавшись,

Безмозглые рабы смелее станут.

Я знаю их: скорей чем снять осаду —

Перегрызут они зубами стены.

РЕНЕ

Сдается мне, что руки их для боя

Заводятся, как мы часы заводим:

Иначе им не выдержать бы столько.

По мне, оставить их!

АЛАНСОН

Да будет так.

Входит Батард Орлеанский.

ОРЛЕАНСКИЙ

Где принц дофин? Есть вести для него.

КАРЛ

Батарда Орлеанского мы трижды

Приветствуем.

ОРЛЕАНСКИЙ

Вы в горе? Пали духом?

Все — по вине последней неудачи?

Но не печальтесь, помощь не замедлит.

Я привожу святую деву: ей

Небесное видение внушило

Осаду снять тяжелую и выгнать

Из Франции пределов англичан.

Сильнее дух пророчества у ней,

Чем в Риме был у девяти сивилл,

Прошедшее с грядущим — ей открыто.

Позвать ее? Моим словам поверьте,

Они вполне правдивы и верны.

КАРЛ

Ступай за ней.

Орлеанский уходит.

Ее мы испытаем.

Займи, Рене, дофина место, гордо

Расспрашивай ее с суровым взором,

Так испытать хочу я мудрость девы.

(Отходит в глубину.)

Возвращается Орлеанский с девой.

РЕНЕ

Красавица, ты ль чудо совершишь?

ДЕВА

Меня, Рене, ты ль обмануть задумал?

Но где дофин? Пусть выступит вперед,

Тебя я знаю, не видав ни разу.

Но не дивись: нет тайны для меня.

И говорить с тобой одним желаю.

Мессирсы, нас на время вы оставьте.

РЕНЕ

Она идет на первый приступ храбро.

ДЕВА

Дофин, дочь пастуха я, и в науке

Не искушен мой ум, но Богоматерь

И Небеса благие — озарили

Убогое мое существованье.

Меж тем как я пасла моих овец

И жгучий зной мне щеки опалял,

Предстала мне в виденьи Матерь Божья,

Исполнена величия, и велела

Смирненное занятие оставить

И родину освободить от бедствий.

Она, суля мне помощь и успех,

Явилася во всей великой славе.
 Я смуглою была и некрасивой,
 Но светлыми лучами осенив,
 Она меня красой благословила,
 Которую ты видишь. Предложи
 Вопрос любой — на все я дам ответ.
 Когда дерзнешь — то в бой вступи со мною,
 Увидишь ты, что я — всех жен сильней.
 Решайся же, ты счастье обретешь,
 Когда меня в сподвижницы возьмешь.

КАРЛ

Меня дивишь ты гордыми речами.
 В одном твою я доблесть испытаю:
 Вступи со мной в единоборство; если
 Ты победишь — слова твои правдивы,
 А если нет — не верю ничему.

ДЕВА

Готова я. Вот заостренный меч,
 Пять лилий с двух сторон его видны,
 Он найден был в Турени, в груде хлама,
 На кладбище Святой Екатерины.

КАРЛ

Так с Богом! Я жены не испугаюсь.

ДЕВА

Пока жива — не побегу пред мужем.

Сражаются.

КАРЛ

Стой! Стой! Ты — амазонка! Меч Деборы
 В руках твоих.

ДЕВА

Мне помощь — Богоматерь,
 Бессильною была б я без Нее.

КАРЛ

Кто б ни помог тебе — мне помоги.
 Сгораю я желанием любви,
 Не меч один — ты сердце победила.
 О, Дева, если так зовут тебя —
 Твоим слугой, не королем я буду.
 Тебя о том дофин французский просит.

ДЕВА

Любви земной отдаться не должна я,
 Дана мне свыше сила неземная;
 И лишь врагов твоих успев изгнать,
 Я о награде стану помышлять.

КАРЛ

Будь благосклонной к твоему рабу.

РЕНЕ

Сдается мне, беседа затянулась.

АЛАНСОН

Он с истины покровы все снимает,
 Не то — к чему столь долгий разговор?

РЕНЕ

Прерви его, коль он не знает меры.

АЛАНСОН

Не большего ль, чем мы, желает он?
 Ведь женщины в соблазн речами вводят.

РЕНЕ

На чем же вы решили, государь?
 Откажемся иль нет от Орлеана?

ДЕВА

Нет, говорю я, люди малой веры!
 Я — вам охрана. Бейтесь до конца.

КАРЛ

Стою на том же. До конца сразимся.

ДЕВА

Бич Англии — вот чем должна я стать.
 Наверно, в ночь осаду их сниму я.

Для вас второе лето зацветет,
 Как только я приму в войне участие.
 Подобна слава водяным кругам,
 Которые идут, все расширяясь,
 Пока в конце совсем не пропадут.
 Смерть Генриха британский круг кончат
 Со славою, что заключалась в нем.
 И ныне я подобна кораблю
 Надменному, который разом нес
 И Цезаря, и счастье его.

КАРЛ

Был Магомет голубкой вдохновлен,
 А ты — орлом. С тобою не сравнится
 Ни Константина матери Елене,
 Ни дочерям Филиппа. Снизошла
 Ты, как звезда Венеры, к нам на землю;
 Чем я могу тебя почтить достойно?

АЛАНСОН

Не медли же. Заставим снять осаду.

РЕНЕ

Восстанови честь нашу; Орлеан
 Освободи — и станешь ты бессмертной.

КАРЛ

Немедля попытаемся. Идем.
 Пророков нет — когда солжет она.
Уходят.

СЦЕНА III

*Лондон. Перед воротами Тауэра.
 Входит Глостер и его слуги в синих кафтанах.*

ГЛОСТЕР

Явился я, чтоб Тауэр осмотреть.
 Смерть короля могла хищенья вызвать.
 Что ж сторожей не видно? никого?
 Откройте мне! Приказывает Глостер.

1-Й СТОРОЖ

Кто так стучится?

1-Й СЛУГА

Герцог Глостер.

2-Й СТОРОЖ

(из башни)

Кто б ни был здесь — впустить его нельзя.

1-Й СЛУГА

Так отвечать протектору ты смеешь?

1-Й СТОРОЖ

(из башни)

Бог да хранит протектора! Но мы
 Так действуем, как приказали нам.

ГЛОСТЕР

Кто приказал? Я отдаю приказы.
 Лишь я один — протектор государства.
 Ломайте дверь. Ответственность — на мне.
 Не дам себя на посмеянье черни.

*Люди Глостера кидаются к воротам. К ним изнут-
 ри подходит комендант Вудвиль.*

ВУДВИЛЬ

(изнутри)

Какие здесь изменники шумят?

ГЛОСТЕР

Как, комендант? Я ваш ли слышу голос?
 Откройте мне. Войти желает Глостер.

ВУДВИЛЬ

Терпенье, славный герцог, не могу.
 Лорд Винчестер мне это запрещает.

Особое он отдал приказанье —
 Сюда ни вас, ни ваших не впускать.

ГЛОСТЕР

Ты, малодушный Вудвиль, выше ставишь

Надменного прелата, чем меня?
Его король покойный не терпел:
Ты — королю и Богу, значит, недруг.
Открой — иль сам ты будешь удален.

1-Й СЛУГА
Протектору ворота отворите,
Спешите же! Не то взломаем их.

Снова кидаются к воротам.
Входит епископ Винчестерский со слугами в бурях кафтанов.

ВИНЧЕСТЕР
Тщеславный Гомфри, что все это значит?

ГЛОСТЕР
Меня впустить, поп бритый, не велел ты?
ВИНЧЕСТЕР

Да, не велел, коварный похититель,
А не протектор короля и края.

ГЛОСТЕР
Дорогу дай ты, заговорщик явный,
На жизнь монарха ты злоумышлял,
Распутницам грехи их отпускаешь.
Тебя в твою же шляпу я упрячу,
Коль в дерзости упорствовать ты станешь.

ВИНЧЕСТЕР
Ты уходи. На шаг не отступишь.
Здесь — твой Дамаск. Будь Каином проклятым,
И Авеля, коль хочешь, ты убьешь.

ГЛОСТЕР
Я не убью, но выгоню тебя,
И в красном одеянии твоём
Я вытащу отсюда, как в пеленках.

ВИНЧЕСТЕР
Посмей! Тебе я в бороду плюю.

ГЛОСТЕР
Как? Смеет он мне в бороду плевать?
Вперед, хотя священно это место!
Вы, синие кафтаны против бурых!
Поп, берегись! Тебя я оттаסקаю
За бороду, и надаю пинков,
И растопчу пурпуровую шапку;
Тебя, назло церковникам и папе,
Примусь трепать и так и эдак я.

ВИНЧЕСТЕР
Ты, Глостер, в том ответишь перед папой.

ГЛОСТЕР
Гусь Винчестер! Веревку мне, веревку!
Отбросьте их, им нечего здесь делать.
Ты, гнусный волк в овечьей шкуре, вон!
Прочь, бурые! Прочь, красный лицемер.
Глостер и его люди нападают на противников. Во время стычки входит мэр Лондона со свитой.

МЭР
Стыдитесь, лорды! Будучи властями,
Нарушили вы так постыдно мир.

ГЛОСТЕР
Молчи! Ты, мэр, обид моих не знаешь.
Бофорт не читит ни короля, ни Бога,
Осмелился занять он Тауэр самовольно.

ВИНЧЕСТЕР
Вот Глостер — враг народа. Он желает
Не мира, а войны, и кошельки
Свободные обременил налогом.
Религию он хочет уничтожить
Затем, что он — протектор государства.
И здесь добыв оружие, вступит
Сам на престол, а принца устранить.

ГЛОСТЕР
Не на словах, ударами отвечу.
Снова дерутся.

МЭР
Одно лишь мне осталось в этой свалке:
Напомнить им закона повеленье.
Сюда, герольд, читай как можно громче.

ГЕРОЛЬД
(читает)
«Люди всех сословий, явившиеся сюда сегодня с оружием в руках, мы объявляем и призываем вам именем его величества разойтись по домам и впредь, под страхом смерти, не носить и не употреблять никакого меча, оружия или кинжала».

ГЛОСТЕР
Я, кардинал, закона не нарушу.
Сочтемся мы с тобою на свободе.

ВИНЧЕСТЕР
Мы встретимся, и кровью сердца, Глостер,
Ты мне тогда за этот день заплатишь.

МЭР
За палками пошлю я. Расходитесь.
Прелат спесивей черта самого!

ГЛОСТЕР
Прощай, свой долг ты исполняешь, мэр.
ВИНЧЕСТЕР
Остерегайся ныне, гнусный Глостер.
Я голову твою добуду скоро.

Уходят.
МЭР
Очистить все, затем уйдем отсюда.
Великий Бог, вот злора у вельмож,
Лет за сорок едва ль хоть раз я дрался.
(Уходит.)

СЦЕНА IV

Франция. Перед Орлеаном.
Входят на стену оружейный мастер и сын его.

МАСТЕР
Ты знаешь, сын, что Орлеан обложен,
Предместья же — во власти англичан.

СЫН
Я знаю, в них нередко я стрелял;
К несчастью, давал всегда я промах.

МАСТЕР
Не промахнешься, слушайся меня,
Здесь в городе я — мастер оружейный,
И чем-нибудь я должен отличаться.
Лазутчики доносят, что британцы,
Которые в предместье укрепились,
Из башни той, скрываясь за решеткой
Железную, обозревают город
С тем, чтоб решить: как выгоднее им —
Стрельбою нас иль вылазкой тревожить?
Чтоб устранить помеху, я поставлю
Орудие насупротив решетки.
Три целых дня я их подстергал:
Не явится ли кто? Теперь же ты
Посторожи, я далее не в силах.
Коль выследишь — за мною прибеги.
Меня найдешь у коменданта в доме.

(Уходит.)
СЫН
Покоен будь, доверься мне, отец.
Их выследив, тебя не потревожу.
Входит в верхнюю часть башни лорды Сольсбери и Тальбот, сэр Томас Гаргрэв и сэр Вильям Гленсдэль и другие.

СОЛЬСБЕРИ
Вернулся Тальбот, радость, жизнь моя!
Но как в плену с тобою обращались?

И как успел освободиться ты?
Рассказывай нам тут же наверху.

ТАЛЬБОТ

У Бедфорда был пленник. Прозывался
Он доблестным Понтаком де Сантрайль;
Я выкуплен был за него в обмен.
На воина из низших пожелали
Меня пред тем в насмешку обменять,
Но в гневе отказался я, оценке
Столь низкой смерть предпочитая. Ныне
Я выкуплен, как сам того желал,
И лишь Фастольф терзает сердце мне:
Предателя я кулаком убил бы,
Когда бы он попался мне во власть.

СОЛЬСБЕРИ

Но как враги с тобою обращались?

ТАЛЬБОТ

С презрением, попреками, насмешкой.
Я должен был посмешищем служить
Для их толпы на площади базарной.
«Вот, — молвили они, — гроза французов,
Он пугало для ребятишек наших!»
Тут вырвался я у конвойных; камни
Я выкопал ногтями из земли,
Чтоб кинуть ими в зрителей позора.
Мой грозный вид их в бегство обратил.
Не подходил никто — из страха смерти:
Я грозен им в стенах железных был,
Такой испуг мое внушило имя.
Все думали — могу сгибать я сталь
И сокрушать столбы из адаманта,
Поэтому я был ежеминутно
Отборными стрелками окружен,
Они, едва я поднимаюсь с постели —
Готовились мне сердце прострелить.

СОЛЬСБЕРИ

Прискорбно мне о муках ваших слышать,
Но за себя вполне мы отомстим.
Теперь пора их ужина настала,
Всех перечесть могу я сквозь решетку
И разглядеть, как укрепился враг.
Взгляни, тебе их вид приятен будет.
Сэр Томас Гаргрэв и сэр Вильям Глэнсдэль,
Скажите ваше мнение: где лучше
Нам батареи новые поставить.

ГАРГРЭВ

У северных ворот, там — лорды их.

ГЛЭНСДЭЛЬ

Поблизости моста, я полагаю.

ТАЛЬБОТ

Сдается мне: их нужно взять измором
Иль стычками ослабить небольшими.
*Выстрел из города. Сольсбери и сэр Томас Гаргрэв
падают.*

СОЛЬСБЕРИ

О, Господи, нас, грешников, помилуй!

ГАРГРЭВ

Будь милосерд к несчастному, Господь!

ТАЛЬБОТ

Что за удар постигнул нас внезапно?
О, Сольсбери, скажи нам, если можешь,
Ты — образец героев, что с тобой?
Лишился вдруг ты полщеки и глаза.
Проклятие и башне и руке,
Свершившей это страшное деянье!
В тринадцати боях он побеждал
И Генриха наставил в деле ратном.
При звуке труб и громе барабанов
Без усталости рубился он всегда.

Ты жив еще? Ты говорить не можешь,
Но глаз один с мольбою поднял к небу:
И солнце в мир глядит одним лишь оком.
Не милуй, Небо, никого живого,
Когда его помиловать не хочешь!
Взять прах его! Займись я погребеньем.
Сэр Томас Гаргрэв, есть ли жизнь в тебе?
Ответа, взора — Тальбот ожидает.
О, Сольсбери, утешься, не умрешь ты,
Покуда я...
Он делает мне знак
С улыбкою, как будто говоря:
Когда умру, ты отомстишь французам! —
Плантагенет! Исполню я. Подобно
Нерону, я играть на лютне буду,
Любуясь пожаром городов.
Лишь в имени моем — французам гибель.
Да будет имя Тальбота врагам
Погибелью!

Раскат грома, затем тревога.

Но что я вижу в небе?

Откуда шум подобный и тревога?

Входит гонец.

ГОНЕЦ

Милорд, милорд, сплотились французы!
Дофин, а с ним — и дева Иоанна,
Пророчища, явившаяся вновь,
На нас идут — с тем, чтоб отбить осаду.

Сольсбери приподнимается и стонет.

ТАЛЬБОТ

Вы слышите, как стонет Сольсбери,
Страшась в душе, что отомщен не будет?
Во мне восстанет новый Сольсбери.
Дельфин, акула, дева иль загадка —
Мне все равно! Я растопчу вам сердце
Копытами и раскрошу мозги.
В шатер скорей снесите Сольсбери.
На что дерзнет трусливый враг — увидим.
Уходят, унося тела.

СЦЕНА V

Перед одними из ворот Орлеана.

Тревога, стычки. Тальбот преследует дофина, прогоняет его и уходит. Входит Дева, гоня перед собою англичан, и уходит за ними.

Тальбот возвращается.

ТАЛЬБОТ

Где мощь моя? Где мужество и сила?
Войска бегут, их не остановить,
Их женщина в доспехах ратных гонит.
А, вот она.

Входит Дева.

Будь чертом иль чертовкой —
Побьюсь с тобой! Тебя заворожу я,
Колдунья, кровь пушу тебе, и душу
Ты своему властителю отдашь.

ДЕВА

Ко мне! Тебя унижить суждено мне.

Сражаются.

ТАЛЬБОТ

О, небо! Ад ужель восторгствует?
Пусть лопнет грудь от напряженья сил
И оторвутся руки — покоришь
Развратницу надменную хочу я.
Снова сражаются.

ДЕВА

(отходя)

Прощай, Тальбот, твоей час еще не пробил,
Я в Орлеан с припасами иду,
Мне помешай, коль можешь. Не боюсь я.

Развесели голодных, завешанье
Ты Сольсбери составишь помощи.
День этот — наш, таких немало будет.
(Входит в город с солдатами.)

ТАЛЬБОТ

Кружится мысль, подобно колесу;
Не сознаю, где я и что мне делать?
Как Ганнибал, не силою, но страхом
Колдунья гонит нас и побеждает.
Так дымом — пчел, а смрадом — голубей
Из гнезд и ульев люди выгоняют.
За лютость нас они прозвали псами,
И, как щенки, мы с визгом убегаем.

Тревога.

Сограждане, возобновите бой.
Иль ваших львов сорвите вы с герба,
От родины отрекшись, замените
Овцою — льва. Но даже и овца
Так не бежит трусливо перед волком,
А конь и вол — пред тигром, как бежите
Вы от рабов, которых побеждали.

Тревога, новая стычка.

Не быть тому! Укройтесь за окопы.
Смерть Сольсбери мила вам! За него
Никто из вас не отомстил ударом,
И в Орлеан уже вступила Дева —
Нам вопреки и всем усилиям нашим.
О, почему я с Сольсбери не умер?
Где от стыда лицо мое я скрою?

*Бой барабанов, отступление.
Тальбот и его отряды уходят.*

СЦЕНА VI

Трубят победу.

*На стене появляются Дева, Карл, Алансон, Рене
и солдаты.*

ДЕВА

Пускай наш стяг взвевается над стенами.
От англичан свободен Орлеан.
Так держит слово Иоанна Дева.

КАРЛ

Небесное создание, дочь Астреи,
Как чествовать тебя за твой успех?
Твои слова — как Адонисов сад:
Он день цветет, завтра плод дает.
Ликуй в лице пророчицы великой
Вся Франция: свободен Орлеан,
Счастливейшего дня мы не знавали.

РЕНЕ

Зачем же звон не слышен колокольный?
Вели зажечь потешные огни
И ликовать на улицах, дофин,
В знак милости, ниспосланной нам Богом.

АЛАНСОН

Возрадуется Франция, узнав
О мужестве, какое мы явили.

КАРЛ

Одержана победа Иоанной,
В награду с ней я разделю венец.
В земле моей священники, монахи —
В процессиях ей будут петь хвалы.
Я выше ей воздвигну пирамиду,
Чем памятник Родопы из Мемфиса,
И Девы прах, когда ее не станет,
Положен в урну ценную, ценнее,
Чем Дария блистательный ковчег —
Предшествовать в дни ликований будет
Французским королям и королевам
На Сен-Дени, но Иоанна Дева

Всей Франции святою ныне будет.
Войдем — и там отпразднуем по-царски
Мы этот день победы золотой.
Трубы, все удаляются.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. СЦЕНА I

Франция. Перед Орлеаном.

*Подходят к воротам французский сержант и двое
часовых.*

СЕРЖАНТ

Все по местам и не смыкайте глаз!
Услышав шум иль увидав солдат
Вблизи стены — сейчас заметным знаком
Нам дайте знать об этом в караульню.
1-й ЧАСОВОЙ

Мы слушаем, сержант.

Сержант уходит.

Беда солдатам;

Пока другие спят себе в постели —
Мы сторожим холодной ночью, в дождь.
*Входит Тальбот, Бедфорд, герцог Бургундский, во-
ины со штурмовыми лестницами. Барабаны бьют
похоронный марш.*

ТАЛЬБОТ

Милорд регент, Бургундский грозный герцог,
Чья близость дружбу нам приобрела
Валлоуа, Артуа и Пикардии —
Беспечны в ночь их торжества враги,
Они весь день, ликуя, пиروвали.
Воспользуемся случаем удобным,
Чтоб отомстить за их обман коварный,
Подстроенный преступным колдовством.

БЕДФОРД

Трусливый враг свою позорит славу,
В своей руке изверившись, он ищет
Союза ведьм и адских сил поддержки.

БУРГУНДСКИЙ

Изменники лишь с ними водят дружбу.
Но чистая их Дева — кто ж она?

ТАЛЬБОТ

По слухам — дева.

БЕДФОРД

Мужественна очень.

БУРГУНДСКИЙ

Пошли Господь, чтоб вскорости она
Не сделалась совсем мужеподобной,
Сражаясь под знаменами французов.

ТАЛЬБОТ

Пускай хитрят и знаются с нечистым.
Оплот наш — Бог, и Он — победоносный —
Поможет нам взойти на укрепленья.

БЕДФОРД

Иди! Мы за тобою, славный Тальбот.

ТАЛЬБОТ

Не вместе все. Я полагаю, лучше
Нам вторгнуться различными путями.
И если бы один из нас и пал —
Другие бы могли сразиться с ними.

БЕДФОРД

Согласен. Я — оттуда.

БУРГУНДСКИЙ

Я — отсюда.

ТАЛЬБОТ

А Тальбот здесь ворвется иль падет!
Ну, Сольсбери, я за тебя иду,
За Генриха державного. Ночь эта
Докажет всем, как предан я боюм.
*Англичане взбираются на стену и с криками: «Свя-
той Георгий и Тальбот!» бросаются в город.*

ЧАСОВОЙ

К оружию! Враги идут на приступ!
Французы в рубашках перепрыгивают через стены; входят с разных сторон Батард Орлеанский, Алансон и Рене полуодетые.

АЛАНСОН

Мессирь! как? Вы даже не одеты?

ОРЛЕАНСКИЙ

Довольны мы, что выбрались и так.

РЕНЕ

Пришлось нам проснуться и вскочить,
Заслышавши тревогу за дверями.

АЛАНСОН

С тех пор, как я оружием владею —
Из ратных дел еще не доводилось
О более отчаянном мне слышать.

ОРЛЕАНСКИЙ

Я думаю, Тальбот — исчадь ада.

РЕНЕ

Когда не ад, ему защитой — Небо.

АЛАНСОН

А вот и Карл! Дивлюсь, что он поспел.

ОРЛЕАНСКИЙ

Его святая Дева оградила.

Входит Карл и Дева.

КАРЛ

Обманщица! Так вот — твое коварство?
Не для того ль ты легкою победой
Нас завлекла вначале, чтоб затем
Утратили мы всеятеро больше?

ДЕВА

Зачем на друга негодует Карл?
Всегда ль мне быть во всеоружьи силы
И побеждать во сне и наяву?
Не то во всем я окажусь виновной?
Беспечные бойцы! Будь ваша стража
Исправнее — несчастья б не случилось!

КАРЛ

Вы, Алансонский герцог, виноваты.
В ночь эту вы начальствовали стражей,
Свой долг блости вам лучше б надлежало.

АЛАНСОН

Когда бы все посты так охранялись,
Как тот, который был доверен мне, —
С позором враг не захватил бы нас.

ОРЛЕАНСКИЙ

Мой пост был охраняем.

РЕНЕ

Как и мой.

КАРЛ

Что до меня; я поверял посты —
Ее и мой — почти всю эту ночь,
Взад и вперед ходили по укреплениям
И сам сменял повсюду часовых.
Откуда же враги могли ворваться?

ДЕВА

Напрасные расспросы! Как? Откуда?
Не в этом суть. Но отыскалось место
Доступное, в него ворвался враг,
И вот теперь другого нет исхода:
Собрать солдат, рассеянных в бою,
И новый план придумать — им на гибель.
Тревога. Входит английский солдат с криком: «Тальбот! Тальбот! Они бегут, бросив свое платье».

СОЛДАТ

Я смело все, что брошено — беру.
Клич: Тальбот! мне взамен меча послужит.

Я приобрел добычу, это имя
Единственным моим оружием было.
(Уходит.)

СЦЕНА II

Орлеан. Внутри города.

Тальбот, Бедфорд, Бургундский, начальники войск и другие.

БЕДФОРД

Восходит день; бежала ночь, покровом
Глубокой тьмы окутавшая землю:
Трубить отбой! Преследовать довольно.
Трубят отбой.

ТАЛЬБОТ

Несите тело старца Сольсбери
И выставьте на площади торговой,
Здесь, в городе проклятом, посредине.
Я заплатил мой долг его душе:
За каплю крови каждую его —
Не менее пяти французов пало.
А для того чтоб знал и век грядущий,
Насколько месть по нем была грозна, —
Воздвигну я во храме их гробницу,
Где будет он покоиться. На ней
Изобразить велю я в назиданье,
Как Орлеан врагами разгромлен,
Как был убит изменнически вождь,
Как наводил на Францию он ужас,
Но, лорды, мы в бою кровопролитном
Не встретили дофина с Иоанной,
Сподвижницей безгрешною его,
А также — их союзников коварных.

БЕДФОРД

В начале боя — Тальбот полагает —
Они, вскочив с постелей, проскользнули
Среди рядов и, стену перепрыгнув,
Спасения себе искали в поле.

БУРГУНДСКИЙ

Я сам видал, насколько можно было
Сквозь дым густой и мглу тумана видеть,
Что об руку с возлюбленной своею
Бежал дофин — как пара голубков.
Не расстающихся ни днем ни ночью.
Как только здесь порядок водворится —
Идем на них со всею нашей силой.

Входит гонец.

ГОНЕЦ

Привет милордам! Кто в собрание этом
Блистательном — воинственный Тальбот,
Чьи подвиги во Франции так славны?

ТАЛЬБОТ

Вот Тальбот. Кто с ним хочет говорить?

ГОНЕЦ

Достойная Овернская графиня
В смирении твоей дивится славе
И чрез меня тебя усердно просит
Ее убогий замок посетить,
Желая похвалиться, что видала
Она того, чьей славой полон мир.
БУРГУНДСКИЙ
Ну, если так, то превратятся войны
В веселую и мирную потеху,
Коль скоро дамы ищут с нами встречи.
Откажете ль, милорд, в столь милой просьбе?

ТАЛЬБОТ

Коль откажу — ни в чем не верьте мне.
Где красноречье всех мужчин бессильно —
Там женщины вниманье победило.
Скажи, что я благодарю графиню,

За честь почту явиться. Не угодно ль,
Милорды, вам сопроводить меня?

БЕДФОРД

С приличьем это было б несогласно,
И я слышал: неприглашенный гость —
Милей всего бывает по улоде.

ТАЛЬБОТ

Что ж? Если так — один я отправляюсь.
Я испытать хочу любезность дамы.
Приблизьтесь, капитан.

(Говорит шепотом.)

Что я задумал —

Вы поняли?

КАПИТАН

Я понял. Все исполню.

СЦЕНА III

Оверн. Двор замка.

Входят графиня и ее привратник.

ГРАФИНЯ

Не позабудь исполнить мой приказ,
И мне затем ты принесешь ключи.

ПРИВРАТНИК

Я слушаю, графиня.

ГРАФИНЯ

Все готово.

Удастся план — и я тогда прославлюсь,
Как скифская царица — смертью Кира.
Молва о грозном вожде — велика,
Не менее его деянья славных.
И я хочу, чтоб уши и глаза
Проверили правдивость этих слухов.

Входят гонец и Тальбот.

ГОНЕЦ

Графиня, я исполнил вашу волю,
Мной приглашен — явился лорд Тальбот.

ГРАФИНЯ

Приветствую его. Но кто же это?

ГОНЕЦ

Сам лорд Тальбот.

ГРАФИНЯ

Как? Это — бич французов,
Тальбот, кого настолько здесь боятся,
Что именем его детей пугают?
Но лжив и пуст, я вижу, этот слух.
В нем Геркулеса думала найти я
Иль Гектора с суровыми чертами,
Могучего и ростом и сложением.
А предо мной — дитя, ничтожный карлик;
Не может быть, чтоб сморщенный уродец
Врагам своим внушал подобный страх.

ТАЛЬБОТ

Графиня, вас я смел обеспокоить,
Но, вижу я, вам недосуг, и лучше
Я навещу в другое время вас.

(Идет.)

ГРАФИНЯ

Что с ним? Спроси, куда уходит он?

ГОНЕЦ

Милорд Тальбот, остановитесь! Хочет
Графиня знать, что значит ваш уход?

ТАЛЬБОТ

Она воображает, что ошиблась,
Я доказать хочу, что Тальбот — здесь.
Возвращается привратник с ключами.

ГРАФИНЯ

Коль скоро ты — действительно Тальбот,
Ты — пленник.

ТАЛЬБОТ

Чей?

ГРАФИНЯ

Мой, кровожадный лорд.
Тебя затем в мой дом я заманила,
Где тень твоя — давно уже в плену.
Вон там висит твоё изображение,
С тобой самим я так же поступлю.
Я по рукам и по ногам сковать
Велю того, кто был в течение лет
Гонителем страны, убийцей граждан
И в плен мужей брал наших и сынов.

ТАЛЬБОТ

Ха-ха-ха-ха!

ГРАФИНЯ

Смеешься ты? Но смех твой станет воплем.

ТАЛЬБОТ

Смеюсь тому, что радуетесь вы,
Имея тень Тальбота пред собою,
Чтоб проявить над ней жестокость вашу.

ГРАФИНЯ

Так то — не он?

ТАЛЬБОТ

Он самый.

ГРАФИНЯ

Но тогда

И телом ты принадлежишь мне также.

ТАЛЬБОТ

Нет, самого себя я только мне,
Ошиблись вы, нет моего здесь тела —
сушности моей.

Что пред собою вы видите — земного
Мельчайшая ничтожная частица.
Но если б здесь я был всем существом —
Так велико и так оно громадно,
Что этот кров его бы не вместил.

ГРАФИНЯ

Загадками ты, видно, промышляешь?
То здесь Тальбот, то нет его! Но как же
Противоречья эти совместить?

ТАЛЬБОТ

Сейчас же вам я это покажу.

(Трубит в рог.)

Барабанный бой, затем залп из орудий.

В разбитые ворота врываються солдаты.

Что скажете, графиня? Убедились
В том, что Тальбот — тень самого себя?
Пред вами: тело, мышцы, руки, сила,
С чьей помощью, спесь вашу принимая,
Он рушит стены, сносит города,
Опустошая их в одно мгновение.

ГРАФИНЯ

Прости меня, Тальбот победоносный.
Твоей великой славы ты — не меньше.
Нет, более, когда судить по росту!
Не гневайся на дерзость, сожалею,
Что с честью я не встретила тебя
Таким, каков ты есть на самом деле.

ТАЛЬБОТ

Пре красная графиня, не смущайтесь.
Намеренья мои верней поймите,
Чем поняли вы тела моего
Наружное устройство. Не обижен,
И не прошу иного ничего,
Как дозволения вин отведать ваших
И сладких яств. Желудки у солдат
Готовы им всегда служить исправно.

ГРАФИНЯ

От всей души за честь я почитаю
 Столь доблестного воина принять.
Уходят.

СЦЕНА IV

Лондон. Сад Темпля.

Входят графы Сомерсет, Суффольк и Уорик, Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Милорды, что ж молчанье вы храните?
 Ужель никто нам истины не скажет?

СУФФОЛЬК

Мы чересчур шумели в залах Темпля.
 Удобнее беседовать в саду.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Тогда скажите: я ль стоял за правду,
 Иль Сомерсет был прав, со мною споря?

СУФФОЛЬК

Я плох по части знания законов,
 Я подчинить не мог законам волю,
 И воле я законы подчинил.

СОМЕРСЕТ

Тогда, лорд Уорик, рассудите нас.

УОРИК

Из соколов двоих — кто выше взмыл,
 Из двух собак — лай громче у которой,
 Из двух клинков — закал в котором лучше,
 Из двух коней — кто на скаку быстрее,
 Из двух девиц — чьи взоры веселее,
 Решил бы я своим рассудком слабых,
 Но в тонкостях закона, в крючкотворстве —
 Клянусь душой, я не умнее галки.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Учитывая уклончивость, и — только.
 За истину нагуя я стою,
 Которую видать и близоруким.

СОМЕРСЕТ

Со стороны моей она настолько
 Блистательна, светла и очевидна,
 Что свет ее блестит и для слепых.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Когда язык ваш связан и ленив —
 То вашу мысль вы обнаружите знаком;
 Пусть тот, кто знатного происхождения
 И родовую честью дорожит —
 Предположив, что я — сторонник правды,
 Сорвет здесь розу белую со мной.

СОМЕРСЕТ

Пусть каждый, кто не лстец и не труслив
 И кто стоять за истину дерзает,
 Со мною розу алую сорвет.

УОРИК

Я не терплю цветного. Без цветов
 Постыдной лести — рву с Плантагенетом
 Я эту розу белую с куста.

СУФФОЛЬК

Я алую рву с юным Сомерсетом,
 Тем говоря: по-моему, он прав.

ВЕРНОН

Постойте, лорды, не срывайте больше,
 Покуда не решите вы, что тот,
 Чья сторона получит меньше роз,
 Соперника признать обязан правым.

СОМЕРСЕТ

Я признаю Вернона возраженье,
 Коль в меньшинстве я буду — покоряюсь.

ПЛАНТАГЕНЕТ

И я.

ВЕРНОН

За правоту и ясность дела —
 Срываю бледный девственный цветок
 И сторону беру я белой розы.

СОМЕРСЕТ

Не уколите пальцев: алой кровью
 Вы белую могли б окрасить розу,
 Невольно став сторонником моим.

ВЕРНОН

Когда, милорд, пролью за убеждения
 Я кровь свою — они ж меня издечат,
 И где стою — помогут устоять.

СОМЕРСЕТ

Ну, хорошо! За кем еще черед?

СТРЯПЧИЙ

Когда не лгут познания и книги —
 Я довод ваш неверным признаю
 И также розу белую срываю.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Ну, Сомерсет, где ж доводы твои?

СОМЕРСЕТ

Вот здесь, в ножнах: из белой — вашу розу
 Окрашу я в кроваво-алый цвет.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Цвет щек твоих подобен розе нашей.
 Они бледны от страха, в подтвержденье,
 Что мы — за правду.

СОМЕРСЕТ

Нет, Плантагенет,

Не страхом бледность вызвана, но гневом,
 Что от стыда ты ал, как наша роза,
 А твой язык сознаться в том не хочет.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Лорд Сомерсет, червя ль нет в вашей розе?

СОМЕРСЕТ

Шипов ли нет в твоей, Плантагенет?

ПЛАНТАГЕНЕТ

Есть острые — для охраненья правды,
 А твой червяк неправдой лишь живет.

СОМЕРСЕТ

Приверженцев найду кровавой розы,
 Готовых там отстаивать меня,
 Где не дерзнет Плантагенет явиться.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Клянусь я этим девственным цветком
 В руке моей, тебя, мальчишка дерзкий,
 И всех твоих друзей я презираю.

СУФФОЛЬК

Кого-нибудь другого презирай.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Согласен, Поль надменный, вас обоих.

СУФФОЛЬК

Сам подавись презрением своим.

СОМЕРСЕТ

Прочь, благородный Вильям де ла Пуль!
 Что с дворянином нам ничтожным спорить!

УОРИК

Его срамишь напрасно, Сомерсет.
 Вель Эдуарда Третьего сын третий
 Был герцог Кларенс, дед Плантагенета,
 И от такого корня быть не может
 Дворянчиков ничтожных без герба.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Теперь ему благоприятно не место,
 Иначе трус так говорить не смел бы.

СОМЕРСЕТ

Клянусь Творцом, я повторю все это
 Сейчас в любой из христианских стран.

Отец, граф Кембридж, не был ли казнен
При короле покойном за измену?
Позор его не пал ли и на сына?
Предательство живет в твоей крови,
Покуда прав лишен, ты — простолодин.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Был обвинен отец, не опозорен,
Он был казнен, изменником же не был.
Я это лучшим людям докажу,
Чем Сомерсет, когда право настанет.
Что до тебя и Поля твоего —
Я в памятную книгу вас внесу,
Чтоб за извет вас покарать достойно.
Смотрите же, я вас предупредил.

СОМЕРСЕТ

Ты нас найдешь готовыми всегда.
Своих врагов ты по цветам узнаешь, —
Назло тебе носить их будут наши.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Клянусь душою! бледный розан гнева,
Как знак вражды моей кровавой к вам,
Я и мои — носить мы будем вечно,
Пока со мной в могиле не увянет
Иль в славе он не расцветет со мной.

СУФФОЛЬК

Иди — и честолюбьем подавись,
Итак — прости, до предстоящей встречи.

(*Уходит.*)

СОМЕРСЕТ

И я с тобой. Прощай, тщеславный Ричард.
(*Уходит.*)

ПЛАНТАГЕНЕТ

Я оскорблен и должен все терпеть!
УОРИК

Позор, в котором род ваш обвиняют,
Он будет снят в парламенте ближайшем,
Где судятся дорд Винчестер и Глостер.
И если имя Йорка не вернут вам —
Пусть Уориком я больше не зовусь.
Покуда, в знак любви моей к тебе,
Назло ла Пулю с гордым Сомерсетом,
Я буду розу белую носить.

Предвижу я, что этот спор в саду,
На партии нас в Темпле разделивший,
В войне меж розой алою и белой,
Жертв тысячи в могильный мрак пошлет.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Вернон добрейший, вам обязан я,
Что за меня цветок был сорван вами.

ВЕРНОН

И я за вас носить его намерен.

СТРЯПЧИЙ

Я также.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Сэр, я вас благодарю;
Теперь ко мне обедать все идем.
За этот спор мы позже кровь прольем.
(*Уходят.*)

СЦЕНА V

Покой в Тауэре.

Мортимер, которого вносят в кресле двое сторожей.

МОРТИМЕР

О, добрые хранители моих
Преклонных лет! Остановитесь здесь.
Пусть Мортимер пред смертью отдохнет.
От заточенья долгого все члены
Мои болят, как будто после пытки.

Предтеча смерти — седина того,
Кто меж забот состарился, как Нестор, —
Вещает смерть Эдмунда Мортимера,
Глаза мои, подобные лампадам,
Где масло догорело, потухают.
Согбенные тяжелым горем плечи
И руки изможденные повисли,
Как ветви лоз, в которых соков нет.
А ноги неподвижные не в силах
Для тела бременного служить опорой,
Окрылены желанием одним:
Скорее лечь в могилу, как бы зная,
Что для меня отрады нет иной.
Скажи мне, друг, придет ли мой племянник?

СТОРОЖ

Ричард Плантагенет придет, милорд,
В его покои в Темпл мы посылали,
И был ответ, что он сюда прибудет.

МОРТИМЕР

Тогда душой спокоен буду я.
Бедняк! Мой — равна его обида,
С тех пор как Генрих Монмут — королем,
Томлюсь я здесь в постылом заточенье.
Я до него был славен в ратном поле.
Опальным стал и Ричард с тех же пор,
Равно лишенным чести и наследства.
Теперь, когда — в отчаянье посредник
И всех земных страданий разрешитель —
Смерть справедливая освобождение
Дарует мне, отсюда отпуская, —
Пусть и его окончились бы муки,
И получил он все, что потерял.

Входит Ричард Плантагенет.

СТОРОЖ

Ваш любящий племянник здесь, милорд.
МОРТИМЕР

Мой друг, Ричард Плантагенет пришел?

ПЛАНТАГЕНЕТ

Да, благородный дядя мой, с которым
Поступлено так низко! Ваш племянник,
Недавно опозоренный, пришел.

МОРТИМЕР

Направьте руки, чтоб, его обняв,
Я на груди его мой вздох последний
Мог испустить. В прощальном поцелуе
Как мне прильнуть к щекам его устами?
О, нежный отпрыск Йоркского ствола,
Ты о каком упоминал позоре?

ПЛАНТАГЕНЕТ

Дай обниму твой дряхлый стан рукой,
Чтоб выслушал в спокойном положении
Ты легче весть тяжелую мою.
Вопрос один сегодня обуждая,
Поспорили мы крупно с Сомерсетом;
Язык его, обиды расточавший,
Меня отцовской смертью упрекнул,
И тот упрек уста мне заградил,
Иначе я ответил бы ему.

О, добрый дядя, потому, во имя
Плантагенетов, нашего родства —
Поведайте причину, по которой
Граф Кембридж, мой отец, был обезглавлен?

МОРТИМЕР

Племянник милый, то, что привело
Меня в темницу злую, где в томленьи
Я молодость цветущую провел,
Орудием его кончины было.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Подробнее скажите; ни о чем
Не знаю я и угадать не в силах.

МОРТИМЕР

Скажу, коль скоро хватит мне дыхания
И не прервет повествования смерть.
Четвертый Генрих, нынешнему — дед,
Племянника, Ричарда, низложил;
Тот Третьему Эдварду приходился
Наследником и первородным сыном.
Найдя захват престола незаконным,
Тут попытались северные Перси
Возвезть меня. Причиной, побудившей
Их к этому, соображенья было,
Что после низложения Ричарда,
Лишенного наследников прямых,
Я к трону был ближайшим по рождению,
По матери моей происходя
От Кларенса, который третьим сыном
Был Эдуарду Третьему. Джон Гаунт,
Их предок, был четвертым в славном роде.
Заметь, меж тем как в доблестной попытке
Наследника законного венчать,
Они лишились жизни, я — свободы,
Впоследствии, когда сын Болингброка
Стал королем английским Генрих Пятым,
Граф Кембридж, твой отец, происходивший
От славного Эдмунда Лэнгли Йорка
И сочетавшись с матерью твоей,
Сестрой моей, страдая за меня,
Собрал войска, чтоб мне венец доставить.
Но храбрый граф казнен был, как другие,
И прав своих лишились Мортимеры.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Милорд, из них последний — ваша светлость.

МОРТИМЕР

Но у меня, ты знаешь, нет потомства.
Пророчит смерть слабеющий мой голос.
Наследник — ты, желаю, чтоб наследство
Ты получил, но — осторожен будь.

ПЛАНТАГЕНЕТ

Последую твоим советам мудрым.
Но думается мне, что казнь отца
Была одним насилием кровавым.

МОРТИМЕР

Политика тебя молчанью учит.
Упрочен дом Ланкастеров; горе
Подобен он, которую не сдвинуть.
Но дядя твой уж покидает мир.
Так короли меняют пребыванье,
Коль скоро им один дворец наскучит.

ПЛАНТАГЕНЕТ

О, если б частью юных лет моих
Пожертвовав, продил я вашу жизнь!

МОРТИМЕР

Убийцею ты был бы, что наносит
Десятки ран, когда одной довольно.
Нет, не скорби о том, что мне — на благо,
Лишь погребеньем ты распорядись.
Прости, пускай тебе надежда светит,
Благословен будь в мире и войне.

(Умирает.)

ПЛАНТАГЕНЕТ

Да будет мир души твоей уделом.
Паломником ты был в своей темнице.
И, как отшельник, пережил свой век.
В груди моей замкну его заветы,
И что замыслил — там я схороню.
Несите прах. О том я позабочусь,
Чтоб лучше смерти было погребенье.

Стражи уносят тело Мортимера.

Здесь угасает факел Мортимера,

Затушенный гнуснейшим честолюбьем.

Что до обид и горьких оскорблений,
Которые нанес нам Сомерсет, —
Сомненья нет, я с честью их заглажу,
А потому в парламент я спешу.
Пусть возвратят права мне и наследство,
Не то я в зле найду ко благу средство.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. СЦЕНА I

Лондон. Зала парламента.

Трубы. Входят король Генрих, Экзетер, Глостер, Уорик, Сомерсет, Суффольк, епископ Винчестерский, Ричард Плянтасенет и др.

Глостер пытается подать бумагу, но Винчестер вырывает ее и разрывает.

ВИНЧЕСТЕР

Ты с ябедой, изложенной в бумаге,
Обдуманной и взвешенной заранее,
Приходишь, Гомфри Глостер? Если хочешь
Ты обвинять — без подготовки действующий
Немедленно — как сам на обвиненья
Тебе готов немедля отвечать я.

ГЛОСТЕР

Надменный поп! Когда б ты не был здесь —
Ответил бы ты за обиду мне.
Не полагай, что если излагаю
Я письменно всю низость дел твоих,
То — вымысел они, и не сумею
Написанное устно подтвердить!
Нет, злоба так сильна в тебе, прелат,
И так срамны зловредные проделки,
Что спесь твоя известна малым детям.
Ты — ростовщик — враг мира, по природе
Сварливый, злой; развратник ты и мот,
На звание и сан твой невзирая.
На жизнь мою злоумышлял ты дважды:
На Лондонском мосту и в Тауэре второй раз.
И если бы твои просеять мысли —
Боюсь, что твой король не огражден
От зависти, таймой в сердце гордом.

ВИНЧЕСТЕР

Тебе бросаю вызов. Устойте
Вниманием ответ мой, лорды. Если б
Я жаден был, честолюбив, порочен,
Как он меня рисует, — почему же
Так беден я и не стремлюсь к величью,
Довольствуясь признанием своим?
А что до ссор — кому, чем мне, желанней
Бывает мир, когда я не задет?
Милорды, нет, не в этом оскорбленье,
Гнев герцога не этим распален:
Лишь он один стоять у власти хочет,
Лишь он один — быть близким королю.
Вот что грозу в груди его рождает
И обвиненьями гремит он. Но его
Не хуже я — пусть знает он!

ГЛОСТЕР

Не хуже!

Ты деда моего побочный сын?

ВИНЧЕСТЕР

Да, гордый лорд. Но кто же сами вы,
Как не чужого трона присвоитель?

ГЛОСТЕР

Я разве не протектор, дерзкий поп?

ВИНЧЕСТЕР

Я разве не прелат, сановник церкви?

ГЛОСТЕР

Да, точно так живет разбойник в замке,
Чтоб там скрывать добычу грабежа.

ВИНЧЕСТЕР
 О, нечестивый Глостер!
 ГЛОСТЕР
 У тебя же
 Не жизнь твоя — лишь сан благочестив.
 ВИНЧЕСТЕР
 Оплот мой — Рим.
 УОРИК
 Ну, и ступай туда.
 СОМЕРСЕТ
 Обязаны вы были воздержаться.
 УОРИК
 Бойтесь вы: епископа обидят.
 СОМЕРСЕТ
 Сдается мне: милорд протектор должен
 Быть набожней и сан духовный чтить.
 УОРИК
 Скромнее быть прелату подобает,
 Епископу так спорить не пристало.
 СОМЕРСЕТ
 Когда его священный сан затронут...
 УОРИК
 Священный, несвященный — все равно,
 Но короля протектор — герцог Глостер.
 ПЛАНТАГЕНЕТ
 (про себя)
 Помалкивать Плантагенету надо.
 Чтоб не сказали: говорите там,
 Где спросят вас, и смелое сужденье
 Вам нечего высказывать при лордах, —
 Не то бы я епископа пробрал.
 КОРОЛЬ ГЕНРИХ
 О, дядя Винчестер и Глостер! Оба
 Стоите вы на страже государства.
 Я вас молю, когда мольбы не тщетны —
 Сердцами слиться в дружбе и любви.
 Какой позор для нашего венца —
 Раздор двоих столь достославных перов!
 И мне в года столь юные известно,
 Что рознь такая — ядовитый червь,
 Точащий благо государства в корне.
 За сценой слышен шум и крики: «Долой бурых!»
 Что там за шум?
 УОРИК
 Готов я поручиться:
 Прелата слуги подняли мятеж.
 Снова шум, крики: «Камней, камней!»
 Входит мэр Лондона со свитой.
 МЭР
 Достойные милорды, Генрих добрый,
 О, смилуйтесь над Лондоном и нами.
 Епископа и лорда Гомфри слуги
 Ввиду носить оружие запрета —
 Камнями наполнили карманы
 И так тузят по головам друг друга,
 Что у иных пустые их мозги
 Пovyтекли. В домах разбиты окна,
 И лавки мы закрыли с перепугу.
 Входят в драке между собою слуги Глостера и Винчестера с окровавленными головами.
 КОРОЛЬ ГЕНРИХ
 Как ваш король, повелеваю вам —
 Бой прекратите и в мире пребывать.
 Прошу тебя, уйми их, дядя Глостер.
 1-Й СЛУГА
 Коль драться нам камнями запретят —
 То вцепимся друг в друга мы зубами.

2-Й СЛУГА
 Отважьтесь только, мы не поддадимся.
 Дерутся.
 ГЛОСТЕР
 Пускай все те, кто у меня на службе —
 Воздержатся от схватки недостоинной.
 3-Й СЛУГА
 Мы знаем вас, милорд, за человека
 Прямого, справедливого, — и родом
 Лишь короля вы ниже одного.
 И прежде, чем потерпим, чтоб такой
 Вельможа знатный и отец народа
 Был оскорблен чернильною душой —
 Мы будем биться, жены, дети наши,
 И предадим тела на избиенье
 Врагам твоим.
 1-Й СЛУГА
 Остатками ногтей
 И после смерти им вопьемся в тело.
 Снова дерутся.
 ГЛОСТЕР
 Я говорю вам: стойте! Если так
 Вы любите меня, как говорите —
 Послушайтесь и прекратите драку.
 КОРОЛЬ ГЕНРИХ
 Как их раздор мне душу угнетает!
 Лорд Винчестер, ужель вы не смягчитесь?
 Вы скорбь мою и слезы видеть в силах?
 Где жалости искать, как не у вас?
 Кто соблюдать захочет мир, когда
 Служители церкви тешились раздором?
 УОРИК
 Епископ! Лорд-протектор, уступите,
 Когда убить отказом не хотите
 Вы короля и погубить страну.
 Вы видите последствия вражды —
 Несчастья, убийства. Примиритесь,
 Коль скоро жажда крови вам чужда.
 ВИНЧЕСТЕР
 Не уступлю, когда он не смирится.
 ГЛОСТЕР
 Из состраданья к королю — смиряюсь.
 Не то скорее сердце у попа
 Я вырвал бы, чем уступил ему.
 УОРИК
 Лорд Винчестер, смотрите. Недовольство
 И злобу герцог Глостер подавил,
 И у него разгладилось чело.
 Зачем же вы глядите так сурово?
 ГЛОСТЕР
 Вот я тебе протягиваю руку.
 КОРОЛЬ ГЕНРИХ
 Не стыдно ль, дядя? В проповеди сами
 Учили вы, что злоба — грех великий,
 И, своему не следуя ученью,
 Вы первый же нарушили его.
 УОРИК
 О, дорогой король! Чрезмерно ласков
 Был выговор. Лорд Винчестер, стыдитесь!..
 Ужель дитя должно учить вас долгу?
 ВИНЧЕСТЕР
 Так, герцог. Я пожатею на пожатье
 Отвечу вам, любовью — на любовь.
 ГЛОСТЕР
 (про себя)
 Увы, боюсь: тут сердце ни при чем.
 Друзья мои и земляки! Да будет
 Вот этот знак залогом перемирья

Для наших всех приверженцев и нас.
Свидетель Бог — по правде мысляю я.
ВИНЧЕСТЕР
Прости мне Бог, коль не по правде мысло.
КОРОЛЬ ГЕНРИХ

О, милый дядя, добрый герцог Глостер,
Как радует меня согласие ваше.
Ступайте, люди, не тревожьте нас,
И, по примеру лордов, примиритесь.

1-Й СЛУГА
Ну, хорошо. Я — к лекарю.
2-Й СЛУГА
Я тоже.

3-Й СЛУГА
А я пойду в таверну за лекарством.
Уходят слуги, мэр и проч.
УОРИК

Вот, государь, бумагу просмотрите,
Мы вашему величеству решили
В ней изложить Плантагенета дело.
ГЛОСТЕР

Добро, лорд Уорик. Милый государь,
Из обстоятельств дела будет ясно:
Имеются у вас все основания,
Чтоб должное воздать Плантагенету,
Ввиду причин особых, о которых
Сам в Эльтеме докладывал я вам.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ
Они имеют силы. Потому
Желанье наше, лорды, таково,
Чтоб Ричарду вернуть его права.
УОРИК

Пусть Ричарду вернут его права;
Тем пред отцом его вину загладят.
ВИНЧЕСТЕР

Как прочие — так Винчестер решает.
КОРОЛЬ ГЕНРИХ
Коль скоро верен Ричард будет нам —
Не это лишь, я возвращаю ему
Наследье дома Йоркского. Ведь вы
По линии прямой — его потомок.

ПЛАНТАГЕНЕТ
Дает обет смиренный твой слуга
Тебе служить до самой смерти верно.
КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Тогда склони колена предо мной,
В награду же за это опояшу
Тебя мечом из дома Йорков я.
Встань истинным Плантагенетом, Ричард.
Отныне ты — светлейший герцог Йорк.

ПЛАНТАГЕНЕТ
Пусть мой успех врагов твоих низвергнет,
Тебе служу пусть я на гибель им,
Да сгинут все, кто на тебя помыслит!

ВСЕ
Привет тебе, могучий герцог Йорк!
СОМЕРСЕТ

Сгинь, гнусный принц, бесславный герцог
Йорк!

ГЛОСТЕР
Для вашего величества — пора
Во Францию отплыть, к коронованью.
Присутствие монарха возбуждает
Любовь друзей и подданных, меж тем
Врагов его в смущение приводит.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ
Коль ты сказал — решусь на этот шаг.
Где с нами друг — там не опасен враг.
Трубы.

ГЛОСТЕР
Твои суда к отплытию готовы.
Уходят все, кроме Экзетера.
ЭКЗЕТЕР

Во Франции иль в Англии мы будем —
Предугадать грядущего нельзя.
Меж пэрами раздор последний тлеет
Под пеплом дружбы мнимой, и наружу
В конце концов он пламенем прорвется.
Как постепенно в членах зараженных
Гниют их мясо, мускулы и кости —
Так будет распря эта развиваться.
И я боюсь, свершится предсказанье,
Которое, когда был Генрих Пятый
Властителем, и дети даже знали:
Что Генриха того завоеванья,
Который в Монмуте рожден, — утратит
Генрих,

Рожденный в Виндзоре, и для меня
Теперь оно так ясно, что желал бы
Я не дожить до тех времен несчастных.
(Уходит.)

СЦЕНА II

Франция. Перед Руаном.
Входит Дева, передетая, и солдаты, одетые крестьянами, с мешками за спиной.
ДЕВА

Руанские ворота — перед нами.
Мы хитростью должны проникнуть в них.
Внимательны к своим словам вы будьте,
Ведите речь, как продавцы простые,
Пришедшие, чтоб торговать зерном.
Коль впустят нас — на это я надеюсь,
И мы найдем, что стража их слаба, —
Я извещу друзей условным знаком,
Чтоб Карл дофин готовил нападение.

1-Й СОЛДАТ
Мы, взяв мешки, в мешок посадим город
И станем здесь хозяйничать в Руане.
Поэтому — стучимся.

(Стучится.)

СТОРОЖ

(изнутри)

Qui va la?¹

ДЕВА

Paysans, pauvres gens de France².
Торговцы мы,
Пришедшие продать свое зерно.
СТОРОЖ

(открывает ворота)

Входите же. К базару прозвонили.
ДЕВА

Теперь, Руан, падут твои твердыни.
Дева и солдаты входят в город.
Карл, Орлеанский, Алансон, Рене и войска.

КАРЛ

Пусть в хитрости святой Денис поможет,
И вновь мы спать в Руане мирно будем.
ОРЛЕАНСКИЙ
С солдатами туда вступила Дева,

¹ Кто там? *(франц.)*

² Крестьяне, бедные французы *(франц.)*.

Но способом каким она укажет.
Откуда нам ударить безопасней?

РЕНЕ

Она зажжет на этой башне факел,
Как знак того, что место, где она
Прошла сама, — защищено слабее.

ДЕВА

*(поднимается на укреплении с зажженным факелом
в руке)*

Смотрите! Вот счастливый факел брачный.

Он с Францией соединит Руан,
Но гибелью грозит войскам Тальбота.

ОРЛЕАНСКИЙ

Сигнал друзей ты видишь, славный Карл?
На башне той зажженный факел светит.

КАРЛ

Пусть блещет он кометою возмездья,
Падение врагов предвещающая.

РЕНЕ

Не медли же, опасны проводочки,
Идем вперед при возгласах: «Дофин!»
И поскорей со стражей покончим.

Входят в Руан.

Тальбот и английские солдаты.

ТАЛЬБОТ

О, Франция, оплачешь ты измену,
Коль скоро я ее переживу!
Проклятая колдунья эта Дева
Так быстро дело адское свершила,
Что от врагов с трудом лишь мы спаслись.
*Тревога, битва. Из города выносят в креслах боль-
ного Бедфорда, с ним — Тальбот, Бургундский и ан-
глийские войска. На стенах появляются Дева, Карл,
Орлеанский, Алансон и Рене.*

ДЕВА

День добрый! Хлеба не угодно ли вам?
Бургундский герцог предпочтет поститься,
Чем вновь его купить за ту же цену.
Там куколь был. По вкусу ли он вам?

БУРГУНДСКИЙ

Распутница, колдунья, смейся! Хлебом
Тебя твоим заставлю подавиться:
Ты проклянешь день жатвы.

КАРЛ

Ваша светлость,
До той поры вы с голоду умрете.

БЕДФОРД

Мы отомстим не словом, а делами.

ДЕВА

Что, добрая седая борода,
Не хочешь ли переломить копье,
Со смертью здесь сразиться, сидя в креслах?

ТАЛЬБОТ

Французская чертовка, злая ведьма!
Тебе ль, среди любовников твоих,
Над доблестною старостью глумиться,
Полуживого трусом называть?
Когда с тобой я снова не побьюсь —
Пусть суждено погибнуть мне бесславно.

ДЕВА

Так пылки вы? Но — осторожней, Дева, —
Тальбот гремит — так значит быть дождю.

Тальбот и другие совещаются.

Парламенту привет! За кем же слово?

ТАЛЬБОТ

Решитесь ли вы с нами выйти в поле?

ДЕВА

Ужель, милорд, настолько мы глупцы,
Чтоб взятое пытаться взять вторично?

ТАЛЬБОТ

Я говорю не с дерзкою Гекатой,
С тобою, Алансон, и всеми вами.
Хотите ль вы сразиться, как бойцы?

АЛАНСОН

О, нет, сеньор.

ТАЛЬБОТ

Черт побери, сеньор!

Французские погонщики мулов!
Попрягались за стены, как мальчишки,
И в бой идти, как рыцари, не смеют.

ДЕВА

Начальники, уйдем со стен. Я вижу
Недоброе во взоре у Тальбота.
Бог с вами, лорд! Мы приходили только
Вам объявить, что здесь мы.
Дева и прочие сходят со стен.

ТАЛЬБОТ

И скоро мы последуем за вами,
Иль славу я сменяю на позор!
Бургундский! Честью рода поклонись,
Во Франции задетой всенародно,
Что возвратишь ты город иль падешь!
А я кланусь, и это так же верно,
Как то, что Генрих здравствует, и здесь
Отец его завоеватель был,
А в городе изменнически взятом —
Могла Сердца Львиного Ричарда.
Кланусь: верну я город иль умру!

БУРГУНДСКИЙ

Такой же клятвой вторю я твоей.

ТАЛЬБОТ

На умирающего герцога взгляни,
На доблестного Бедфорда сначала.
Милорд, мы вас устроим в лучшем месте,
Как требует недуги возраст ваш.

БЕДФОРД

Лорд Тальбот, не позорь меня. Сидеть
Я здесь хочу, перед стенами Руана,
И разделить печаль иль радость с вами.

БУРГУНДСКИЙ

Дай, храбрый Бедфорд, убедить себя...

БЕДФОРД

Меня уйти не убедишь. Читал я,
Что Пендрагон большой, в своих носилках
Явился в бой и победил врагов.
Одушевил бы я сердца солдат.
Они всегда со мною схожи были.

ТАЛЬБОТ

Неустранимый дух в груди бессильной!
Пусть будет так. Храни его, Творец.
Теперь, отважный герцог, не замедлим
Собрать свое рассеянное войско
И на врага хвастливого ударим.
*Бургундский, Тальбот и войско входят в город,
оставив Бедфорда и других.*
*Тревога, битва; во время одной из стучек входят
сэр Джон Фастольф и капитан.*

КАПИТАН

Куда спешите вы, сэр Джон Фастольф?

ФАСТОЛЬФ

Куда спешу? Спасаясь бегством я.
Мы, кажется, отбиты будем снова.

КАПИТАН

Как? Тальбота покинув, вы бежите?

ФАСТОЛЬФ

Всех Тальботов, спасти бы только жизнь!
(Уходит.)

КАПИТАН

Трусливый воин! гибель на тебя.

*(Входит в город.)**Отбой, битва. Дева, Алансон, Карл бежит из города.*

БЕДФОРД

Лети, душа, коль Небу так угодно:

Теперь врагов я видел поражение.

Что сила, что уверенность безумцев?.

Державшие над нами насмехаться —

Они теперь бежать с позором рады.

*(Умирает, его уносят в город.)**Тревога. Возвращаются Тальбот, Бургундский и др.*

ТАЛЬБОТ

Потеряно, и в тот же день отбито —

Двойная честь! Но слава той победы,

Бургундский герцог, — Небу, а не нам.

БУРГУНДСКИЙ

Воинственный, неустрашимый Тальбот!

Тебя носить отныне в сердце буду,

Где памятник тебе — твой деянья.

ТАЛЬБОТ

Благодарю вас, герцог. Где же Дева?

Сдается мне, что дух ее заснул.

Где вызовы Батарда, Карла смех?

Затихло все. Главой поник Руан,

Стольких лишаась защитников отважных.

Мы в городе порядок восстановим

И, опытных назначив офицеров,

Отправимся в Париж, где пребывает

С вельможами наш молодой король.

БУРГУНДСКИЙ

Во всем Бургундский с Тальботом согласен.

ТАЛЬБОТ

Но прежде погребения обряд

Над Бедфордом покойным совершим.

Да будет он земле в Руане предан.

Храбрейшего героя не бывало,

И при дворе — достойнейшего сердца.

Но все умрут — владыки, короли,

Таков конец всех горестей земных.

(Уходит.)

СЦЕНА III

*Равнина близ Руана.**Входят Карл, Орлеанский, Алансон, Дева и войска.*

ДЕВА

Случайным поражением не смущайтесь

И не скорбите, что Руан отбит.

Забота — яд, а не лекарство там,

Где более уже нельзя помочь,

Пуускай Тальбот безумный торжествует,

И, как павлин, свой распускает хвост —

Мы вышпишем убор его, коль скоро

С дофином все доверится вы мне.

КАРЛ

Ты ранее руководила нами,

Мы верили в тебя: одна случайность

Несчастная не оборвет доверья.

ОРЛЕАНСКИЙ

В уме своем еще измысли хитрость,

И мы тебя на целый мир прославим.

АЛАНСОН

Мы статую твою поставим в храме

И как святой тебе молиться будем,

Лишь в этот раз нам, Дева, помоги.

ДЕВА

Итак, вот что решает Иоанна:

Медовыми речами, уговором —

Мы герцога Бургундского принудим,

Покинувши Тальбота, к нам пристать.

КАРЛ

Когда б, дружок, мы этого добились —

Тут Генриха войскам не стало б места.

Кичиться так не смел бы их народ,

Но был бы он из всех провинций изгнан.

АЛАНСОН

Бежали бы из Франции они,

Не сохранив здесь права и на графство.

ДЕВА

Увидите, как действовать я стану,

Чтоб все привезь к желанному концу.

Барабанный бой за сценой.

Вы слышите по звуку барабанов,

Что двинулись к Парижу их войска.

*Английский марш. Входят и проходят на некотором**расстоянии войска с Тальботом во главе.*

Тальбот идет, знамена распустив,

И все войска английские — за ним.

*Французский марш. Входят герцог Бургундский и**его войска.*

А вот в тылу Бургундский герцог с войском.

На счастье, он отстал. К переговорам

Трубить сейчас! Мы с ним поговорим.

Трубят.

КАРЛ

Переговоры с герцогом Бургундским!

БУРГУНДСКИЙ

Кто с герцогом желает говорить?

ДЕВА

Державный Карл, француз он, как и ты.

БУРГУНДСКИЙ

Что скажешь, Карл? Отсюда ухожу я.

КАРЛ

(Деве)

Ты говори. Плени его речами.

ДЕВА

Надежда всех французов, славный герцог,

Слуге твоей дозволь промолвить слово.

БУРГУНДСКИЙ

Не слишком лишь пространно говори.

ДЕВА

На Францию богатую взгляни —

Страну твою! Селенья, города

Жестокий враг в ней предал разрушенью.

Как мать глядит на милое дитя,

Чей нежный взор навеки смерть смежает, —

На Франции недуг ты погляди,

На тяжкие, чудовищные раны,

Которые нанес ее груди.

Меч обрати ты в сторону другую,

И ранящих рази, а не целящих.

Ведь капля крови из груди отчизны —

Должна б сильней, чем реки чуждой крови,

Тебя страшить. Вернись же к нам. С отчизны

Слезами смой кровавое пятно.

БУРГУНДСКИЙ

Ее речами околдован я,

Иль говорит во мне сама природа?

ДЕВА

Вся Франция, французы все дивятся,

В твоём происхожденье усомнясь.

Вступил в союз с народом гордым ты? —

Из выгоды тебе он доверяет.

Когда ж Тальбот здесь прочно оснуется

И сделает тебя орудьем зла —

Кто властелин здесь будет, как не Генрих?

И, как беглец, изгнанником ты будешь.

Припомни — в том найдешь ты
 подтверждение —
 Твоим врагом был герцог Орлеанский,
 И пленником он был у англичан. —
 Меж тем узнав, что недруг он тебе, —
 Без выкупа его освободили,
 Назло тебе и всем твоим друзьям.
 Ты на своих сограждан ополчился,
 Соединясь с убийцами твоими.
 Приди же к нам, о герцог, возвратись!
 С друзьями Карл тебя в объятия примет.

БУРГУНДСКИЙ
 (в сторону)

Я побежден. Как громом из орудий,
 Возвышенною речью я разбит,
 Почти готов я преклонить колени.
 (Тромко.)

Ты, родина, и вы, друзья, простите,
 Позвольте вас от всей души обнять.
 Мои войска, могущество — все ваше.
 Прошай, Тальбот, тебе не верю я.

ДЕВА

Как истинный француз вы поступили.
 (Про себя.)
 Вертится так и эдак.

КАРЛ

Храбрый герцог,
 Ты воскресил нас дружбою твоей.

ОРЛЕАНСКИЙ

Ты снова мужество вселяешь в нас.

АЛАНСОН

На славу роль сыграла в этом Дева,
 Она венца достойна золотого.

КАРЛ

Соединим войска и сообща
 Придумаем, как повредить врагу.
 Уходят.

СЦЕНА IV

Париж. Покой во дворце.

Входят король Генрих, Глостер, Винчестер, Йорк,
 Суффольк, Сомерсет, Уорик, Экзетер, Вернон,
 Бассет и другие.

К ним навстречу идут Тальбот и некоторые из его
 офицеров.

ТАЛЬБОТ

Мой государь, достойнейшие пэры,
 Когда узнал я о прибытии вашем —
 В сражениях я сделал перерыв,
 Дабы мой долг исполнить пред монархом.
 И в знак того рукою, покорившей
 Под вашу власть полсотни крепостей,
 Семь городов, двенадцать укреплений
 Да именитых пленников пятьсот, —
 Я этот меч у ваших ног слагаю.

(Становится на колени.)

И в преданности сердца моего,
 Всю честь побед приписываю Богу
 Сначала я, а после — королю.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Так, значит, лорда Тальбота я вижу.
 Пробывшего во Франции так долго?

ГЛОСТЕР

Да, государь мой, это он.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Добро

Пожаловать, победоносный вождь.
 В дни юности моей — хотя не стар
 И нынче я — отец мне говорил,

Что война отважней не бывало.
 Давно уж нам известны ваша верность,
 Усердие, военные труды.
 Но вы от нас награды не имели,
 Благодарить мы не могли вас даже,
 Затем, что вас не видели в лицо.
 Но встаньте, лорд. За ратные заслуги —
 Мы жалуюм вас графом Шрусбери.
 Присутствуйте вы при венчанье нашем.
 Трубы. Уходят все, исключая Вернона и Бассета.

ВЕРНОН

Ну, что же, сэр? Так сильно горячились
 Вы на море, позоря те цвета,
 Что в славу Йорка, герцога, ношу я?
 Решишься ль ты те речи подтвердить?

БАССЕТ

Да, сэр, коль скоро дерзким языком
 Завистливо решитесь лаять вы
 На герцога, милорда Сомерсета.

ВЕРНОН

Я чту его таким, каков он есть.

БАССЕТ

Ну а каким? Ведь Йорка он не хуже?

ВЕРНОН

Не хуже? Как же! Вот тебе за то!

(Бьет его.)

БАССЕТ

Тебе закон известен, негодяй!
 Кто обнажит оружие — смерть тому,
 Не то бы мне ты кровью заплатил.
 Но я к его величеству отправлюсь,
 Чтоб испросить на битву дозволение,
 И мы сразимся на беду твою.

ВЕРНОН

Туда с тобой поспею заодно:
 Мы свидимся скорей, чем пожелаешь.
 Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. СЦЕНА I

Париж. Дворец.

Входят король Генрих, Глостер, Экзетер, Йорк,
 Суффольк, Сомерсет, Винчестер, Уорик, Тальбот,
 комендант Парижа и другие.

ГЛОСТЕР

Главу его венчайте, лорд-епископ.

ВИНЧЕСТЕР

Помилуй, Боже, Генриха монарха
 И государя — именем Шестого.

ГЛОСТЕР

Клянитесь вы, парижский губернатор.
 Комендант преклоняет колени.

Не избирать другого государя.

Да будут вам его друзья — друзьями,

И только те врагами станут вам,

Кто на его престол злоумышляет.

Так действуйте, и Бог вам да поможет.

Уходят комендант и свита.

Входит сэр Джон Фастольф.

ФАСТОЛЬФ

Мой государь, покуда из Кале
 На ваше я спешил коронавань,
 От герцога Бургундского вручили
 Мне к вашему величеству письмыю.

(Подает его.)

ТАЛЬБОТ

Позор тебе и герцогу позор!

Я поклялся сорвать, презренный воин,

С ноги твоей Подвязку при свиданье

(Срывает орден.)

И сделал так — затем, что недостойно
Отличьем ты пожалован высоким.
Простите, Генрих царственный, и лорды,
Но в битве при Пате, где у меня
Шесть тысяч войска было, а французов —
По десяти на одного, трус этот,
Как под охрану верную, бежал
До первых же ударов, раньше боя.
Теперь судите, лорды, поступил ли
Я правильно и трус такой достоин
Носить отличие рыцарства иль нет?

ГЛОСТЕР

Воистину такой поступок гнусен
И для простого воина, не только
Для рыцаря, вождя и капитана.

ТАЛЬБОТ

Когда, милорды, орден основался,
То рыцарям Подвязки благородным
Присущи были храбрость, добродетель
И мужество в боях, где, не страшась
Опасностей и смерти, все они
И в крайности решимость сохраняли.
И тот, кому такие свойства чужды —
Тот рыцарем зовется незаконно
И оскверняет высший этот орден.
Когда б я смел судьбою быть — сравнял бы
Его в правах с холопом подзаборным,
Который стал дворянством похваляться.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Позор отчизны, слышал приговор?
Ты более не рыцарь, удались,
Тебя под страхом смерти изгоняем.

Фастольф уходит.

Теперь, милорд протектор, прочитайте,
О чем Бургундский герцог пишет нам?

ГЛОСТЕР

Что это значит? Изменился слог
У герцога?

(Смотрит надпись.)

Как кратко; королю.

Забыл ли он, что вы — его властитель,
Иль означает грубый заголовок,
Что в чувствах он переменяет к вам?
Что ж пишет он?

(Читает.)

«Ввиду причин особых,

Исполнен сострадания к разоренной
Страны моей и к жалобам народа,
Который вы тесните, я покинул
Зловредный ваш союз, соединясь
С законным королем — французским
Карлом».

Ужасная измена! Неужели
В союзах, дружбе, клятвах — заключаться
Такая ложь и вероломство могут?

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Как? Дядя наш Бургундский возмущился?

ГЛОСТЕР

Да, государь, он вашим стал врагом.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

И худшее в его посланье — это?

ГЛОСТЕР

И худшее и лучшее — тут все.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Пускай же с ним поговорит лорд Тальбот
И должную воздаст за это кару.

Что скажете, милорд? Довольны вы?

ТАЛЬБОТ

Доволен я: предупрежден я вами,
Об этом сам я должен был просить.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Войска собрав, идите на него:
Пусть видит, как предательства не терпим
И как друзьям преступно изменять.

ТАЛЬБОТ

Иду, всем сердцем, государь, желаю
Увидеть вам врагов уничижение.

(Уходит.)

Входят Вернон и Бассет.

ВЕРНОН

Дозвольте мне с ним биться, государь.

БАССЕТ

Мне, государь, дозвольте с ним сразиться.

ЙОРК

Он — мой слуга, ему внимлите, принц.

СОМЕРСЕТ

За моего прошу я, милый Генрих.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Терпенье, лорды. Пусть их объяснятся.

Что значат ваши крики, господа?

Зачем и с кем хотите вы сразиться?

ВЕРНОН

С ним, государь, он оскорбил меня.

БАССЕТ

Я — с ним. Меня он также оскорбил.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

В чем состоит взаимная обида?

Скажите мне, затем я вам отвечу.

БАССЕТ

Покуда морем плыли мы сюда —
Из зависти он стал меня корить
За то, что я ношу вот эту розу.
Он говорил, что цвет ее так красен,
Как щеки господина моего,
Когда упорно правду отрицал он
По поводу вопроса о правах,
Возникшего меж ним и лордом Йорком.
Он говорил обидных слов немало,
И я прошу, в опровержение их,
В защиту доброй славы господина —
Чтоб разрешен был поединок мне.

ВЕРНОН

А вот мое моление, государь.
Хотя сумел в благоприятном свете
Он выставить поступок дерзкий свой —
Но знаете: мне он первый бросил вызов,
Сказав, что бледность розы обличает,
Насколько духом слаб мой господин.

ЙОРК

Где, Сомерсет, конец вражды твоей?

СОМЕРСЕТ

Как, герцог Йорк, вы злобу ни таите
Свою хитро — она наружу рвется.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Великий Бог, что за безумье в их
Мозгу больном, когда из пустяков
Они раздор подобный затевают!
Любезные мои кузены Йорк

И Сомерсет, прошу вас, примиритесь!

ЙОРК

Пусть распря их решится поединком,

Затем уже нам предпишете мир.

СОМЕРСЕТ

Нас этот спор касается одних

И меж собой мы порешим его.

ЙОРК

Прими же ты мой вызов, Сомерсет.

ВЕРНОН

Пусть кончится, как началось — меж нами.

БАССЕТ

На том реши, державный повелитель.

ГЛОСТЕР

На том решить? Проклятье вашей ссоре
И вам самим с бесстыдной речью вашей,
Нахальные вассалы! Как не стыдно
Вам наглостью крикливой докучать
Его величеству и нам? А сами
Нехорошо вы делаете, лорды,
Дозволив им такие пререканья
И, к случаю придравшись, меж собою
Устами их раздоры затевая.
Советую вам быть благоразумней.

ЭКЗЕТЕР

Скорбит король. Другьями будьте, лорды.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Приблизьтесь вы — желавшие сразиться
Коль скоро милость цените вы нашу —
Должны забыть вы о причине ссоры,
А вы, милорды, вспомните, где мы —
В изменчивом краю, непостоянном.
Когда раздор заметят в наших взорах
И несогласье наше — в недовольных
Умах оно немедля возбудит
Дух мятежа и неповиновения.
Какой позор, когда узнают принцы
Чужих земель, что здесь, из-за ничтожной
Безделицы — враждуют меж собой
Вельможи, пэры Генриха Шестого,
Французское теряя государство!
О, вспомните отцовские победы,
Года мои — и купленному кровью
Не дайте вы из пустяков погибнуть.
Посредником пусть я в раздоре буду.
Причины нет — хотя бы эту розу
Я приколот — подозревать меня,
(Прикалывает алую розу.)

Что Сомерсет милее мне, чем Йорк.
Как братьев, я обоих их люблю.
Тогда и мне в укор венец поставят:
Ведь и король Шотландии венчался.
Но лучше вас рассудок убедит,
Чем я внушить иль преподать сумею,
А потому, как мы явились с миром —
Так и пребудем в мире и любви.
Брат Йорк, мы вашу светлость назначаем
Над этой частью Франции регентом.
Любезный Сомерсет, с его пехотой
Вы конницу соедините вашу.
Как подданные верные, сыны
Отцов своих, идите дружно вместе
И гнева пыл излейте на врагов,
А мы и лорд-протектор с остальными,
Здесь отдохнув немного, чрез Кале
В Британию вернемся, и надеюсь,
Что вскорости туда победы ваши
Доставят нам дофина, Алансона
И этот весь изменнический сброд.

Трубы.

Уходят король Генрих, Глостер, Сомерсет, Винчестер, Суффольк и Бассет.

УОРИК

По мне, лорд Йорк, премило разыграл
Оратора сегодня наш король.

ЙОРК

Согласен я, не по сердцу мне только,
Что Сомерсета розу он надел.

УОРИК

Так вздумалось. Принц милый, не вините
Вы короля: он зла вам не желал.

ЙОРК

Когда б я был уверен... Но — довольно!
Заняться должен делом я другим.

(Уходит.)

ЭКЗЕТЕР

Добро, что ты сдержал себя, Ричард.
Когда б наружу страсти прорвались —
Боюсь, что в них мы больше бы нашли
Злопамятной вражды и пылкой злобы,
Чем в силах мы себе вообразить.
Чтоб ни было — но и простые люди,
Раздор дворянства видя при дворе,
Заносчивость вельмож друг перед другом
И распри их любимцев — заключат,
Что бедствие все это предвещает.
Несчастье — в руке ребенка скинпетр,
Но хуже — зависть, внесенная раскол.
В ней гибель, в ней — источник смут и зол.
(Уходит.)

СЦЕНА II

*Перед Бордо.
Тальбот и войска.*

ТАЛЬБОТ

Ступай к воротам города, трубач,
И вызови на стену полководца.
Трубач трубят к переговорам.
На стены выходит командующий французским войском со сестрой.

ТАЛЬБОТ

Французы! Я — Джон Тальбот, короля
Британского слуга на поле брани —
Зываю к вам: ворота отворив,
Явите нам покорность и признайте
Вы государя нашего — своим, —
Я с грозными войсками удалюсь.
Но если мир отвергнете — моих
Сподвижников покусите вы ярость.
Они зовутся голодом костлявым,
Разящей сталью, пламенем ползучим.
И вмиг они с землей сровняют башино,
Коль нашу вы отвергнете приязнь.

КОМАНДУЮЩИЙ
ФРАНЦУЗСКИМ ВОЙСКОМ

Зловещий сыч, вещающий о смерти,
Кровавый бич народа моего!
Твой произвол приблизился к концу,
Проникнуть к нам ты можешь только мертвым.
Достаточно мы укрепились тут,
И в поле мы сразиться в силах,
А вздумашь ты отступить — дофином
В сеть их полков ты будешь вовлечен,
Со всех сторон расставлены отряды,
Чтоб преградить тебе возможность к бегству.
Где помощи ни вздумал бы искать —
Добычей смерти явно станешь ты
И с гибелью ты бледною столкнешься.
Французов десять тысяч поклялись
Причастием, что разрядят орудья
Они свои в Тальбота одного.
Вот ты живым стоишь передо мною,
Муж доблестный с неустрашимым духом,
И должную хвалу в последний раз
Я, недруг твой, хочу тебе воздать.
Скорее, чем просыплется песок
Весь до конца из склянки — этим взором,
Которые тебя цветущим видят,
Ты явишься в крови, поблекшим, мертвым.

Барабаны вдали.

Чу! Барабан дофина! Он звучит,
Как колокол душе твоей смятенной,
А мой пробьет отходную тебе.

(Уходит.)

ТАЛЬБОТ

Он не солгал: врага я слышу! Конных
Разведчиков на фланги их отправьте!
О, как у нас небрежна дисциплина.
Мы загнаны — оленей робких стадо,
Запуганных визгливой стаей псов.
Но если мы — британские олени,
То кровные, что с первого удара
Не свалятся, но к своре кровожадной
Стальные лбы свирепо обратят.
Трусливых псов к себе не подпускай.
Пройдите жизнь так дорого, как я, —
И дорогой добычею мы станем.
Святой Георгий, Бог и наше право!
Да будет нам в бою опасной слава.
Уходят.

СЦЕНА III

Равнина в Гасконии.

Йорк с войсками, к нему — гонец.

ЙОРК

Ужель все нет разведчиков, следивших
За армией могучею дофина?

ГОНЕЦ

Милорд, они вернулись с донесеньем,
Что он к Бордо ведет войска затем,
Чтоб с Тальботом сразиться. На пути
Лазутчики открыли два отряда —
Значительней дофина войск, и, с ними
Соединясь, идет он на Бордо.

ЙОРК

Пусть Сомерсет негодный будет проклят!
Что ж конницу задерживает он,
Которая участие в осаде
Должна принять? Подмоги Тальбот ждет;
Предателем меж тем я одурачен,
И рыцарю помочь не в силах я.
Да подкрепит Господь его, не то
Во Франции нам без него не биться!
Входит сэр Вильям Льюис.

ЛЬЮСИ

Вожь царственный английских войск,
в которых

Ни разу так досель мы не нуждались, —
Спешу на помощь славному Тальботу!
Герой кольцом железным опоясан
И гибелью зловешей окружен.
Спешу в Бордо, неустрашимый герцог,
Не то — прости, Тальбот, и наша честь.

ЙОРК

На месте Тальбота будь Сомерсет,
Войска мои задерживать посмеешься, —
Предателя и труса потеряв,
Мы тем спасли б отражного героя.
От ярости и гнева плачу я.
Что гибнет все, покада спит изменник.

ЛЬЮСИ

Пошли ему какую-нибудь помощь.

ЙОРК

С ним все падет, и слово я нарушу!
Мы — в горе, враг ликует; мы теряем,
А он приобретает с каждым днем,
И Сомерсет предатель — тут виновник.

ЛЬЮСИ

Так пусть Господь спасет Тальбота душу,
А также сына юного его:

Он встретился мне на пути к отцу,
Семь лет они не виделись, и вот
Найдут конец они при встрече оба.

ЙОРК

Увы, тебе на радость ли, Тальбот,
Приветствовать дитя свое у гроба?
Прочь уходи! Стеснилась грудь моя...
Встречаются друзья перед кончиной.
Помочь не в состоянии, в силах я
Лишь клясть того, кто этому причиной.
Нет Тура, Пуатье, Блуа и Мэна:
В том Сомерсет виной — его измена.

(Уходит с войсками.)

ЛЬЮСИ

Итак, меж тем, как злой раздора коршун
Живет в груди великих полководцев —
Мы, вследствие небрежности, теряем
Все, что добыл, едва остыть успевший
В гробу своем — бессмертный Генрих Пятый.
Пока идут меж ними пререканья —
Все гибнет: жизни, честь, завоеванья.
(Уходит.)

СЦЕНА IV

Другая равнина в Гасконии.

Сомерсет, свита его, один из офицеров Тальбота.

СОМЕРСЕТ

Теперь уже послать подмогу поздно.
Предприняли свой поход Йорк и Тальбот
С поспешностью чрезмерной. наших сил
Для отраженья вылазок не хватит.
Был чересчур самонадеян Тальбот,
И омрачил он прежней славы блеск
Таким безумно дерзким предпринятьем.
Йорк шлет его на смерть в бою бесславном,
Чтоб самому великим Йорком стать.

ОФИЦЕР

Является сюда сэр Вильям Льюис,
Со мной от войск за помощью он прислан.
Входит сэр Вильям Льюис.

СОМЕРСЕТ

Что, сэр Вильям? откуда вы явились?
ЛЬЮСИ

От Тальбота, который выдан, продан!
Он борется с бедою неминучей
И молит славных Йорка с Сомерсетом
Смерть отразить, его отрядам слабым
Грозящую. Покуда с полководца
Великого кровавый пот струится,
И помощи, едва держась, он ждет —
Вы, Англии опора, на которых
Надеялся он ложно, — в стороне
Соперничеством заняты ничтожным.
Пусть помощи спасительной прислужу
Не замедляет личный ваш раздор,
Меж тем как жизни славного борца
Опасностей мир целый угрожает.
Карл, герцоги Бургундский с Орлеанским,
И Алансон с Рене — его теснят,
И через вас погибнуть должен Тальбот.

СОМЕРСЕТ

Йорк шлет его, пусть помогает Йорк.

ЛЬЮСИ

А Йорк винит открыто вашу светлость,
Что конницу его вы задержали,
Готовую к походу.

СОМЕРСЕТ

Йорк солгал!

Он мог прислать за нею. Не обязан

Ему я ни почтеньем, ни любовью
И не хочу присылкой подольщаться.
ЛЬЮСИ
Не силами врагов — коварством близких
Теперь опутан Тальбот благородный.
Он в Англию живым не возвратится,
Но здесь падет, раздором вашим сгублен.

СОМЕРСЕТ
Идем. Сейчас я конницу отправлю,
Чрез шесть часов она к нему прибудет.
ЛЬЮСИ

Уж поздно. Он захвачен иль убит,
Бежать не мог он, если б и хотел,
А если б мог — то не бежал бы Тальбот.

СОМЕРСЕТ
Прости, Тальбот, когда пробил твой час.
ЛЬЮСИ
С ним — честь его; позор его — на вас.
(*Уходит.*)

СЦЕНА V
*Английский лагерь близ Бордо.
Входят Тальбот и сын его Джон.*

ТАЛЬБОТ
Джон Тальбот юный, я призвал тебя
С тем, чтобы здесь наставить в ратном деле
И воскресить в тебе Тальбота имя,
Когда лета преклонные и хилость
Меня к одру навеки прикуют.
Коварные, зловешие светила!
Приходишь ты сюда на праздник смерти,
К опасности неотвратимо грозной.
Бери, мой сын, быстрейшего коня,
Я научу сейчас тебя, как можешь
Спастишь поспешным бегством.
Но не медли.

ДЖОН
Но разве я не Тальбот, вам не сын?
И мне бежать? Коль скоро мать мою
Вы любите — бесчестия не кладите
Теперь на имя честное ее,
Пусть не слышу я сыном незаконным.
Все скажут: в нем не кровь Тальбота, если
Бежал он там, где Тальбот устоял.

ТАЛЬБОТ
Беги — отмстишь, когда падет отец.

ДЖОН
Для беглеца не может быть возврата.

ТАЛЬБОТ
Останемся — обоих ждет конец.

ДЖОН
Останусь я. В твоём лице утрата
Была б тяжка, себя побереги.
Безвестен я, значения не имею.
Убив меня, не победаят враги,
Но все погибнет с гибелью твоею.
Тебе, герою, бегство — не укор,
Я не герой, и мне одно — позор.
Коль ты бежишь — расчет увидят явный,
А я бегу — все скажут: трус бесславный.
И сам едва ль позднее устою,
Когда бегу я в первом же бою.
Молю тебя: о, лучше пасть в сраженьи,
Чем жизнь купить ценою униженья!

ТАЛЬБОТ
И погребешь в могиле ты одной
Все упования матери родной?

ДЖОН
Не осрамлю мне давшую рожденье.

ТАЛЬБОТ
Иди — таков отцовский мой завет.
ДЖОН
В сраженьи — да. Бежать постыдно — нет!

ТАЛЬБОТ
В тебе отец спасен отчасти будет.
ДЖОН

И сын отца тем на позор осудит.
ТАЛЬБОТ
Не славен ты. Стыда не можешь знать.

ДЖОН
Могу я ваше имя запятнать.

ТАЛЬБОТ
Приказ отца пятно позора смоем.

ДЖОН
Падете вы — кто истину откроет?
Бежим вдвоем, когда спасенья нет.

ТАЛЬБОТ
Мои войска на злую смерть покину,
И стыд узнаю я на склоне лет?

ДЖОН
И в юности мне знать его не след.
Как собственного тела половину
Мы отделить не можем от другой —
Так и тебя, отец, я не покину.
Иди, останься — всюду я с тобой.
Умрет отец — тогда не жить и сыну,

ТАЛЬБОТ
Так, милый сын, с тобой прошуюсь я,
С закатом дня затмится жизнь твоя.
Сразимся рядом, вместе с поля брани
Да отлетит наш дух к небесной грани.
Уходят.

СЦЕНА VI
*Поле сражения.
Тревога, вылазки, битва. Тальбота сын окружен,
отец выручает его.*

ТАЛЬБОТ
Смелей! Святой Георгий и победа!
Смелей! Регент не держит данных слов.
Своей меч обрек он ярости врагов.
Где Джон? Постой! Передохни в бою.
Тебе вторично ныне жизнь даю,
Которую я дал тебе однажды.

ДЖОН
Я дважды сын, и ты отец мне дважды.
Жизнь первую пресечь стремился рок;
Твой славный меч продлил мне данный срок.

ТАЛЬБОТ
Когда огонь из шлема у дофина
Иссечен был в бою ударом сына —
Я вспыхнул гордой жаждою побед.
Как в юности, воинственного пыла
Исполнил я вновь на склоне лет.
Рука моя Бургундского отбила,
Батарда, Алансона, цвет бойцов, —
И ты спасен от галльских гордецов.
Свирепый Орлеан, с которым в сече
Меч девственный пришлось тебе скрестить,
Кому досталось кровь твою пролить —
Попался мне и ранен был при встрече.
Воскликнул я: кровь гнусную твою,
Нечистую, таящую заразу.

И подлую — в отмишенье я пролью
За чистую кровь Тальбота! — В бою
Готовился я с ним покончить сразу,
Но с помощью прибывших спасся он.

Но мне скажи, устал ты, милый Джон?
И рыцарской себя отметив славою,
Согласен ли покинуть бой кровавый?
Беги, отмсти врагам за смерть мою.
В одном бою здесь пользы будет мало.
Безумна мысль, мне очевидно стало —
Судьбу всех нас вместишь в одну ладью.
Когда врагов избегну испугленных,
То завтра же умру от лет преклонных.
Останусь я — какой расчет врагу
В том, что я лишний день прожить могу.
С тобой же гибнут имя родовое,
И мать моя, и мщение святое,
Отчизны честь. Ты смерти их обрек;
Решась бежать, ты все спасти бы мог.

ДЖОН

Я не страдал от стали Орлеана,
От слов твоих раскрылась в сердце рана.
В стыде какая польза может быть:
Жизнь жалкую спасти и честь убить?
Нет, прежде чем я Тальбота оставлю —
Пусть подо мной трусливый конь падет.
Пускай тогда себя я обесславлю,
С французской чернью наравне поставлю,
Предметом став глумлений и невзгод.
Клянусь я вашей славою: если поле
Покину я, отец мой — не Тальбот.
О бегстве не упоминайте боле,
Сын Тальбота у ног отца умрет.

ТАЛЬБОТ

Тогда — за мной, и будь моим Икаром.
Жизнь юная твоя мне дорога.
Бок о бок мы ударим на врага,
И честь добыв, падем в бою не даром.

Уходят.

СЦЕНА VII

Другая часть поля.

Тревога, битва, входит раненый Тальбот, поддерживаемый служителем.

ТАЛЬБОТ

Где жизнь моя вторая? Поражен
Я насмерть сам. Где Тальбот, смелый Джон?
О, смерть, — пятном отмеченная плена,
Встречаю, видя мужество его,
С улыбкою твое я торжество.
Он, увидав, что пал я на колено,
Взмахнул мечом и, как голодный лев,
Стал истреблять врагов, освирепев.
Когда же он, мой грозный охранитель,
Один со мной остался — гнев слепой
Зажегся в нем, и где враги толпой
Теснились, помчался он, как мститель,
Туда, где был сражения разгар.
Он утопил свой дух в кровавом море,
Он там погиб — мой отпрыск, мой Икар!

СЛУЖИТЕЛЬ

Сюда, милорд, несут его. О, горе!

Входят солдаты с телом Джона Тальбота.

ТАЛЬБОТ

Смерть древняя, как зло ты шутишь в мире!
Но оба мы, позорный сбросив гнет
И в вечности соединясь — полет
Направим свой в сияющем эфире.
Ты, раны чьи прекрасны пред лицом
Жестокой смерти, говори с отцом,
И этим смерти вырази презренье!
Представь ее французом и врагом!
Сын бедный мой! Читаю в выраженьи

Его улыбки ясно я слова:

— Будь смерть врагом, она была б мертва! —
В объятия отца его кладите.
Страдать не в силах долгие я... Простите.
Исполнилось — и юный мой Тальбот
В объятиях старца гроб себе найдет.

(Умирает.)

Тревога. Солдаты и служители уходят, оставив на месте оба тела.

Входят Карл, Алансон, Бургундский, Орлеанский, Рене, Дева и войска.

КАРЛ

Приди к ним Йорк и Марсрет на помощь —
Нам этот день кровавым был бы днем.

ОРЛЕАНСКИЙ

А как Тальбота бешеный шенок!
Купал в крови французской свой клинок!

ДЕВА

Сказала я: пусть верх одержит Дева
Над юношею девственным! — Но он
Ответил мне, преисполняясь гнева
И гордости: «Я не затем рожден,
Чтоб был женой распутной побежден!»
Так, вызова принять не удостоя,
Он от меня бежал в средину боя.

БУРГУНДСКИЙ

В своем лице явил бы он героя.
Вот он лежит в объятиях у того,
Кем рождены все бедствия его.

ОРЛЕАНСКИЙ

Рубите их — прославленных в отчизне,
Давивших здесь! Тела их — на куски!

КАРЛ

О, нет! Поднять да не дерзнем руки
На прах того, кто страшен был при жизни.
Входит сэр Вильям Льюис, предшествуемый французским герольдом.

ЛЬЮСИ

Герольд, веди меня к шатру дофина —
Узнать за кем сегодня слава дня?

ДОФИН

С какою ты повинною явился?

ЛЬЮСИ

С повинною, дофин? Нет, это слово
Французское, неведомое нам.
Явился я узнать, кто в плен захвачен,
И осмотреть тела в бою убитых.

ДОФИН

Для пленников у нас темница — ад.
Но, отвечай, кого же здесь ты ищешь?

ЛЬЮСИ

Где он — Алкид великий поля брани,
Лорд Тальбот наш — за редкие заслуги
Пожалованный графом Шрусбери,
Граф доблестный Вашфорда, Батерфорда,
Валенсии, лорд Гудриг, Эрчинфильд,
Лорд Стрэндж Блэкмир, лорд Верден

из Альтона,

Лорд Кромвель Вингфильд, Фёрнивальд
и Шеффильд,

Победоносный трижды Фальконбридж,
Георгия Святого кавалер
И Михаила с Золотым Руном,
Великий маршал Генриха Шестого
Во всех французских войнах короля.

ДЕВА

Напыщенный и глупый слог! Владетель
Пятидесяти двух земель, султан —
Пространнее не пишет титул свой.

Но тут, кого так пышно величаешь,
У наших ног лежит он, разлагаясь.

ЛЮСИ

Тальбот убит — французов бич единый,
Он — Немезида ваша и гроза?
О, если б стали ядрами глаза
И вам в лицо я выстрелил бы ими!
Когда бы мог призвать я мертвых к жизни,
Вся Франция затрепетала б снова!
Останься здесь его изображение —
Смутились бы храбрейшие из вас.
Отдайте мне тела их, чтоб могли
Мы прах почтить достойным погребеньем.

ДЕВА

Мне кажется, восстал Тальбота призрак —
Такой в нем дух надменный говорит.
Ему тела отдайте, бога ради,
Они собой лишь воздух заражат.

КАРЛ

Возьми тела.

ЛЮСИ

Я их возьму отсюда,
Но фениксом из пепла дух восстанет,
И, как гроза, на Францию он грянет.

КАРЛ

Как знаешь там, лишь убери их прочь.
Теперь — в Париж, покада побеждаем.
Тальбота нет, мы завладеем краем.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. СЦЕНА I

Лондон. Покой во дворце.

Король Генрих, Глостер, Экзетер.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Прочли ли вы, что пишут император
И папа римский нам, и Арманьяк?

ГЛОСТЕР

Да, государь, и вот желанье их:
О заключеньи мира между вами
И Францией они усердно просят.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Что думает об этом ваша светлость?

ГЛОСТЕР

Единственное средство вижу в нем —
Пролитье нашей крови христианской
Остановить, порядок водворив.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Конечно, дядя. И доселе я
Чудовишным считал и нечестивым,
Что меж собой ведут единоверцы
Такой жестокий и кровавый спор.

ГЛОСТЕР

Затем, милорд, чтоб завязать скорей
И закрепить прочнее узы дружбы,
Граф Арманьяк — он родственник дофина,
Влиятельный во Франции вельможа —
Единственную дочь с большим приданым
Вам, государь, в супруги предлагает.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Супружество? Настолько юн я, дядя,
Что книга мне пристойней и наука,
Чем с милою утех любовных нега.
Но пусть войдут посланники; дадите
Вы им ответ, какой угодно. Выбор
Мне каждый мил, когда ведет он к славе
Всевышнего и к благу государства.
Входит папский легат, два посла, епископ Винчестер, ныне кардинал Бофорт, в облачении.

ЭКЗЕТЕР

Лорд Винчестер уже повышен в званьи?
Пожалован он саном кардинальским?

Предсказывал недаром Генрих Пятый,
Что сделаешь лишь кардиналом он —
С короной он свою сравняет шапку.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Послы и лорды! Рассмотрели мы
И обсудили ваши предложения,
Найдя их цель достойной и разумной,
Решаемся мы дружеского мира
Установить условия. Их немедля
Лорд Винчестер во Францию доставит.

ГЛОСТЕР

Касательно же предложения графа —
Я доложил величеству его.
Цена красу графини, добродетель,
Значительность приданого — ее
Он сделает английской королевой.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

(послу)

И в знак союза эту драгоценность
Сvezите ей — залогом нежных чувств.
Милорд протектор, пусть послов доставят
Сохранно в Дувр, где, сев на корабли,
Они судьбу свою доверят морю.
Уходят король Генрих, Глостер, Экзетер и послы.

ВИНЧЕСТЕР

Милорд легат! Пойдите, получите
От имени святейшества его
Обещанную сумму за отличие,
Которым он пожаловал меня.

ЛЕГАТ

Я ждать готов, преосвященство ваше.
(Уходит.)

ВИНЧЕСТЕР

Нет, Винчестер не покорится ныне,
Не ниже он надменнейших из пэров.
Ты, Гомфри Глостер, больше не осилишь
Епископа могуществом и родом.
Тебя заставлю на колена пасть,
Иль край предам я мятежу во власть.
(Уходит.)

СЦЕНА II

Франция. Равнина в Анжу.

Карл, Бурзундский, Алансон, Орлеанский, Рене, Дева и войска — вступают.

КАРЛ

Такая весть унылый дух бодрит,
Мне говорят: восстали парижане,
В воинственных французсов превратясь.

АЛАНСОН

Так шествуй же к Парижу, Карл французский,
И нежиться не дозволяй войскам.

ДЕВА

Мир им — когда они вернутся к нам.
Не то — предай дворцы их разрушенью.
Входит гонец.

ГОНЕЦ

Успеха я желаю полководцу
И счастья — сподвижникам его!

КАРЛ

Что нового узнали? Говори.

ГОНЕЦ

Войска врагов, что раньше состояли
Из двух частей, теперь соединились
И с вами в бой хотят вступить немедля.

КАРЛ

Нежданное для нас предупреждение,
Но мы сейчас им встречу приготовим.

БУРГУНДСКИЙ

Надеюсь я, Тальбота дух — не с ними,
А нет его — так нечего страшиться.

ДЕВА

Страх — низшая из всех дурных страстей.
Карл, повели: твоей победа будет
И Генриху, и миру — всем назло.

КАРЛ

Вперед! Будь нам, судьба, благоприятной!
Уходят.

СЦЕНА III

Перед Анжером.

Тревога, битва. Входит Дева.

ДЕВА

Регент одолевает, мы бежим.
О, помогите, чары, талисманы.
Наставники, вы, избранные духи,
Откройте мне грядущие события.
Помощники проторные мои
И властелина севера рабы —
Ко мне на помощь в этом предпринять!

Гром. Являются злые духи.

Столь быстрое явление знаменует
Обычное ко мне усердие ваше.
О, близкие мне духи — из подземных
Могучих сил избранные, победу
Еще одну вы Франции доставьте.

Духи ходят вокруг нее и молчат.

Меня молчаньем долгим не томите.
Как в пищу вам давала кровь свою,
Так отрублю теперь любой из членов
Я в чайные грядущего успеха,
Лишь удостойте ныне мне помочь.

Они опускают головы.

Надежды нет, за исполнене просьбы
Я тело вам отдать свое готова.

Они качают головами.

Ужели телом, жертвою кровавой,
Я помощи не вымолю обычной?
Возьмите душу, тело, все —
Пусть Франция и ныне одолеет.

Они исчезают.

Уходят прочь. Для Франции настала
Пора склонить свой оперенный шлем
И пасть на лоно Англии главою.
Бессильны все мои бывшие чары,
С могучим адом не тягаться мне:
Честь Франции, теперь падешь ты прахом.
Тревога. Входят, сражаясь, французы и англичане.
Йорк и Дева вступают в бой. Дева взята в плен,
французы бегут.

ЙОРК

Попалась мне, французская красotka!
Заключаями теперь дай волю духам,
И пусть они тебя освободят,
Достойная добыча сатаны.
Так хмурится уродливая ведьма,
Как будто бы Цирcee в подражанье
Она мой образ хочет изменить.

ДЕВА

Он к худшему не может измениться.

ЙОРК

Да, Карл дофин тебе подходит больше,
Для глаз твоих его лишь образ мил.

ДЕВА

Проклятье, гибель — Карлу и тебе.
Пустьай бы вас кровавыми руками
Во сне обоих сразу придушило!

ЙОРК

Сгинь, гнусная колдунья, замолчи.

ДЕВА

Дай волю мне излить мои проклятья.

ЙОРК

Ты на костре проклятья будешь слать.
Уходят.

Тревога. Входит Суффольк, ведет Маргариту.

СУФФОЛЬК

Кто б ни была, ты — пленница моя.
(Смотрит на нее.)

О, не беги, красавица, не бойся:

Тебя коснусь благоговейно я.
В знак мира, я твою целую руку
И бережно вдоль стана опускаю.
Скажи, кто ты, затем, чтобы тебя
Приветствовать я мог, как подобает.

МАРГАРИТА

Кто б ни был ты — зовусь я Маргарита,
И мой отец — Неаполя король.

СУФФОЛЬК

Я — граф Суффольк. О, диво красоты,
Не оскорбляйся. Было мне судьбою
Назначено — тобою овладеть.
Так лебеди хранят птенцов пушистых,
Держа в плену под крыльями своими.
Но если плен считаешь ты обидой —
Прими свободу, как Суффолька друг.

Она поворачивается, чтобы уйти.

Постой! Ее не в силах отпустить я,
Рука дает свободу, но не сердце.
Как солнце, в зеркале реки играя,
Дробится в ней сиянием отраженным —
Так и во мне — роскошная краса.
Пленить хочу, а говорить не смею.
Спрошу чернил, перо, и — напишу.
Стыдись, да Польш, не унижай себя!
Ужель ты нем пред пленницей твоею?
Вид женщины ужель тебя страшит?
Да, таково величие красоты,
Что поражен и мой язык, и чувство.

МАРГАРИТА

Граф Суффольк, если так зовут тебя,
Скажи, какой с меня возьмешь ты выкуп?
Я — пленница твоя, как вижу я.

СУФФОЛЬК

(про себя)

Как можешь знать, покуда о любви
Не говорил — что будешь ты отвергнут?

МАРГАРИТА

Что ж ты молчишь? Какой внести мне выкуп?

СУФФОЛЬК

(про себя)

Она прекрасна, значит победить
Должно ее, и женщина — она,
А потому быть может побежденной.

МАРГАРИТА

Ты принимаешь выкуп: да или нет?

СУФФОЛЬК

(про себя)

Безумец ты! Есть у тебя жена —
Любовницей как будет Маргарита?

МАРГАРИТА

Не слушает, мне лучше удалиться.

СУФФОЛЬК

(про себя)

Погибло все, легла дурная карта.

МАРГАРИТА

Вздор говорит, он не в своем уме.

СУФФОЛЬК
(*про себя*)
И все ж достать возможно разрешение.
МАРГАРИТА
И все ж хочу услышать я ответ.
СУФФОЛЬК
Я завоюю леди Маргариту.
А для кого? Хотя б для короля.
Нет, эта мысль глупее, чем бревно.
МАРГАРИТА
Он о бревне толкует; верно плотник.
СУФФОЛЬК
(*про себя*)
Однако так в любви достигну цели.
И примирю два государства я.
Но есть еще препятствие: хотя
Отец ее — Неаполя король,
Анжу и Мэна герцог, но — бедняк,
И наша знать такой союз отвергнет.
МАРГАРИТА
Послушайте, вы заняты, должно быть?
СУФФОЛЬК
(*про себя*)
Пусть сердятся — а так оно и будет.
Король наш юн, и он поддастся скоро.
Миледи, вам хочу открыть я тайну.
МАРГАРИТА
Что ж если буду пленницей? Он — рыцарь,
И честь мою ничем не оскорбит.
СУФФОЛЬК
Благоволите выслушать, миледи.
МАРГАРИТА
(*про себя*)
Меня, быть может, выручат французы,
Тогда просить о милости не надо.
СУФФОЛЬК
Прошу вниманье, дорогая леди,
Мне уделить по делу одному.
МАРГАРИТА
(*про себя*)
Не первая из женщин я в плену.
СУФФОЛЬК
О чем с собой вы говорите, леди?
МАРГАРИТА
Прошу прощенья, это — qui pro quo¹.
СУФФОЛЬК
Миледи, плен бы вы сочли за счастье,
Когда бы вас он сделал королевой?
МАРГАРИТА
Позорнее для королевы плен,
Чем рабство для рабы. Должны быть принцы
Свободными.
СУФФОЛЬК
Вы будете свободной,
Когда свободен сам король Британский.
МАРГАРИТА
Но до его свободы — что же мне?
СУФФОЛЬК
Тебя стремлюсь его супругой сделать,
И в руку скипетр золотой вложить,
И увенчать чело твое короной,
Лишь будь моею...
МАРГАРИТА
Что?
СУФФОЛЬК
Его любовью.

МАРГАРИТА
Я недостойна стать его женой.
СУФФОЛЬК
Нет, это я обязан недостойный
Добыть ему столь дивную невесту,
И в выборе не получу я доли.
Что скажете, миледи, вы согласны?
МАРГАРИТА
Когда отец согласен — то и я.
СУФФОЛЬК
Начальников — сюда! Вперед, знамена!
Здесь, перед замком вашего отца
Мы проведем переговоры, леди.
Трубят к переговорам. На стене появляется Рене.
СУФФОЛЬК
В плен дочь твоя захвачена, Рене.
РЕНЕ
Кем?
СУФФОЛЬК
Мною.
РЕНЕ
Суффольк, что же делать мне?
Ведь воин я, и не могу я плакать
Иль проклинать изменчивое счастье.
СУФФОЛЬК
Помочь легко, лишь согласитесь, граф,
Для собственной же чести дать согласие
На брак ее с британским королем.
Ее с трудом на это я склонил.
Таким путем к свободе царской должен
Дочь вашу плен нетягостный привезть.
РЕНЕ
Ты говоришь что думаешь?
СУФФОЛЬК
Известно
Прекрасной Маргарите, что Суффольк
Не лицемер, не льстец и не притворщик.
РЕНЕ
На графское твое надеюсь слово,
Сойду, чтоб дать ответ на предложение.
СУФФОЛЬК
Здесь твоего прихода ожидают.
Рене сходит со стены. Трубы.
Рене появляется внизу.
РЕНЕ
Привет в моих владеньях, славный граф.
Располагай Анжу по усмотренью.
СУФФОЛЬК
Благодарю. Как счастлив ты, Рене,
Имея дочь, достойную короны.
Какой ответ дает мне ваша светлость?
РЕНЕ
Когда ее, ничтожную, ты сватаешь
Благоволити такому королю —
То, под одним условием, чтоб спокойно,
Не ведая насилий, ни войны,
Я мог владеть моим Анжу и Мэном —
За Генриха я дочь свою отдам.
СУФФОЛЬК
Вот выкуп за нее. Она свободна.
А что до тех земель — я постараюсь,
Чтоб мирно ими вы могли владеть.
РЕНЕ
А в свой черед — в знак верности вручаю
Тебе я руку дочери моей
Для короля, которым послан ты.

¹ Недоразумение (*лат.*).

СУФФОЛЬК

Благодарю от имени монарха,
Которого я представляю здесь.
(*Про себя.*)

Сдается мне, что был бы в этом деле
Я собственным ходатаем охотней.
(*Тромко.*)

Итак, спешу я в Англию с вестями,
Чтоб настоять на заключенье брака.
Прошай, Рене, и свой алмаз храни,
Как следует, что в золотой оправе.

РЕНЕ

Как царственного Генриха бы обнял,
Будь здесь король — тебя я обнимаю.

МАРГАРИТА

Прошайте, лорд. Молитвы, благодарность —
Всегда найдет Суффолк у Маргариты.

СУФФОЛЬК

(хочет идти)

Прошайте, леди. Что же Маргарита
Свой княжеский привет не шлет монарху?

МАРГАРИТА

Привет — какой для девушки уместен,
Слуги его, — несните от меня.

СУФФОЛЬК

Вот милые и скромные слова.
Но вас решушь еще тревожить, леди, —
Залог любви ужель вы не пошлете?

МАРГАРИТА

Любовью незапятнанное сердце
И чистое — шлю королю, милорд.

СУФФОЛЬК

И также это?

(Целует ее.)

МАРГАРИТА

Это для тебя.

Дерзну ль ему послать такую жалость?
Рене и Маргарита уходят.

СУФФОЛЬК

О, если б ты была моею! Суффолк,
Остановись, нейди в тот лабиринт:
С изменой там таятся минотавры.
Хвалою ей ты Генриха плени.
Припоминай все качества, все чары
Природные, затмившие искусство,
И в плавание себе их представляй,
Дабы, когда пред ним колена склонишь —
Ты Генриха сумел оборозжить.
(*Уходит.*)

СЦЕНА IV

*Лагерь герцога Йорка в Анжу.
Йорк, Уорик и другие.*

ЙОРК

Колдунью введь. Ее соженье ждет.
Входят Дева под стражей и пастух.

ПАСТУХ

Отца разишь ты в сердце, Иоанна.
Тебя искал вблизи и вдалеке я,
И, здесь найдя, свидетелем я буду
Безвременной твоей жестокой смерти.
Ах, Иоанна, я умру с тобой.

ДЕВА

О, дряхлый нищий, жалкое создание!
От лучшей крови я происхожу.
Ты не отец, не друг мне.

ПАСТУХ

Замолчи!

Но ей-же-ей, не так оно, милорды.

Что я отец — в приходе всем известно.
И мать жива: удостоверит может,
Что первый плод женитобы — Иоанна.

ЙОРИК

Бесстыдница! Отречья от родства!
ЙОРК

Вот жизни злой и низкой подтвержденье,
И смерть ее такой же точно будет.

ПАСТУХ

Стыдись, не будь упрямой, Иоанна,
Свидетель Бог, ты плоть и кровь моя,
Из-за тебя я пролил слез немало;
Не отрекайся, дочка, от меня.

ДЕВА

Прочь, престололюдин! Вами он подкуплен,
Чтоб скрыть мой герб с дворянскою короной.

ПАСТУХ

Священнику в то утро дал я крону,
Когда венчался с матерью ее.
Склони колена, я благословлю

Тебя, дитя. Не хочешь ты склониться?
Будь проклят день рождения твоего!

Пусть молоко отравой бы стало,
Которым мать твою тебя вскормила.
Пушкой тебя пожрал бы хищный волк
В те дни, когда овец пасла ты в поле.
В огонь ее! Ее повесить мало!

(Уходит.)

ЙОРК

Уведь ее! Пороками дивья,
Она жила на свете слишком долго.

ДЕВА

Сперва скажу — кого вы осудили.
Не пастуха простого порожденье,
Но царского я рода. Я — святая
И чистая, я свыше избрана
Внушением небесной благодати,
Чтоб на земле творить здесь чудеса.
Я с духами нечистыми не зналась,
Но вам, погрязшим в похотях своих,
Запятнанным безвинной кровью жертв
И тысячью пороков оскверненным,
Вам, чуждым благодати — непонятно,
Чтоб на земле свершались чудеса
Без помощи злых духов. Вы ошиблись.
Была с дней детства Иоанна д'Арк
Невинною и чистой — даже в мыслях.
И девственная кровь ее, так грубо
Пролитая здесь вами — об отщепенье
Возопиет перед вратами Неба.

ЙОРК

Пусть будет так. Вести ее на казнь!
ЙОРИК

Ввиду того, что Дева перед нами —
Побольше дров! Вязанок не жалейте.
Поставьте бочки со смолой у плахи,
Чтоб сократить мучения ее.

ДЕВА

Ничто сердец не тронет беспощадных?
Откройся, Дева, в слабости твоей:
Она тебе — защита пред законом.
Беременна я, злобные убийцы;
В утробе вы плода не умерщвляйте,
Хотя меня влечете вы на смерть.

ЙОРК

Спаси, Господь! Беременна святая.
ЙОРИК

Вот большее из всех твоих чудес:
Последствие воздержности строжайшей.

ЙОРК

Она с дофином пошла туда.
Я мог бы знать, на что она сошлется.

УОРИК

Ну, все равно. Детей нам незаконных
Не надобно, особенно — от Карла.

ДЕВА

Ошиблась я: не от него ребенок,
Был Алансон возлюбленным моим.

ЙОРК

Как? Алансон? Макиавелли этот?
Дитя умрет — будь у него сто жизней.

ДЕВА

Позвольте, вас ввела я в заблуждение,
Не герцог и не Карл: мою любовь
Завоевал Неаполя король.

УОРИК

Женатый он. Недопустимо это.

ЙОРК

Вот девушка! Сама она не знает,
Кого винить — так много было их.

УОРИК

Она была свободно и щедрой.

ЙОРК

И все же — Дева чистая она.
Распутница, себя с твоим отродьем
Ты осудила. Тщетно не моли.

ДЕВА

Ведите же! Мое проклятье — с вами.
Пусть никогда сияющее солнце
Не светит там, где будете вы жить,
Но окружают мрак и тени смерти
Покуда вы с тоски не захотите
Повеситься иль голову сломить.

(Уходит под стражей.)

ЙОРК

Рассыпся прахом иль сгори дотла,
Служительница гнусная геенны!
Входит кардинал Бюфорт со свитой.

КАРДИНАЛ

Милорд регент, посланьем полномочным
От короля — встречаю вашу светлость.
Милорды, христианские державы,
Раскаяньем при виде войн терзаясь,
Усердно просят мир установить
Меж Францией надменною и нами.
Со свитой дофин сюда подходит
С тем, чтоб вопрос о мире обсудить.

ЙОРК

Ужель к тому приводят все труды?
И после избиенья стольких пэров,
Дворян, вождей и воинов, погибших
Среди раздоров тягостных и жизнь
Принесших в жертву благу государства, —
Мы под конец мир жалкий заключим?
Не вследствие ль измены и обмана
Мы большинства лишили городов,
Которые завоевали предки?
О, мой Уорик! Полную утрату
Всей Франции с печалью я предвижу.

УОРИК

Терпенье, Йорк, ведь если будет мир,
То — на таких стеснительных условиях,
Что от него француз не поживится.
Входят Карл со свитой, Алансон, Орлеанский, Рене и другие.

КАРЛ

Ввиду того, что перемирие, лорды,
Вы объявить во Франции решили —

Являемся мы с тем, чтобы узнать
От вас самих условия союза.

ЙОРК

Ты, Винчестер, ответь. Кипучий гнев
Для голоса пути мне заграждает,
При виде их — врагов заклятых наших.

КАРДИНАЛ

Внимай же, Карл, и прочие, решеню.
Ввиду того, что Генрих, наш король,
Из жалости и снисхожденья только
От бедственной войны освободить
Согласен вас, и в мире плодоносном
Дать вам вздохнуть свободно — вы должны
Быть верными вассалами ему.
С условьем, Карл, что поклянешься дань
Ему платить и выразить покорность —
Под ним ты будешь вице-королем,
И государя сан ты сохранишь.

АЛАНСОН

Как? Самого себя он будет тенью?
Чело свое короною украсит,
По существу и власти будет он
Простым лишь гражданином? Предложенье
Подобное нелепо, безрассудно.

КАРЛ

Всем ведомо, что я владею больше
Чем половиной Галлии, где чтут
Как короля законного — меня.
А для того, чтоб приобрести другую,
Ужели я постыдно отступлюсь
От прав моих, чтоб стать над всей страной
Лишь вице-королем? Нет, лорд посол,
То, что имею — лучше сохранию я,
Чем, пожелавши большего, утрачу
Возможность я все приобрести потом.

ЙОРК

О, дерзкий Карл! Не скрытymi ль путями,
Через других, союза ты искал?
И вот, когда дошло до соглашенья —
Ты отстранить переговоры хочешь?
Похищенный тобою титул — ныне
Прими, как дар, от нашего монарха:
Не по правам законным. Иль тебя
Войною мы замучим непрерывной.

РЕНЕ

Упрямитесь вы, государь, напрасно
По поводу условий договора.
Бьюсь на десять я против одного —
Что вновь такого случая не будет.

АЛАНСОН

(в сторону Карла)

Поистине обязаны спасти
Вы подданных от бойни и резни
Безжалостных, какие ежедневно
Бывают здесь, пока идет война.
Примите же условия перемирья,
Его всегда нарушить вы вольны.

УОРИК

Что скажешь, Карл? Условия принимаешь?

КАРЛ

Да, с тем, чтоб вы не предъявляли прав
Ни на одно из наших укреплений.

ЙОРК

Так присягай величеству его,
Как рыцарь, ты хранить повиновенье,
И верным быть британскому престолу.
Ты и твои вассалы в том клянитесь.
Карл и его вельможи выражают знаками свое верноподданство.

Теперь войска вы распустите. Знамя
Пускай свернут, и смолкнут барабаны!
Торжественно мы водворям мир.
Уходят.

СЦЕНА V

*Входит король Генрих в беседе с Суффолком, а
ними Глостер и Экзетер.*

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Граф, я чудесным вашим описанием
Прекрасной Маргариты поражен.
И качества души ее, дарами
Наружными украшенные, в сердце
Моем любовь глубокую зажгли.
Как ураган наперекор течению
Порой корабль сильнейший направляет,
Так слух о ней влечет меня. Крушение
Я потерплю иль гавани достигну,
Где жлет меня ее любви блаженство.

СУФФОЛК

О, государь! Рассказ мой — предисловье
К той похвале, что подобает ей.
Главнейшие принцессы совершенства,
Когда б сумел я их изобразить —
Составили б волшебных строчек книгу,
Пленить могущих даже грубый ум.
Но что важней — не так она горда
И предана избранным наслаждениям,
Как скромностью исполнена, смиренья,
И будет вам повиноваться рада.
Сказать точнее: в чистоте душевной,
Как властелина, чтить вас и любить.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Иного я вовек не пожелаю.
Итак, милорд протектор, согласитесь,
Чтоб королевой стала Маргарита.

ГЛОСТЕР

Потворствовал бы этим я греху:
Известно государю, что помолвлен
С другою он достойною принцессой.
Как можно нам нарушить договор
И не навлечь на честь свою позор?

СУФФОЛК

Как поступают с клятвой незаконной
Властители, иль тот, кто думал биться,
Но покидает поле, увидав
Неравенство соперника. Неровня
И королю дочь графа-бедняка,
А потому в разрыве нет обиды.

ГЛОСТЕР

Скажи: ее чем выше Маргарита?
Такой же граф — отец ее. Других
Лишь титулом он пышным превосходит.

СУФФОЛК

О, да, милорд! Неаполя король —
Отец ее, король Иерусалима.
Во Франции настолько он силен,
Что с ним союз упрочит мир, а также
Нам подданство французов обеспечит.

ГЛОСТЕР

Но то же нам доставит Арманьяк,
Он родственник дофина.

ЭКЗЕТЕР

Он богат
И наградить приданым щедро может.

СУФФОЛК

Приданое! Не унижайте, лорды,
Вы короля! Ужели так ничтожен,

Так жалок он и беден, чтоб невесту
Из выгоды, не по любви избрать?
Обогатить он может королеву,
Но чрез нее искать обогащения.
Крестьяне жен торгуют, как скотину:
Овец, коней — на рынке продавцы.
Настолько важен брак, что невозможно
Поверенным решать такое дело.
Не та, кого желаем, но кого
Желает он — должна делить с ним ложе;
Когда ему она милее всего —
Важней всего подобная причина,
Чтоб предпочли ее другим и мы.
Не ад ли — брак насильственный: всегдашний
Раздор в семье, ряд бесконечных ссор?
Брак по любви подобьем служит мира
Небесного, блаженство он дарует.
Дочь короля, кто ж, как не Маргарита
Для Генриха, для короля — чета?
Красою несравненною и родом
Лишь короля достойна одного.
Ее неустрашимый дух и смелость,
Столь редкие у женщин — в том поруковы,
Что можно ждать от короля потомства.
Как сын завоевателя, наш Генрих
Других завоевателей нам даст,
Когда в любви соединится он
С женою сильной духом, как она.
Решайте же, милорды, — Маргарита —
Никто иная — будет королевой.

КОРОЛЬ ГЕНРИХ

Тому причиной сила ль описанья,
Милорд Суффолк, иль потому, что юность
Столь нежную мою — еще не тронул
Огонь страстей любовных, не могу я
И сам решить, но чувствую одно:
Такой разлад болезненный в груди,
Такой порыв и страха, и надежды,
Что от наплыва мыслей болен я.
Итак, милорд, во Францию плывите,
Примите все условия и добейтесь,
Чтоб в Англию отплыть благоволила
К нам леди Маргарита — для того,
Чтоб здесь короноваться и супругой
Стать Генриху — помазанной и верной.
Для нужных вам издержек и расходов
С земли налог сберите десятинный.
Спешите же; пока не возвратитесь,
Терзаться буду тысячью забот.

(Глостеру.)

Не оскорбляйтесь вы, любезный дядя,
И обо мне судите вы, как в прошлом
Судили бы, не так, как в настоящем.
Тогда вы мне простите ту поспешность,
С какой стремлюсь мою исполнить волю.
Идем туда, где вдалеке от всех
Могу я весь моей предаться скорби.

(Уходит.)

ГЛОСТЕР

Боюсь, что скорбь с тобою будет вечно.
Уходят Экзетер и Глостер.

СУФФОЛК

За Суффолком победа! Он стремится,
Как в Грецию — Парис, надеясь так же
Стяжать любовь, но с большею удачей,
Чем выпало троянцу. Маргарита,
Как королева, будет править мужем,
А ею, им и государством — я.

(Уходит.)

КОМЕДИЯ ОШИБОК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СОЛИН, герцог Эфесский.
ЭГЕОН, сиракузский купец.
Братья-близнецы: АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ,
АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ.
Братья-близнецы, слуги Антифолов: ДРОМИО
ЭФЕССКИЙ, ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ.
ВАЛЬТАСАР, купец.
АНДЖЕЛО, ювелир.
ПЕРВЫЙ КУПЕЦ, друг Антифоло Сиракузского.
ВТОРОЙ КУПЕЦ, кредитор Анджело.
ПИНЧ, школьный учитель и заклинатель.

ТЮРЕМЩИК.
ЭМИЛИЯ, жена Эгеона, изумленья эфесской
обители.
АДРИАНА, жена Антифоло Эфесского.
ЛЮЦИАНА, ее сестра.
ЛЮЦИЯ, служанка Адрианы.
КУРТИЗАНКА.

СВИТА, ПОЛИЦЕЙСКИЕ и СЛУГИ.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — Эфес.

АКТ I. СЦЕНА I

Входят герцог Солин, Эгеон, тюремщик и свита.

ЭГЕОН

Что ж, продолжай, Солин, сверши мое
падение, —
Пусть смертный приговор прервет мое
мученье.

ГЕРЦОГ

Купец, оставь свою защиту; я
Пристрастия не знаю — не нарушу
Законов государства. Навсегда
Из глаз моих, сверкающих угрозой,
Изгнали состраданье та вражда
И тот раздор, что вызваны недавно
Жестокостью, с которой поступил
Ваш государь с почтенными купцами,
Соотчиками нашими, когда
Их, денег не имевших, чтоб за выкуп
Свой заплатить, заставил кровью он
Запечатлеть жестокие законы
Его страны. С тех пор как началось
Смертельное междоусобье наше
С бунтующим твоим народом, — мы
И наш народ в торжественных собраниях
Решили впредь прервать сношения все
Двух городов враждебных и при этом
Постановить, чтоб всякий человек,
Родившийся в Эфесе, чуть он только
Покажется на сиракузском рынке
Иль ярмарке, был смертию казнен,
Имущество ж его конфисковалось
Для герцога — и так же поступать
Со всяким сиракузцем, пристающим
У гавани эфесской, если тот
Или другой не даст двух тысяч марок,
Чтоб выкупить свою вину. Твое
Имущество ста марок не превысит,
Как ни цены его — и потому
Приговорен ты к смерти по закону.

ЭГЕОН

Я утешаюсь тем, что с окончаньем дня
От мук освободит ваш приговор меня.

ГЕРЦОГ

Теперь скажи нам вкратце, сиракузец,
Зачем свою родимую страну
Оставил ты и для чего приехал
Сюда, в Эфес?

ЭГЕОН

Вы не могли ничем
Так удручить меня, как повеленьем
Вам рассказать о бедствиях моих,
Невыразимых словом. Но чтоб люди
Могли узнать, что умираю я

Не вследствие позорного проступка,
А волею судьбы, я вам скажу
Все, что моя печаль сказать позволит.
Родился в Сиракузах я, и там
Женился я на женщине, которой
Я счастье принес бы точно так,
Как мне — она, когда бы злой звездой
Мы не были застигнуты. Я жил
С ней в радости; росло богатство наше
Благодаря моим неоднократным
И выгодным поездкам в Эпидамну.
Но умер мой поверенный; забота
О кинутом без всякого надзора
Имуществе исторгнула меня
Из сладостных супружеских объятий.
Шесть месяцев уж был в отлучке я,
Когда моя жена, изнемогая
Под сладким наказаньем, что несут
Все женщины, собралась в путь и скоро,
И счастливо приехала туда,
Где жил и я. Спустя еще немного
Она была счастливейшая мать
Двух мальчиков прекрасных, друг на друга
Положись так, что — странно! — различать
По имени их только можно было.
В тот самый час и в том же самом доме
От бремени такого же была
Избавлена другая мать: родились
И у нее два сына-близнеца
Разительного сходства. Очень бедны
Родители их были, и купил
Я этих двух малюток, чтобы сделать
Со временем слугами у моих
Двух сыновей. Жена моя, немало
Гордясь детьми такими, каждый день
Меня увещевала возвратиться
На родину. Я неохотно дал
Согласие, и — ах! — поторопился
Не вовремя. Мы сели на корабль.
На милю мы уже от Эпидамны
Отъехали, когда в волнах морских,
Всегда послушных ветру, увидали
Мы грозные предвестия беды.
Чем далее, тем меньше оставалось
Надежды нам, и скоро темнота,
Покрывшая все небо, в наши души,
Исполненные ужаса, внесла
Уверенность немедленной кончины.
Что до меня, я встретил бы ее
С спокойною душою; но рыдания
Моей жены, заранее уже
Оплакивавшей то, что неизбежным
Казалось ей; но жалобные крики

Моих детей прелестных — этот плач,
 Сознания опасности лишенный,
 Заставили меня искать для них
 И для себя отсрочки нашей смерти.
 И вот что я придумал, не найдя
 Надежней средств: матросы наши в шлюпку
 Все бросились, оставив наш корабль,
 Уже совсем готовый погрузиться.
 Жена моя, заботясь о меньшом
 Из близнецов, малютку привязала
 С одним из купленных детей к одной
 Из небольших запасных мачт, что возят
 На случай бурь с собою моряки.
 Я так же поступил с другою парой
 И, разместив в таком порядке их,
 Жена и я за мачту схватились,
 Я — с одного конца, она — с другого
 И, устремив глаза на тех, о ком
 Заботились, поплыли, повинуюсь
 Теченью волн, которые, как нам
 Казалось, помчали нас к Коринфу.
 Но вот блеснул свет солнца над землей:
 Он разогнал губительные тучи,
 И благодать желанная его
 Смирила волны моря. В это время
 Мы издали увидели, что к нам
 Два корабля плывут: один — коринфский,
 Другой — из Эпидавра. Но еще
 Приблизиться они к нам не успели
 Как... О, позволь мне тут рассказ окончить мой!
 Конец сам отгадай из сказанного мной...

ГЕРЦОГ

Нет, продолжай, старик; на половине
 Не прерывай рассказа. Если нам
 Помиловать нельзя, то все же можем
 Мы пожалеть тебя.

ЭГЕОН

О, если б я
 В богах нашел в то время состраданье,
 Причины я теперь бы не имел
 Их называть безжалостными. Слушай.
 Два корабля уже подплыли к нам
 Миль на десять, когда огромный камень
 Мы встретили и сильно о него
 Ударились, причем переломилась
 Спасительная мачта пополам —
 Сломалась так, что этим разлучением
 Неправедным судьба обоим нам
 Оставила и утешенье в жизни,
 И скорбь. Ту часть, что бедную мою
 Жену несла и на себе держала,
 Хоть меньший груз, но равную печаль,
 Стремительней вперед помчалю ветром
 И — у меня в виду — их всех троих
 Спасли, как мне казалось, рыбаковы
 Коринфские. Но вот другой корабль
 Взял наконец и нас троих. Матросы,
 Узнав, кого спасти им удалось,
 В нас приняли участие живое;
 Им и жену мою отнять хотелось
 У рыбаков, но так как их корабль
 Был на ходу весьма тяжел, то прямо
 К себе домой направились они.
 Итак, теперь вы знаете, как счастье
 Утратил я навеки; жизнь мою
 Жестокая судьба продлила только
 Затем, чтоб мог рассказывать я вам
 Печальную историю несчастий,
 Постигнувших меня.

ГЕРЦОГ

Во имя тех,
 Которых ты оплакиваешь, сделай
 Услугу мне рассказом обо всем,
 Что с ними и с тобой происходило
 До нынешнего дня.

ЭГЕОН

Мой младший сын
 И вместе с тем старейшая забота,
 В осмнадцать лет желание ощутил
 Узнать, где брат его, и неотступно
 Меня просить он начал отпустить
 На поиски его, в сопровожденьи
 Его слуги, который, как и он,
 Оторван был от брата и лишь имя
 Его носил. Желая всей душой
 Увидеть вновь потерянного мною,
 Я уступил — и потерял того,
 Кого любил. Пять лет я ездил всюду
 По Греции; я был и у границ
 Стран Азии — и вот, плывя оттуда
 На родину, в Эфес заехал — правда,
 Без всякой уж надежды отыскать,
 Но потому, что не хотел оставить
 Без розысков ни одного из мест,
 Приют и кров дающих человеку.
 Здесь жизнь моя окончиться должна;
 Но раннюю картину эту счастьем
 Почел бы я, когда бы принесли
 Мне эти все поездки убежденье,
 Что сын мой жив.

ГЕРЦОГ

Несчастный Эгеон,
 Судьбою обреченный на несчастье
 Страшнейшее — поверь, моя душа
 Была б твоим усердным адвокатом,
 Когда бы не противились тому
 И наш закон, и мой венец, и клятва
 Моя, и все достоинство мое,
 Которыми не могут государи
 Пренебрегать, хотя б хотелось им.
 Но несмотря на то, что к смертной казни
 Ты приговорен и отменить нельзя
 Твой приговор, не нанеся большого
 Урона нашей чести, я хочу
 Помочь тебе, чем можно. С этой целью
 Я этот день даю тебе, купец,
 Чтоб жизнь свою спасти ты попытался
 Чужим благотвореньем. Обратись
 Ко всем своим друзьям, каких в Эфесе
 Имеешь ты; возьми у них иль в дар,
 Или займи назначенную сумму —
 И будешь жить. А если не найдешь —
 Смерть ждет тебя. Возьми его, тюремщик.

ТЮРЕМЩИК

Исполню приказанье, государь.

ЭГЕОН

Без силы, без надежд уходит Эгеон:
 Смерть неизбежную отсрочил только он.
 Уходят.

СЦЕНА 2

Площадь.

Входят Антифол Сиракузский, Дромий Сиракузский и первый купец.

ПЕРВЫЙ КУПЕЦ

Скажите же, что вы из Эпидамна;
 Иначе конфискуют ваше все
 Имущество. Не дальше как сегодня,

Под стражу взят купец из Сиракуз,
Приехавший сюда — и, так как денег
Нет у него, чтоб выкупить себя,
Согласно городским постановлениям,
То он умрет еще пред тем, как солнце
Усталое на запад отойдет.
Вот деньги все, что вы на сбереженья
Мне отдали.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
(к Дромио)

Снеси ты их туда,
Где мы стоим — в гостиницу «Центавра», —
И жди, пока я сам приду туда.
Еще ведь час остался до обеда,
Так я пока по городу пойду,
Чтоб посмотреть обычаи, с купцами
Потолковать, на здания взглянуть,
А там вернусь домой соснуть немного.
От дальнего пути измучен я.
Ну, удирай!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да, многие поймали б
Вас на слове и с ношею такой
Хорошею удрали б в самом деле.
(Уходит.)

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Честнейший шут! Он каждый раз, когда
Меня томят заботы и тоска,
Печаль мою умеет разогнать
Веселыми остротами своими.
Не будет ли угодно вам со мною
По городу пройтись и после вместе
В гостинице откушать?

ПЕРВЫЙ КУПЕЦ

Я уж зван
К одним купцам по делу, на котором
Надеюсь я нажать большой барыш.
Простите мне, пожалуйста. Но после
Пяти часов, коли угодно вам,
Я встречу вас на площади и буду
Вам спутником, пока придет пора
Ложиться спать. Теперь же отзывают
Меня от вас дела мои.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Так я
Вас буду ждать. Прощайте. А покамест
Я город ваш осматривать пойду.

ПЕРВЫЙ КУПЕЦ

Желаю вам всех благ и удовольствий.
(Уходит.)

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Желающий мне благ и удовольствий
Желает то, чего я не могу
Нигде найти. Я в этом мире то же,
Что капля водяная, в океан
Упавшая, чтобы другую каплю
В нем отыскать, и в поисках таких
Незримо исчезающая. Так же
И я теперь, отыскивая мать
И брата, сам в тех поисках, несчастный,
Теряюсь.

Входит Дромио Эфесский.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Вот твой верный календарь,
О жизнь моя! Что же это? Как так быстро
Вернулся ты?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Так быстро? Нет, скорей
Спросите, как замешкал я так сильно!

Каплун сгорел, свалился поросенок
Вниз с вертела, двенадцать на часах
Ударило, а на моей щеке
Ударила один моя хозяйка.
Она разгорячилась оттого,
Что кушанье простыло, а простыло
Оно по той причине, что домой
Нейдете вы, а вы домой нейдете
Затем, что вы не голодны, а вы
Не голодны, затем что развелись;
Но мы, знакомые с молитвой и постом,
Мы покаянние за ваш же грех несем.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Попридержи, любезный, вихрь слов
И вот что мне скажи: куда девал ты
Те деньги, что тебе я отдал?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

А!

Шесть пенсов, те, что вы велели в среду
Прошедшую к седельнику снести
За барыни подхвостник? Ну, седельник
Их получил, а у меня их нет.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Сегодня я охоты не имею
С тобой шутить. Скажи мне поскорей,
Без всякого дурачества, где деньги?
Мы здесь чужие ведь; так как же ты
Осмелился такую сумму бросить
На попечение других?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Прошу
Начать шутить, когда уж за обедом
Вы будете сидеть; я дул сюда
Во весь галоп от барыни; но, если
Я возвращаюсь без вас, сам буду вздут:
На темени моем она пропихнет
Проступок ваш. По мнению моему,
Желудок ваш, как мой, служить бы должен
Часами вам и без гонцов всегда
Вас гнать домой.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Ну, полно, полно. Шутки
Твои совсем некстати; лучше их
На более веселую минуту
Прибереги. Где деньги, что тебе
Я дал на сохраненье?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Мне? От вас
Не получал я денег.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Перестань же
Дурачиться, бездельник; отвечай,
Как ты мое исполнил порученье?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Имел я поручение одно:
На площади вас отыскать и в «Феникс»
Домой вести: там барыня моя
С сестрой своей вас ждот обедать.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Слушай,
Сейчас скажи, в каком надежном месте
Ты золото оставил, или же —
Не будь христианин я — разломаю
Твою башку веселую с ее
Дурачеством упрямым в ту минуту,
Когда совсем я не хочу шутить!
Что сделал ты с той тысячею марок,
Что получил ты от меня?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

От вас
На голове моей есть, правда, марки
И на плечах от барыни моей;
Но все-таки итог их не доходит
До тысячи. Когда б я начал вам
Их возвращать, быть может, ваша милость,
С терпением не приняли бы их.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

От барыни твоей? Какую ж это
Ты барыню имеешь, негодяй?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Да вашу же супругу, ваша милость,
И барыню мою — ту, что теперь
Ждет в «Фениксе», постясь, пока обедать
Придете вы, и просит, чтоб скорей
Бежали вы обедать.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Что же это!

Ты все-таки смеешься мне в глаза;
Когда тебе я запретил? Так вот же
Тебе за то, бездельник!

(Бьет его.)

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Что вы, что
У вас в уме? Ах, ради бога, руки
Сдержите вы, не то я хожу даму
Моим ногам.

(Убегает.)

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Клянусь моею жизнью,
Каким-нибудь обманом деньги все
Отобраны у этого болвана.
Здесь город весь ведь полон, говорят,
Обманщиков, мошенников искусных,
Умеющих пускать туман в глаза,
И колдунов каких-то мрачных, мысли
Меняющих, и ведьм, убийц души,
Уродующих тело, шарлатанов,
Плутов переодетых и других
Приверженцев греха. Коль это правда,
Я поспешу уехать. А теперь
Пойду в «Центавр» искать, куда бездельник
скрылся;

Сдается крепко мне, что денег я лишился.

(Уходит.)

АКТ II. СЦЕНА I

Входят Адриана и Люциана.

АДРИАНА

Нет, не идут ни муж мой, ни слуга,
Которого за ним я так поспешно
Отправила. Теперь уж два часа
Наверно есть.

ЛЮЦИАНА

Быть может, пригласили
Его к себе знакомые купцы —
И прямо он пошел обедать с рынка.
Советую, любезная сестра,
Сесть без него за стол и быть спокойной.
Мужчина ведь властитель над своей
Свободою; его ж властитель — время,
И, времени послушный, он идет
Туда, сюда. Поэтому, сестрица,
Тревожиться не следует тебе.

АДРИАНА

Зачем же больше им, чем нам, дана свобода?

ЛЮЦИАНА

Да потому, что их дела такого рода:
Всегда вне дома.

АДРИАНА

Да, но если б он узнал,
Что я так действую, наверно б злиться стал.

ЛЮЦИАНА

О, знай, что, как узда, тобой он управляет.

АДРИАНА

Зануздывать себя осел лишь позволяет.

ЛЮЦИАНА

Но волю буйную несчастье плетью бьет.
Все то, что видит глаз небесный, что живет
В морях и в воздухе, и на земле — все в рамках
Свои заключено; самцам покорны самки
Зверей и рыб, и птиц. И этого всего
Властитель — человек, в ком больше

божество

Себя явило — он, владыка над землею
И над свободно пучиною морскою,
Стоящий по уму и по душе своей
Гораздо выше рыб, пернатых и зверей —
Он также властелин и над своей женою,
И потому должна ты быть его слугою.

АДРИАНА

Но замуж ты иди не хочешь оттого,
Что рабства этого боишься.

ЛЮЦИАНА

Не его

Страшусь я, а забот супружеского ложа.

АДРИАНА

Но если б замужем была ты, верно, все же
Хоть маленькую власть хотела бы иметь?

ЛЮЦИАНА

Я, прежде чем любить, училась бы терпеть.

АДРИАНА

А если б загулял твой муж?

ЛЮЦИАНА

Я терпеливо

Ждала бы, чтоб домой вернулся он.

АДРИАНА

Не диво

Иметь терпение, когда ничем оно
Не растревожено; совсем немудрено
Быть кроткой, если нет причины быть иною.
Когда вопит бедняк, истерзанный бедою,
Мы требуем всегда, чтобы он замолчал;
Но если бы нести случилось нам самим
Такое ж бремя мук, мы так же бы кричали.
Вот так и ты теперь, не зная печали
От мужа скверного, мне хочешь пособить,
Советуя с беспомощным терпением все

сносить;

А нанеси тебе такое оскорбленье,
Конечно, прогнала б ты глупое терпенье.

ЛЮЦИАНА

Когда-нибудь решусь я это испытать.
Но вот и твой слуга: недолго мужа ждать.

Входит Дромио Эфесский.

АДРИАНА

Ну что, идет твой господин-медлитель?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Он-то не идет, а вот я так от него насилу
ушел, и мои оба уха могут
засвидетельствовать вам это.

АДРИАНА

Скажи скорей, ты говорил с ним? Знаешь
Намеренье его?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

О да, о да!

Он на ушах моих отметил это

Намеренье. Проклятая рука!
Я ничего решительно не понял.

ЛЮЦИАНА

Разве он говорил так темно, что ты не мог понять его?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Нет, он делал такие ясные ударения к своим словам, что я слишком хорошо чувствовал эти ударения; но вместе с тем слова его были так темны, что я решительно ничего не понял.

АДРИАНА

Но говори — идет ли он домой?
Он, кажется, старается усердно Приятным быть своей жене.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Скажу
Я вот что вам: мой барин, несомненно
Взбесился, как рогатый...

АДРИАНА

Негодяй!
Как смел ты мне сказать «рогатый»?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

То есть
Не так, как муж рогатый, — но совсем
Взбесился он. Когда просить я начал
Его домой, к обеду — у меня
Потребовал он тысячу червонцев.

Я говорю: «Пора идти обедать!»
Он говорит: «Где золото мое?»
Я говорю: «Все блюда подгорели!»
Он говорит: «Где золото мое?»
Я говорю: «Пожалуйте скорее!»
Он говорит: «Где золото мое?»
Где тысяча червонцев, плут негодный?»
Я говорю: «Сгорит ваш поросенок!»
Он говорит: «Где золото мое?»
Я говорю: «Да госпожой моею...» —
«Повесься с ней! Не знаю никакой
Я госпожи. Черт с госпожой твоею!»

ЛЮЦИАНА

Кто это говорит?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Он говорит,
Мой господин. «Я, — говорит, — не знаю
Ни госпожи, ни дома, ни жены!»
И вот таким манером порученье,
Что должен был исполнить мой язык,
Я на плечах моих вам доставляю
Благодаря ему; да, по плечам
Отколотил меня он в заключение.

АДРИАНА

Ступай опять, негодный, и веди
Его домой.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Идти опять и снова
Прибитым быть? Нет, бога ради, я
Прошу послать кого-нибудь другого.

АДРИАНА

Ступай сейчас, бездельник, иль тебе
Я проломлю башку крестообразно.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Ну да, а он крест этот освятит
Пошечинами новыми — и выйдет
Святою голова моя у вас.

АДРИАНА

Вон, говорят, болтливый олух! Живо
Веди его домой.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Ужели я
Так кругл для вас, что можете вы мною
Туда-сюда, как мячиком швырять?
Вы гоните отсюда, он оттуда;
Коль этак долго мне придется вам служить,
То кожею меня вам следует обшить.

(Уходит.)

ЛЮЦИАНА

Как гнев твое лицо обезобразил скверно!

АДРИАНА

Он веселится там с любовницами, верно,
Меж тем как по одному веселом взгляде я
Здесь жадно так томлюсь. Коль красота моя
С несчастных щек моих унесена годами —
Он в этом виноват. Коль скуку лишь словами
Могу я наводить, коль ум мой отупел
И далеко не так, как прежде, быстр и смел —
Он обращением суровым и холодным,
Как мрамор, притупил все это. Если ярким
Нарядом сердце в нем другие шевелят,
Как господин моих всех денег, виноват
И в этом также он. Все эти разрушенья,
Что испытала я — его произведенья.
Лишь он в том виноват, что подурнела я!
Пусть солнечный свой взгляд он кинет —

и моя

Увядшая краса воскреснет очень скоро,
Но, как дикарь-олень, он рвется из забора
И кормится, увы, вне дома! Для него
Я, бедная, давно не значу ничего.

ЛЮЦИАНА

О, ревность злейшая, самой себе мученье!
Фи, прогони ее!

АДРИАНА

Такое оскорбленье
Не больно лишь одним бесчувственным
глупцам.

Я знаю, нравятся теперь его глазам
Другие женщины, иначе как случиться
Могло б, что он не здесь? Ты знаешь ведь,
сестрица,

Он обещал мне цепь. О, если бы забыл
Он про нее одну, но только б не бежал
От ложа своего! Теперь я вижу ясно,
Что камень дорогой, оправленный
прекрасно, —

И тот теряет блеск, и золото — оно,
Столь долго прочное, — испортиться должно
От тренья частого, и точно так же губят
Людей разврат и ложь. О, если уж не любит
Он красоту мою — слезами я сотру
Остатки все ее — и, плача, я умру!

ЛЮЦИАНА

О, сколько глупых я встречаю между нами,
У дикой ревности покорными слугами!

Уходят.

СЦЕНА 2

Площадь.

Входит Антифол Сиракузский.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Все золото, что Дромио я отдал,
В сохранности в гостинице лежит,
А верный шут отыскивать куда-то
Меня пошел. По моему расчету
И по словам хозяина, не мог
Я Дромио увидеть с той минуты,

Как в первый раз послал его домой.
А вот и он.

Входит Дромио Сиракузский.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Ну что, прошла веселость,
Почтеннейший? Пожалуй, начинай
Опять шутить, коли побои любишь.
Не знаешь ты «Центавра»? От меня
Ты золота не получал? Ты послан
От госпожи твоей, чтобы меня
Позвать домой обедать? Квартирую
Я в «Фениксе»? Ты, верно, был совсем
Помешанный, когда так бестолково
Мне отвечал.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Я отвечал? Когда ж
Я говорил вам это?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Да не больше,
Как с полчаса назад, и вот как раз
На этом самом месте.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
С той минуты,
Как с деньгами послали вы меня
Домой, в «Центавр», я вас в глаза не видел.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Ты говорил, бездельник, что тебе
Не отдавал я золота, и только
Про госпожу твою и про обед
Мне толковал. Я дал тебе, надеюсь,
Почувствовать, как это не пришлось
Мне по сердцу.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Я очень рад, что вижу
Веселым вас. Что значит эта шутка?
Пожалуйста, скажите, господин.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Опять, опять ты мне в лицо смеешься.
По-твоему, шучу я? Вот тебе!
А вот еще!

(Бьет его.)

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Постойте, бога ради!
Уж чересчур серьезно стали вы
Со мной шутить. За что побои эти?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Из-за того, что иногда с тобой
Я, как с шутком, по дружески болтаю,
Нахально ты смеешься над моей
Любезностью и дерзко нарушаешь
Серьезные минуты. В те часы,
Когда сияет солнце, могут мошки
Проказничать, но по шелям они
Пусть прячутся, чуть только скроет солнце
Свои лучи. Когда желаешь ты
Шутить со мной, то изучи сначала
Мое лицо и с ним сообразуй
Свои слова; не то методу эту
В твой медный лоб я скоро вколочу.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Вы называете мой лоб медным? Я бы желал,
чтоб он был просто лоб как лоб, лишь бы вы
не вколочивали. Но если вы не прекратите
побоев, мне действительно надо будет добыть
себе медную голову, иначе мой мозг вывалится
на плечи. Однако скажите, сделайте милость,
за что я отколочен?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Ты не знаешь?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Ничего не знаю; знаю только, что отколочен.
АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
И хочешь, чтобы я тебе сказал за что?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Да, за что и почему? Ведь, говорят, что всякое
«почему» имеет свое «потому что».
АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Ну так за то, во-первых, что трунил
Ты надо мной; а дальше — потому что
Вторично ты за то же принял.
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Ну был ли кто-нибудь колочен так некстати?
В причинах ваших всех ни смысла нет,
ни стати.

Покорнейше благодарю вас.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Ты
Меня благодаришь? За что же это?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Да за то, что вы дали мне кое-что за ничто.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
В следующий раз я вознагражу тебя: за
кое-что не дам ничего. Однако скажи, не пора
ли обедать?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Нет, не пора; я полагаю, что мясу еще не до-
стает того, что я получил.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Чего же это, если позволите узнать?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Оно недостаточно бито.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Стало быть, оно будет твердо и сухо.
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
А если это так, то я вас попрошу не кушать его.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
По какой причине?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Да вы рассердитесь, что оно не бито как сле-
дует — и станете бить меня.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Что ж делать? Учись шутить вовремя. Для все-
го есть свое время.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Это мнение я опровергнул бы, прежде чем вы
так сильно разгневались.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Каким доводом?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Доводом столь же ясным, как ясен лысый че-
реп самого старика Времени.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Послушаем твой довод.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Не дожидаться возвращения волос тому чело-
веку, который облысел по воле природы.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Разве нет никакого средства возвратить их?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Есть одно — покупка парика, то есть возвра-
щение себе потерянными волосами
другого человека.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Отчего же Время так скряжничает волосами,
когда их вообще так много?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Потому что волосы — благословенье, которым
оно наделило животных; а что касается людей,
то ту долю волос, которую Время отнимает у
них, оно вознаграждает такую же долею ума.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Но есть много людей, у которых волос больше,
чем ума.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Между ними нет ни одного, у которого не
хватило бы ума потерять свои волосы.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Но ты только что вывел заключение, что волосатые
люди самые глупые.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Чем человек глупее, тем он скорее теряет волосы,
и притом теряет даже с некоторою пользою для себя.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

По какой причине?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

По двум причинам, и притом солидным.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Нет, уж пожалуйста, не называй их солидными.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Ну так верным.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Нет, и не верным, когда дело идет о таком неверном
предмете.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Ну так по некоторым причинам.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Объясни их.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Первая — сбережение денег, которые тратятся на
причесывание; вторая — та, что за обedom волосы не падают в суп.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Ты все это время старался доказать, что не для
всего есть время?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Действительно — и доказал это. Нет времени для
возвращения волос, потерянных по воле природы.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Но ты не привел основательных доводов, почему для
возвращения их нет времени.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Так вот моя поправка: само Время лысо и поэтому
желает, чтобы до окончания мира свита его состояла из лысых.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Я знал, что твое замечание окажется лысым.

Но смотри — кто это делает нам знаки?

Входят Адриана и Люциана.

АДРИАНА

Да, Антифол, смотри, как на чужую,
И брови хмурь. Ты ласковой твоей взгляд
Даришь другой. А я — не Адриана,
Я не жена твоя. Была пора,
Когда ты мне приниженно клялся,
Что для твоих ушей ничьи слова
Не кажутся гармонией, что в мире

Предмета нет, который бы прельщал
Твои глаза, что нет прикосновенья,
Приятного руке твоей, что ты
Все кушанья безвкусными находишь,
Когда не я с тобою говорю,
Смотрю в глаза, руки твоей касаюсь,
Делю с тобой трапезу. Почему ж,
О почему, супруг мой, стал ты чуждым
Для самого себя? Я говорю:

«Для самого себя» затем, что чуждым
Ведь сделался ты для меня — меня,
Которая, с тобой так нераздельно
Соединясь, составила давно
Часть лучшую души твоей прекрасной.
О милый мой, не отрывай себя!
Знай, что скорей ты каплю водяную
Уронишь в глубь морскую и потом —
Без примеси, без всяких изменений
В величине — оттуда вынешь вновь,
Чем от меня отторгнешься и в месте
Не увлечешь меня с собою! О,
Как глубоко твой слух бы оскорбила весть,
Что пала я, что запятнала я
Постыднейшим развратом это тело,
Которое посвящено тебе?

Ты плюнул бы в лицо мое, ты стал бы
Топтать меня ногами, ты в меня
Швырнул бы именем супруга, кожу
Грешную сорвал бы с моего
Преступного чела, венчалый перстень
С моей руки неверной ты с отсек
И разломал на части бы, с угрозой
Жестокого развода. Это все
Ты сделал бы, я знаю; ну так делай!
Запятнана прелюбодетством я,
Разврата грех с моей смешался кровью:
Да, ежели и ты и я — одно,
И если ты неверен, то ношу я
В моей крови яд тела твоего,
Осквернена твоим прикосновеньем.
Храни же в чистоте супружеское ложе —
И буду я чиста, и чист ты будешь тоже.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

И это все вы говорите мне,
Сударыня прекрасная? Я овсе
Не знаю вас; всего лишь два часа,
Как я в Эфес приехал; этот город
Мне так же чужд, как ваши все слова;
А право, хоть свой ум я сильно напрягаю,
Но ни единого из них не понимаю.

ЛЮЦИАНА

Фи, братец, как переменялись вы!
С моей сестрой вы так не обращались
До этих пор. К вам Дромио она
Послала с тем, чтоб вас позвать обедать...

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Дромио?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Меня?

АДРИАНА

Тебя — и ты, вернувшись, отвечал,
Что он тебя побил и отказался
Мой дом — своим, меня — своей женой
Признать.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

(к Дромио)

Так ты уж с этой госпожою
Вел разговор? Какой же смысл имел,
Какую цель — ваш заговор?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Я с нею?
До этих пор я не видал ее.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Лжешь, негодяй. Ко мне сюда, на площадь,
Ты приходил и эти же слова
Мне передал.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Да в жизнь мою ни разу
Не говорил я с нею!

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Как же нас
По именам она назвать умела?
По вдохновенью?

АДРИАНА
Как вам не пристало,
Почтенному такому человеку,
Играть с рабом грубейший этот фарс
И поощрять его на раздражение
Моей тоски! Уж я несчастна тем,
Что кинул ты меня; к чему же оскорбленье
Усиливать еще чрез новое мученье?
Пойдем: к твоей руке прижмуся крепко я!
Ты вяз, о мой супруг, а я — лоза твоя;
Вкруг крепости твоей я слабостью моею
Повьюсь и от нее сама поздоруюю.
Ах, различают нас так много трав дурных,
Плющ чужедный, терн иль мох бесплодный. Их

Не рвешь ты — и они весь сок твой заражают
И разрушением твоим себя питают.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
И эти все слова обращены ко мне!
Уж не женился ли я как-нибудь во сне
На ней, иль сплю теперь и лишь в воображенье
Все это слушаю? Какое заблужденье
Пристало к зрению и слуху моему?
Ну что ж: в обмане чувств участие приму
И недоразумение поближе
Успею рассмотреть.

ЛЮЦИАНА
Ну, Дромио, беги же!
Вели служителям скорее обед нести.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Ах, четки где мои? О Господи, прости
Мне грешному! В страну волшебниц
мы попали.

О, горе горькое; здесь феи к нам пристали
И эльфы разные, и духи; если их
Ослушаемся мы, они из нас двоих
Дыханье высосут иль досиня все тело
Ищиплют.

ЛЮЦИАНА
Что ты там бормочешь? Ну, за дело,
Живее, Дромио, лентяй, улитка, плут,
Безмозглый трутень!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(Антифолу)
Я весь здесь изменился,
Не правда ль?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Да, в душе, как сделалось со мною.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Ну нет, я стал иной и телом, и душою.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Но вида своего ведь ты не потерял.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Нет, обезьяною какою-то я стал.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Уж если ты во что и обратился — значит,
В осла, не иначе.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Да, это правда: скачет
Она верхом на мне, и жажду я травы.
Да, точно, я осел, сказали правду вы,
Ведь иначе ее я с самого начала
Узнал бы, как она меня сейчас узнала.

АДРИАНА
Довольно, не хочу я глупой быть
И закрывать рукой глаза, и плакать,
Когда слуга и барин над моим
Несчастьем смеются. Ну, идемте —
Нас ждет обед. Ты, Дромио, запри
За нами дверь. Супруг мой, нынче будем
Мы наверху обедать — и тебя
Заставлю я сознаться мне во многих
Твоих грехах.

(К Дромио.)

Ты, если кто-нибудь
Придет, скажи, что господин твой нынче
Обедает в гостях, и никого
Не смей впускать. Пойдем, сестра. Ты,
Дромио,
Исполни хорошо обязанность твою.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Да где ж я? На земле, в аду, в раю?
Я сплю иль бодрствую? В уме иль
помешался?

Известный им, себе неведомым остался!
Что ж, с ними заодно я действовать решусь
И бодро в этот мрак, что б ни было, пушусь.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(Антифолу)

Прикажете стоять у двери?
АДРИАНА

Повторяю:
Не смей ты никого впускать, не то сломаю
Я голову твою.

ЛЮЦИАНА
Идем же, Антифол,
Ведь час обеденный давно уже прошел.
Уходят.

АКТ III. СЦЕНА I

Перед домом Антифолы Эфесского.

Входят Антифол Эфесский, Дромио Эфесский, Анджело и Вальтасар.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Почтеннейший Анджело, вы должны
Нас оправдать. Жена моя сердита,
Когда домой я поздно прихожу;
Скажите ей, что в вашей мастерской я
Сидел все это время, глядя, как
Ей делали цепочку, и что завтра
Вы сами к нам доставите ее.

(Указывая на Дромио.)

Вот этот плут мне лжет в лицо, что встретил
На площади меня, что я его
Отколотил и требовал, чтоб отдал
Он тысячу червонцев; наконец,
Что от жены и дома я отрекся.
Ну, отвечай, ты, пьяница, к чему
Ты говорил все это?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Говорите
Все, что угодно вам, но знаю я, что знаю.

Избили вы меня: я это подтверждаю
Следами ваших рук. Когда б спина моя
Была пергаментом, удары же, что я
Сегодня получил от вас, чернилом были —
Своею подписью вы сами б подтвердили
Все это.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Ты осел, вот что сдается мне.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Да, кажется, что так, судя по руготне,
Ударам и всему, чем нынче угощаться
Пришлось мне. Очень жаль, что я не стал
лягаться,
Когда вы стали бить: копыт моих тотчас
Остереглись бы вы — осел сдержал бы вас.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Вы грустны, Вальтасар! Душевно я желаю,
Чтоб с тем радушием, с которым я встречаю
Вас у себя теперь, обед наш был вполне
Согласен.

ВАЛЬТАСАР
Ваш обед совсем не дорог мне,
Но дорог ваш привет.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
О, в деле мяс и рыбы,
Сосуды целые приветствий не могли бы
Вам блюда вкусного с успехом заменить.

ВАЛЬТАСАР
Но блюдо вкусное — не редкость; оно ведь
У проходимца всякого найдется.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Тоже
И ласковый привет несколько не дороже:
Ведь он — одни слова.

ВАЛЬТАСАР
Обед веселый тот,
Где пишу скудную радушие дает.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Когда хозяин скуп, а гость без аппетита,
Так это хорошо. Но если очень сыто
Я вас не накормлю, не будьте строги к нам;
Другие могут дать обед получше вам,
Но уж радушия такого не ищите —
Не встретите нигде. Однако погодите —
Дверь заперта моя. Эй, ты, поди сейчас,
Скажи, чтоб отперли и чтоб впустили нас.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Марьяна! Юлия! Цецилия! Целина!
Бригитта! Мария!
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)

Дурак, осел, скотина,
Каплун безмозглый, прочь от двери отойди
Иль у порога там смиренхонько сиди.
Ишь, сколько вызвал баб! Как сущий
заклинатель!
Тут много и одной. Проваливай, приятель!
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Что это за паяц-приверник? Отпирай!
Мой господин стоит на улице.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)
Пускай
Он возвращается домой по той дороге,
Откуда и пришел, не то простудит ноги.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Кто это говорит? Эй, отпирайте!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)
Да,
Коль скажете зачем, я вам скажу когда.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Зачем? Чтоб сесть за стол! Обедать мне давайте!
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)

Не будет нынче вам обеда здесь. Ступайте,
В другой раз жалуйте.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Да кто же это дверь
Мне запер в собственном моем дому?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)

Теперь
Пока приверник я и Дромью мне прозванье.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Ах, негодай — украл ты у меня и званье,
И имя! Первое не принесило мне
Малейшей выгоды; второе — к руготне
Служило поводом. Будь на моем ты месте
Сегодня утром здесь, с моим прозваньем
вместе,
Охотно б ты лицо на имя променял,
Иль имя за лицо без затрудненья дал.

ЛЮЦИЯ
(за сценой)
Что это там за шум? Кто это там за дверью?
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Впусти нас, Люция: мой господин стучится.

ЛЮЦИЯ
(за сценой)
Ну нет, он опоздал. Так и скажи ему.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Вот смех-то! Слушай, ты, иль палку я возьму.
ЛЮЦИЯ
(за сценой)

Какую и когда?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)
Коли на самом деле
Вас Люцией зовут, отлично вы сумели
Ответить, Люция.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Ну что ж? Ты впустишь нас,
Надеюсь, милая?
ЛЮЦИЯ
(за сценой)

Об этом я у вас
Спросила, кажется.
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)

И вы нам отказали.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Эк перестрелку вы какую завязали!
Отлично! Действуйте?
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Дрянь, отвори сейчас!
ЛЮЦИЯ
(за сценой)
Да ради же кого, нельзя ль узнать у вас?
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Стучите, сударь, в дверь сильнее.
ЛЮЦИЯ
(за сценой)

Да сильнее,
Чтоб стало больно ей.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 За это ты больнее
 Поплатишься, когда сломаем двери мы.
 ЛЮЦИЯ
(за сценой)
 Так что же? Будто нет здесь в городе тюрьмы?
 АДРИАНА
(за сценой)
 Кто это за дверьми? Чего вы там шумите?
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)
 Ну городок у вас! Куда ни поглядите,
 Везде мошенники!

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Жена моя, ты тут?
 Давно б пора...

АДРИАНА
(за сценой)
 Жена? Ах ты негодный плут!
 Пошел отсюда вон!

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Ну только б нам вломиться,
 Мы за «негодный плут» заставим
 поплатиться.

АНДЖЕЛО
 Как видно, не найдем мы здесь ни вкусных
 блюд,
 Ни слов радушия.

ВАЛЬТАСАР
 И после пересуд,
 Что лучше: вкусный стол иль ласковое слово,
 Уйдем, ни первого не встретив, ни второго.
 ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Что ж, сударь? Гости ведь стоят все у дверей;
 Пожаловать в наш дом просите их скорей.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Здесь что-то в воздухе есть, кажется, такое,
 Что не выпускает нас.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 И этот воздух вдвое
 Сильней пробрал бы вас, будь в легком
 платье вы.
 Там, дома, ваш обед горяч, а вам, увы,
 Приходится стоять на холоде. Однако
 Вас ловко провели. Тут всякий, как собака,
 Взбесился бы.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Поди и принеси сюда
 Скорее что-нибудь: я дверь сломаю.
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)

Да,
 Извольте все ломать; а я вам обещаю,
 Что голову слуги я вашего сломаю.
 ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Сломать бы на тебе хотелось мне словцо
 И нанести удар не с тылу, а в лицо.
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)

Ломанье, видно, вам любимая забава.
 Пошел ко всем чертям!
 ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Уж это слишком, право!
 «Пошел ко всем чертям!» Пожалуйста,
 пусти!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
(за сценой)
 Когда вы дерево сумеете найти
 Без листьев иль ветвей, или без шкуры зверя.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Давай полено мне: я выломаю двери.
 ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Ну вот! Без шкуры мы хоть не нашли зверей,
 Так дерево нашли без листьев и ветвей.
 А после, выломав полено эти двери
 И шкуру сняв с тебя, найдем без шкуры зверя.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Полено отыщи покрепче. Ну, пошел!
 ВАЛЬТАСАР
 О нет, не делайте насилия, Антифол!
 Ведь вы с своей же собственной честью
 Вступаете в войну, бросая тень
 На чистое супруги вашей имя.
 Подумайте: ее прекрасный ум,
 Вам так давно доказанный на деле,
 Ее года, и чистота души,
 И скромность — все защитником ей служит,
 Ручательством, что здесь причина есть,
 Которой вы не знаете. И верьте,
 Она себя сумеет оправдать
 В том, что дверей для вас не отворяют.
 Послушайте совета моего:

Пойдемте в «Тигр» спокойно отобедать,
 А вечером вернетесь вы одни
 И странного изгнания причину
 Узнаете. Ломаясь силой в дверь
 Средь бела дня, вы этим только сплетням
 Дадите ход. Презренная толпа
 Злословьем запянает ваше имя,
 Столь чистое, и будет клевета
 Преследовать вас даже за могилой.
 Из рода в род она наследственно идет;
 Где поселилась раз, там вечно уж живет.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Вы правы. Я уйду спокойно с вами
 И даже — как ни трудно это мне —
 Надеюсь быть веселым. Я имею
 Знакомую одну: она умна,
 И хороша, и говорит отлично.
 И хоть дика немного, но мила.
 Мы к ней пойдем обедать. Ею часто
 Меня жена корит, но — верьте мне —
 Без всякого резона. Да, обедать
 Мы к ней пойдем.

(К Анджело.)
 Сходите вы домой,
 Возьмите цепь — теперь она готова —
 И в «Дом Ежа» — так этот дом зовут —
 Вернитесь с ней. Ее хозяйке нашей
 Я подарю, хотя бы для того,
 Чтоб рассердить жену. Поторопитесь,
 Любезный друг. Я собственную дверь
 Нашел закрытою; так постучусь покуда
 В другую: может быть, не выгонят оттуда.
 АНДЖЕЛО

Я через час вернусь.
 АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Прекрасно. Заплачу
 Уж больно дорого за то, что пошучу.
Уходят.

СЦЕНА 2

*Там же.**Входят Люциана и Антифол Сиракузский.*

ЛЮЦИАНА

Возможно ли, чтоб вы совсем забыли
 Обязанность супруга, чтоб у вас,
 В весне любви, цветы любви подгнили,

Чтоб наступил ее паденья час,
 Когда еще не возросло зданье?
 Коль денежный расчет с сестрой моей
 Вас съединил, то ради состоянья,
 Что взяли вы, старайтесь быть нежней.
 Коль любите другую вы — любите
 Украдкою и маскою добра
 Коварное притворство облеките,
 Чтоб не могла читать моя сестра
 У вас в глазах. О собственном позоре
 Пусть ваш язык не возвещает вслух:
 Приветливо, с любовию во взоре,
 Убрав порок, одев преступный дух
 Гонцом добра, блистайте чистотою,
 Как ни была б душа загрязнена, —
 И спрячьте грех под внешностью святою!
 К чему сестра об этом знать должна?
 Где глупый вор, своим же преступленьем
 Хвальныйся? Виновны вы вдвойне:
 И брачного обета нарушением,
 И тем, что все легко читать жене
 У вас в глазах. Позор, искусно скрытый,
 Найдет еще среди иных людей
 Себе почет; от речи ж ядовитой
 Поступок злой, конечно, вдвое злей.
 Ах, бедных нас хоть верить заставляйте
 В свою любовь: доверчив женский нрав,
 Любя других, им руку отдавайте,
 Но нам за то дарите хоть рукав!
 Мы движемся одною вашей силой.
 Идите же, любезный брат, домой,
 Спешите там приветливостью милой
 Мою сестру утешить и женой
 Ее назвать. Где лести луноvenile
 Отрадное способно разогнать
 Вражду двух душ, там ложь — не
 преступленье.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Прекрасная — не знаю, как вас звать,
 И не пойму, какими чудесами
 Вы угадать, как я зовусь, могли —
 Любезностью и умными речами
 Вы превзошли все чудеса земли:
 Я вижу в вас небесное создание.
 Скажите ж мне, что думать, говорить —
 И пусть мое земное пониманье,
 Мой грубый ум, умеющий ходить
 Лишь ощупью, погрязший в заблужденье,
 Беспомощный, поверхностный, поймет
 Всех ваших слов скрытое значение;
 В правдивости и чистоте живет
 Моя душа — к чему же вы хотите
 Ей новый путь насильно указать?
 Не Бог ли вы? Иль, может быть, скажите,
 Хотели б вы меня пересоздать?
 О, если так, идите к этой цели;
 Могучи вы — я буду побежден;
 Но коль я тот, кем был на самом деле
 До этих пор, то твердо убежден,
 Что с вашей рыдающей сестрою
 Не связан я, что не была она
 Супругой мне. Нет, нет, тобой одною,
 Тобой одной моя душа полна!
 Не пой, не пой мне песен сладкозвучных,
 Не увлекай, сирена, за собой,
 Чтоб утопить потом в слезах докучных
 Твоей сестры; нет, нет, сирена, пой
 Лишь для себя — и овладеет мною

Безумие; раскинься по волнам
 Серебряным, косою золотом
 Их устели — и ложе я создаю
 Себе на ней, и в сладком заблужденье
 Я буду мнить, что смертию такой
 Окончить жизнь — небес благословенье.
 Тони, любовь, в отrade неземной!

ЛЮЦИАНА
 Вы обезумели: я вас не понимаю!
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Нет, только стал слепым, а как — и сам
 не знаю.

ЛЮЦИАНА
 Вините в том глаза.
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Я тем испортил их,
 Что пристально смотрел на блеск лучей
 Твоих, о солнце чудное!
 ЛЮЦИАНА
 Когда прозреть хотите,
 Не на меня — на что вам следует, смотрите.
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 О милый ангел мой, смотреть в ночную
 тьму —
 Ведь все равно, что быть совсем слепым!

ЛЮЦИАНА
 К чему
 Вы милым ангелом своим меня назвали?
 Вы лучше бы сестре название это дали.
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Сестре твоей сестры.

ЛЮЦИАНА
 Моей сестре.
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Нет, нет.
 Тебе, моих очей неугасимый свет,
 Душа моей души, кусок насыпный хлеба,
 Часть лучшая меня, единственное небо
 Моей земли и цель блаженная всего,
 На что надеюсь я, мой мир и божество!

ЛЮЦИАНА
 Всем этим быть должна сестра моя.
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Сестрою
 Зови себя одну. Тобой, тобой одною
 Пленился я, тебя одну хочу любить
 И вечно жизнь мою с тобою проводить.
 Жены нет у меня, а ты еще свободна —
 Отдай же руку мне.

ЛЮЦИАНА
 Прошу не торопиться.
 Умерьте ваш порыв. Пойду к сестре узнать,
 Готова ль и она свое согласие дать.

(Уходит.)
 Из дома Антифола Эфесского выбегает Дромио Си-
 ракузский.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Эй, Дромио, куда это ты бежишь так скоро?
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Да разве вы меня знаете? Разве я Дромио?
 Разве я ваш слуга? Разве я — я?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Ты Дромио, ты мой слуга, ты — ты.
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Я осел, я слуга женщины, я совсем не я.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Какой женщины и каким образом ты совсем не ты?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да таким образом, что я принадлежу не себе, а женщине — женщине, которая предъявляет свои права на меня; женщине, которая гонится за мною; женщине, которая хочет завладеть мною.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Какие же права имеет она на тебя?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да точно такие, какие вы имеете на вашу лошадь. Она хочет закабалить меня, как какое-нибудь животное; но не потому, что я в самом деле животное, хочется ей это сделать, а потому, что она сама, имея животную натуру, предъявляет свои права на меня.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Кто она такая?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Весьма почтенная фигура; да-с, такая особа, о которой нельзя заговорить, не сказав «с позволения сказать». Это дело сулит мне самую тощую прибыль, несмотря на то что невеста — поистине жирный кусок.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Это почему же «жирный кусок»?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да изволите видеть, эта женщина — кухарка и вся заплыла жиром. Что из нее можно сделать — я, право, не знаю; разве только ночник для того, чтобы при свете его удрать от него же. Ручаюсь вам, что сало, которым пропитаны ее лохмотья, может гореть в течение всей бесконечной польской зимы. Если она проживет до дня Страшного суда, то будет гореть неделей больше, чем все остальные люди.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

А каково ее лицо?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Смугло, как мой башмак, но далеко не так чисто, как он. А почему? Потому что оно потеет, и притом так сильно, что грязью его можно выпачкаться по самую щиколотку.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Это недостаток, который можно устранить водой.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Нет, это уж врожденное, тут ничего не сделает и Ноев потоп.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Как ее зовут?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Женни, но и целой сажени мало для того, чтоб смерть ее от одного бедра до другого.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Значит, она довольно объемиста?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

У нее от головы до ног такое же расстояние, как от бедра до бедра; она сферична,

как глобус, и я отыскал на ней все страны света.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

На какой части ее тела находится Ирландия?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

На задней — я узнал ее по топам.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

А Шотландия?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

По бесплодности я нашел ее на ладони.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

А Франция?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

На лбу, вооруженном и поднявшемся войною против собственных волос.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

А Англия?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Я искал всюду меловых утесов, но не нашел решительно ничего белого. Предполагаю, однако, что Англия обретается на ее подбородке, судя по соленой влаге, протекающей между этою частью ее тела и Францией.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Ну а Испания?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Ее, сказать правду, не видел, но чувствовал испанский пыл в ее дыхании.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Где оказались Америка и обе Индии?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

О, на ее носу, украшенном сверху донизу рубинами, карбункулами и сапфирами; все они рассыпали свои сокровища под горячим дыханием Испании, высланшей целые армады галер для нагрузки под ее носом.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Где ты нашел Бельгию и Нидерланды?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

О, так низко я не заглядывал! И вот эта мерзость, эта ведьма предъявила права на меня, причем называла меня Дромио, клялась, что я — жених ее, и рассказала, какие особые приметы у меня на теле; например, родинка на плече, пятнышко на шее, большая бородавка на левой руке. Я пришел в ужас и бежал от нее, как от колдуньи. Если б моя грудь не была сделана из теплой веры, а сердце не было заковано в сталь, она, я полагаю, превратила бы меня в дворовую собаку и заставила бы верочать на кухне вертел.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Беги скорее в гавань; если там

Хоть небольшой попутный ветер дует —

Я до утра остаться не хочу

Здесь в городе. Найдешь корабль, готовый

К отплытию — приди на площадь мне

Сказать о том; я ждаль тебя там буду,

Весь город знает нас, а мы в нем — никого;

Так лучше поскорей убраться из него.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Как от медведя мы спасаемся с испугом,

Бегу от той, что здесь зовет меня супругом.

(Уходит.)

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Как видно, здесь весь город населен

Колдуньями; поэтому уехать

Давно пора. О той, что назвалась
Моей женой, я не могу и думать
Без ужаса, как о жене. Зато
Ее сестра, в которой все так чудно,
Так царственно-прелестно, так умно,
Виною тому, что я — почти изменник
Перед самим собой. Но для того,
Чтоб для своей души не стать причиной горя,
Закрою я свой слух для песен девы моря.
Входит Анджело.

АНДЖЕЛО

Вот Антифол!

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Да, так меня зовут.

АНДЖЕЛО

Я знаю сам. Вот ваша цепь. Я думал,
Что вас в «Еже» еще застану, но
Цепь не была готова; оттого-то
Я запоздал.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Что ж с цепью делать мне
Прикажете?

АНДЖЕЛО

Да все, что вам угодно:
Для вас ее я сделал.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Для меня?

Я не давал заказа.

АНДЖЕЛО

Вы раз двадцать,
А не один иль два о вещи этой
Твердили мне. Ступайте же домой,
Порадуйте скорей жену подарком.
В час ужина зайду к вам, и тогда
Вы мне за цепь заплатите.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Вы лучше
Теперь мой долг возьмите, а не то
Не получить ни цепи вам, ни денег.

АНДЖЕЛО

Какой шутник! Прощайте, Антифол.
(Уходит.)

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Никак я не пойму, что это означает;
Но только думаю, что в свете не бывает,
Конечно, дурака, который от таких
Отказываться б стал подарков дорогих.
Как видно, незачем здесь людям ухищряться
Для прискакания средств к жизни,

коль валяются

Такие вещи к ним на улицах. Пойду
Теперь на площадь я, там Дромью подожду,
И если есть корабль, готовый отправляться,
Отсюда поспешу я поскорей убраться.
(Уходит.)

АКТ IV. СЦЕНА I

Площадь.

Входят Второй купец, Анджело и пристав.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Вы с Троицына дня должны мне эту сумму,
И я из-за нее не делал много шуму;
Да и теперь я не пристал бы к вам,
Не встретиться мне нужна большая в деньгах,
Чтоб съездить в Персию. И потому
Прошу сейчас мне уплатить — иначе
Немедленно вас этот господин
Сведет в тюрьму.

АНДЖЕЛО

Такую точно сумму,
Какую вам я должен, получить
Мне надо с Антифола. В ту минуту,
Как встретились мы с вами, цепь ему
Я передал, и в пять часов заплатит
Он за нее. Пожалуйста со мной
К нему, и я с признательностью полной
Отдам вам долг.

ПРИСТАВ

От этого труда
Вы можете себя избавить: сам он
Идет сюда.

Входят Антифол Эфесский и Дромю Эфесский.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Пойду я к ювелиру,
А ты пока сходи купи мне плеть,
Я ею угошу мою супругу
И всех ее сообщников за то,
Что в мой же дом сегодня не впустили
Они меня. Да вот и ювелир!
Ну так иди — купи мне плеть и дома
С ней жди меня.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Я покупаю плеть —
Доходу тысячу я фунтов покупаю!
(Уходит.)

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

(к Анджело)

Ну, всякий, кто положится на вас,
Останется доволен. Я дал слово,
Что сами вы придете и с собой
Возьмете цепь; но не пришлось увидеть
Ни цепи мне, ни ювелира. Вы
Подумали, конечно, что уж слишком
Цепь нашу связь скрепит, и оттого
К нам не пришли.

АНДЖЕЛО

Теперь шутить не время.
Извольте счет: тут вашей цепи все
До одного карата, тут и проба,
И стоимость работы. Весь итог
Всего тремя червонцами превысил
Мой долг ему.

(Указывает на купца.)

Прошу вас заплатить
Немедленно: собрался он в дорогу
И одного — уплаты этой ждет.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Не захватил с собой я столько денег,
Притом еще мне надо по делам
Отправиться. Пожалуйста, сходите
Вы с этим господином к нам домой,
Возьмите цепь, жене ее отдайте —
И от нее получите сполна
Что следует. Быть может, в это время
И я прийти успею.

АНДЖЕЛО

Значит, вы
Уж сами цепь ей отдадите?

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Нет.
Возьмите вы ее с собой; быть может,
Замешкаюсь я долго.

АНДЖЕЛО

Хорошо.
Где ж цепь? При вас?

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Коль не при мне, то, верно,
При вас она; иначе бы пришлось
Без денег вам домой вернуться.

АНДЖЕЛО

Полно!
Пожалуйста, давайте цепь. Прилив
И ветер — все его торопит ехать;
Я виноват, что задержал его
Так долго здесь.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Ах Бог мой, этой шуткой
Хотите вы заглядить, верно, то,
Что в «Дом Ежа», согласно обещанию,
Вы не пришли. Мне следовало б вас
Бранить за то, что цепь не принесли вы,
А вы еще тут первый принялись,
Как спорщика, ворчать.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

(к Анджело)

Уходит время;
Пожалуйста, спешите кончить.

АНДЖЕЛО

Вот,
Вы видите, как он меня торопит!
Давайте ж цепь.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Снесите вы ее
К моей жене и получите деньги.

АНДЖЕЛО

Ну полно же! Вы знаете, что цепь
Я только что вам отдал. Так пошлите
Или ее, или какой-нибудь
Условный знак.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Стыдитесь: ваша шутка
Уж слишком далеко заходит. Ну
Где ж цепь моя? Прошу вас, покажите.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Мои дела не позволяют мне
Выслушивать все эти шутки. Что же,
Угодно вам мне заплатить иль нет?
А если нет, его отдам сейчас же
Я пристава.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Мне вам платить? За что ж,
Скажите мне, платить я должен?

АНДЖЕЛО

Деньги,
Которые вы мне должны за цепь.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Пока от вас не получу я цепи,
Я ничего не должен вам.

АНДЖЕЛО

Но вы
Ведь знаете, что вам ее я отдал
За полчаса до этого.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

От вас
Я ничего не получал. Обидно
Выслушивать мне это.

АНДЖЕЛО

Мне еще
Обиднее, что отрицать вы стали
Мои слова. Ведь этим мой кредит
Вы губите.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

(пристава)

Ну, пристав, арестуйте
Его сейчас.

ПРИСТАВ

Я арестую вас,
И приглашаю мне повиноваться,
Во имя герцога.

АНДЖЕЛО

(Антифолу)

Тут честь моя
Затронута. Иль заплатите деньги,
Иль попрошу я пристава сейчас же
Вас взять в тюрьму.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Платить за то, чего
Я никогда не получал? Коль смеешь,
Так арестуй меня, безмозглый шут!

АНДЖЕЛО

Вот кормовые, пристав, арестуйте
Его сейчас. Я и родного брата
Не пощадил бы, если б вздумал он
Нахально так смеяться надо мною.

ПРИСТАВ

(Антифолу)

Вы слышали? Я арестую вас.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Покуда вам поруки не представлю
Я за себя — я повинуюсь вам.
Но вы, почтеннейший, за шутку эту
Так дорого заплатите, что всех
Металлов вашей лавки не достанет.

АНДЖЕЛО

О, я найду в Эфесе правый суд,
И срамом он покроет вас наверно.

Входит Дромио Сиракузский.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Там есть корабль из Эпидамна; он
Совсем готов и ожидает только
Хозяина, чтоб паруса поднять.
Я на него пожитки наши, сударь,
Уже послал, а также закупил
Бальзама, водки, масла. Все готово
На корабле; попутный ветер дует
Так весело — и, чтоб пуститься в путь,
Ждут только вас и капитана.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Что ты,
С ума сошел? Какой такой корабль
Из Эпидамна ждет меня, скотина
Безмозглая?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Корабль, куда меня
Послали вы, чтоб удержать вам место.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Ах, пьяница негодный, я тебя
Послал купить мне плетку, объяснивши,
Зачем она нужна мне...

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Никогда
За плетью вы меня не посылали,
А был приказ мне в гавани найти
Для вас корабль.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Ну это на досуге
Я разберу и дам твоим ушам
Урок вперед внимательно слушать.
Беги сейчас, негодный, к Адриане,

Вот этот ключ отдай ей и скажи,
 Что у меня в столе, ковром турецким
 Покрытом, есть с червонцами мешок:
 Пускай пришлет его ко мне. А также
 Ты ей скажи, что арестован я
 На улице и что червонцы эти
 Мне нужны для залога. Ну, живей,
 Негодный раб! Теперь ведите, пристав,
 Меня в тюрьму: там подождем его.
*Антифол Эфесский, пристав, Второй купец и Анд-
 жело уходят.*

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 «Беги ты к Адриане!» Это значит —
 Туда, где мы обедали, туда,
 Где на себе женить меня желает
 «Прелестница». Да, для моих объятий
 Уж чересчур объемиста она.
 Но хоть не хочется, а надо отправляться:
 Обязан барину слуга повиноваться.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

*Дом Антифола Эфесского.
 Входят Адриана и Люциана.*

АДРИАНА
 И это все тебе, сестра, он говорил?
 В его глазах, скажи, ты ясно прочтала:
 Шутил ли он с тобой, или серьезен был?
 Что ж, он краснел тогда иль бледность
 покрывала

Его лицо? Что он высказывал тебе:
 Веселость или грусть? При внутренней борьбе,
 Какие ты могла в глазах его являнья
 Заметить, как следы сердечного волнения?

ЛЮЦИАНА
 Сперва отвергнул он, что можешь на него
 Ты предъявлять права.

АДРИАНА
 Скорей ни одного
 Он сам не хочет дать, и этим надругался
 Он больше надо мной.

ЛЮЦИАНА
 Потом он мне покаялся,
 Что в нашем городе он чужестранец.

АДРИАНА
 Да,
 Не ложно клялся он, хоть будет он всегда
 Клятвопреступником.

ЛЮЦИАНА
 Тогда заговорила
 Я за тебя.

АДРИАНА
 И что ж?
 ЛЮЦИАНА

Любви, что я молила
 Тебе дать, принялся молить он для себя.

АДРИАНА
 И чем же он хотел склонить к любви тебя?
 ЛЮЦИАНА

Такими нежными словами, что когда бы
 Он не бесчестен был, я тронуться могла бы:
 И красоте моей, и всем словам моим
 Он воздавал хвалу.

АДРИАНА
 Так говорила с ним
 Ты очень ласково?

ЛЮЦИАНА
 Да будь же, ради бога,
 Потерпеливее!

АДРИАНА
 Нет, не могу молчать я
 И не хочу; коли не сердцу, языку
 Уж волю дам. Он ведь старик,
 Поношенный, худой, порочный,
 безобразный,
 Больной, жестокий, глупый, грязный,
 Чудовишный и телом и душой.

ЛЮЦИАНА
 Возможно ли, скажи, чтоб человек такой
 В нас ревность возбуждал?
 Кто станет сокрушаться
 О зле утраченном?

АДРИАНА
 Ах, я должна сознаться,
 Что только на словах он для меня не мил;
 Но, несмотря на то, желаю я душевно,
 Чтоб на глазах других еще он хуже был:
 Ведь птичка на гнездо кричит тогда лишь гневно,
 Когда оно вдали. Ах, молится о нем
 Душа моя, хотя клянус я языком!

Входит Дромио Сиракузский.
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Сударыня, скорей! Стол! Кошелек! Живее!
 ЛЮЦИАНА

Как запыхался ты!
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Еще бы, как же,
 И бежал я быстро.

АДРИАНА
 Но где твой господин?
 Здоров ли?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Он теперь средь тартара пучин,
 Он хуже, чем в аду: его схватил злой демон
 В неизносимом платье, сердце чье
 Жестокое застегнуто железом;
 Злой демон, фурия, безжалостный, сердитый,
 Волк — хуже волка, черт, весь в буйвола
 зашитый,

Друг только на словах, шпион из-за спины,
 Рукой которого пути преграждены
 В проулках, улицах, на пристанях, собака,
 Что хоть и вкривь бежит, на верный след,
 однако,

Наткнется; существо, которое всегда
 Людей вергает в ад до Страшного суда.

АДРИАНА
 Да говори, в чем дело?
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Я не знаю,
 В чем дело; несомненно только то,
 Что под арестом он.

АДРИАНА
 Как под арестом?
 Но по какому делу, говори!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Вот это объяснить я не умею тоже.
 Одно могу сказать, что в буйволовои коже
 Тот человек, который взял его.
 Угодно вам, сударыня, те деньги,
 Что у него в столе лежат, послать
 Для выкупа?

АДРИАНА
 Сестра, сходи за ними.
 Дивлюсь немало я, что вижу у него
 Долг, о котором я не знала ничего.
 За что же арестован он? За вексель?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Что вексель! Пустьяки! Нет, арестован он
За вещь солиднее, за цепь. Вам слышен звон?

АДРИАНА

Звон цепи?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Нет, часов; я слишком заболтался.
Ведь было два часа, когда я с ним расстался,
А вот теперь уж час.

АДРИАНА

Так, стало быть, идут
Часы теперь назад: сказал ты новость, шут!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да, каждый раз, как час тюремщика встречает,
От страха он назад сейчас же убегает.

АДРИАНА

Так, значит, есть долги у Времени? Зачем
Ты вздор такой несешь?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да Время ведь совсем
Банкротом сделалось, и стоит слишком мало
Оно в сравненьи с тем, что людям задолжало.
При том оно и вор: ведь, говорят давно,
Что прибирается украдкою оно
И днем, и по ночам. А задолжавши столько
И воров будучи, ему, при встрече только
С судебным приставом, нельзя не убежать
И в сутки хоть на час поэтому отстать.

Входит Люциана.

АДРИАНА

Вот деньги, Дромио; беги, не отдыхая,
И с мужем возвратись немедленно домой.
Идем, сестра; от дум совсем изнемогла я,
От дум, что мне дают то слезы, то покой.

Уходят.

СЦЕНА 3

*Площадь.**Входит Антифол Сиракузский.*

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Кого бы я ни встретил — все меня
Приветствуют как старого знаконца;
По имени все здесь зовут меня.
Те денег мне дают, те приглашают
Меня к себе; одни благодарят
За добрые какие-то услуги,
Другие предлагают свой товар.
Вот только что портной какой-то в лавку
Зазвал свою и шелковые ткани
Мне показал, которые купил
Он для меня, а вслед за этим мерку
С меня он снял. Не сомневаюсь я,
Что это все проделки чародейства,
Что много здесь лапландских колдунов.

Входит Дромио Сиракузский.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Вот, сударь, золото, за которым вы посылали
меня. Но что я вижу? При вас нет уже
изображения старого Адама в новом платье?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Какое золото и о каком Адаме ты говоришь?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Не о том Адаме, который стерег рай, но об
Адаме, который стережет тюрьму; о том, кото-
рый одет в шкуру теленка, убитого для
блудного сына; о том, который следовал за
вами, как злой дух, и заставил вас отречься от
вашей свободы.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Я не понимаю тебя.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Не понимаете? Но ведь это так ясно: я говорю
о человеке, который ходит в кожаном футля-
ре, точно виолончель; о человеке, который
едва увидит усталого — сейчас же ударит его
по плечу и уведет отдыхать; о человеке, что
никогда не преминет сжалиться над разорив-
шимся и даст ему прочную одежду; о челове-
ке, что своей палочкой производит больше
подвигов, чем мавр своим копьём.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Ты, стало быть, говоришь о полицейском
приставе?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Точно так, об обязательном приставе, кото-
рый всякого нарушающего обязательства
приглашает к ответу; который на всякого че-
ловека смотрит как на отправляющегося
спать и поэтому говорит всякому: «Не угодно
ли вам на покой?»

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Не угодно ли и тебе оставить в покое твои ду-
рачества? Что ж, нашел ты корабль, готовый
отплыть сегодня ночью? Можем мы уехать?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Да я уже с час назад докладывал вам, что ко-
рабль «Отъезд» отправляется отсюда сегодня
ночью; но тут пристав впутался и заставил вас
ждать барку «Отсрочка». А вот и ангелочки, за
которыми вы посылали меня для изоблачения
вашего.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Мой шут в бреду, так точно, как и я;
Блуждаем мы в каких-то сновиденьях.
Ах, если бы нашелся добрый дух,
Который бы унес уж нас отсюда!

Входит куртизанка.

КУРТИЗАНКА

Весьма, весьма приятно, Антифол,
Мне встретить вас. Как видно, ювелира
Вы наконец нашли: так это цепь,
Что нынче вы отдали мне обещали?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Прочь, сатана, не искушай меня!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Сударь, это госпожа Сатана?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Это дьявол!

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Нет, хуже — это бабушка дьявола. Она яви-
лась сюда в виде женщины легкого поведе-
ния. От этого и происходит, что когда же-
нщина скажет: «Прокляни меня, Господи!» —
то это все равно, что она сказала бы: «Сделай
из меня, Господи, женщину легкого поведе-
ния!» Так и писано, что они являются людям
в виде светлых ангелов, а свет есть следствие
огня, а огонь жжет — еще бы, о женщину лег-
кого поведения всегда обожжешься. Не под-
ходите к ней близко.

КУРТИЗАНКА

И ваш слуга, и вы сегодня чудо
Как веселы. Пойдемте-ка ко мне,
И по пути закупим все на ужин.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Если пойдете, сударь, то рассчитывайте на ку-
шанье, которое придется есть ложкой, и при-
пасите себе ложку подлиннее.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Для чего же это, Дромио?
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Да потому, что кто ест с дьяволом, у того непременно должна быть длинная ложка.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Прочь, прочь, злой дух! Зачем ты мне толкуешь
Об ужине? Ты ведьма, как и все
Здесь в городе; тебя я закливаю:
Оставь меня, иди отсюда прочь!

КУРТИЗАНКА
Отдайте мне мой перстень, взятый вами
Сегодня за обедом, или цепь,
Что за кольцо мое вы обещали
Мне подарить — и я сейчас уйду,
И больше вас не стану беспокоить.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
Есть дьяволы, которым дай орех,
Булавочку, кровинку, волосинку,
Соломинку, обрезок ноготка —
Они и тем довольны; а вот эта
Жаднее всех: ей цепь, вишь, подавай.
Советую вам быть поосторожней:
Дадите ей — так дьявол загремит,
На ужас нам, своею цепью, сударь.

КУРТИЗАНКА
Я вас прошу отдать мое кольцо
Иль вашу цепь; надеюсь, что ограбить
Меня вы не хотите.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
Ведьма, прочь!
Ну, Дромио, идем, идем скорее!
ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
«Гордиться грех!» — павлины говорят.
Сударыня, вам это ведь известно?

Дромио и Антифол уходят.
КУРТИЗАНКА
Сомнения нет, что Антифол совсем
Сошел с ума; иначе он не стал бы
Так поступать. Он взял мое кольцо,
Которое червонцев сорок стоит,
И обещал за это дать мне цепь;
Но вот теперь ни то и ни другое
Не отдает. Да, он сошел с ума;
За это мне порукою не только
То, что со мной так бешено теперь
Он поступил, но и его нелепый
Рассказ о том сегодня за обедом,
Что собственные двери он нашел
Закрытыми. Быть может, в самом деле!
Жена его, узнавши о таких
Болезненных припадках, не впустила
Его к себе. Осталось мне теперь
Одно — бежать скорей в его квартиру
И рассказать жене его, что он
В припадке помешательства ворвался
В мой дом и взял насильно у меня
Мое кольцо. Да, путь надежнейший нашла я;
Ведь сорок золотых — потеря не пустая.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Улица.

Входят Антифол Эфесский и пристав.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Не бойся, друг, я не уйду; тебя
Оставлю я не прежде, как вручивши
Всю сумму ту, из-за которой я

Взят под арест. Жена моя сегодня
В сердитом настроенье, и едва ль
Слуге она поверит, что в Эфесе
Меня арестовали. От тебя
Не скрою я — ей это очень странным
Покажется. Но вот и мой слуга.

Входит Дромио Эфесский с плетью.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Уверен я, что он несет мне деньги.
Ну что, принес?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Принес и поручусь,
Что этим вы вполне со всеми ими
Расплатитесь.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Но где же деньги?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Где?
Да их за плеть я отдал.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Как, бездельник,
За плеть — пятьсот червонцев?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Ну уж нет,
Пятьсот плетей могу на эти деньги
Я вам купить.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Да я зачем тебя
Послал домой?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
За плеткою — и с нею
Вернулся я.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
А я за то тебя
Приветствую вот этаким встречаю.

(Бьет его.)

ПРИСТАВ
О сударь, успокойтесь, потерпите!
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Терпеть приходится не ему, а мне: несчастье
на меня обрушилось.

ПРИСТАВ
Ну, любезный, придержи язык.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Вы лучше убедите его попридержать руки.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Потаскушкин сын, негодный чурбан!
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Да, сударь, я бы желал быть чурбаном, чтобы
не чувствовать ваших побоев.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Ты только и чувствуешь, что побои, как осел.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Я действительно осел; это доказывают мои
уши, которые вы так сильно вытянули. Я служу
ему с минуты моего рождения до настоящей
минуты и за службу никогда не получал
из его рук ничего, кроме побоев. Когда мне
холодно, он согревает меня пощечиной; когда
мне жарко, он освежает меня пощечиной; пощечины
пробуждают меня, когда я сплю, подымают с
места, когда сижу, выгоняют за дверь, когда
выхожу из дома, приветствуют, когда
возвращаюсь. Побой постоянно ношу я на
своих плечах, как нищая — своего сына, и
я полагаю, что, когда он меня изувечит, придется
мне на самом деле ходить с ними по миру.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Идем вперед. Вот и жена моя.
Входят Адриана, Люциана, куртизанка и Пинч.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Сударыня, *gesprice finem*, помните конец;
или, как говорит попугай, «берегитесь конца
плетки».

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Что ж это ты вечно будешь болтать?
(Бьет его.)
КУРТИЗАНКА
Что ж, скажете, ваш муж не сумасшедший?
АДРИАНА
Да, дикостью своею это ясно
Он доказал. Мой добрый доктор Пинч,
Вы заклинять умеете; прошу вас
Ему опять рассудок возвратить —
И заплачу я вам, как захотите.

ЛЮЦИАНА
Ах, как свиреп и страшен взгляд его!
КУРТИЗАНКА
Смотрите, как дрожит он в испуге!
ПИНЧ
(Антифолу)

Прошу вас дать мне руку: я хочу
Пощупать пульс.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Вот вам рука: хочу я
Пощупать ваш затылок.
ПИНЧ

Сатана,
Что в этого вселился человека,
Тебя я заклинаю уступить
Моим святым молитвам и скорее
Бежать назад, в твой владения тьмы!
Во имя всех святых я заклинаю
Тебя — уйди!

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Молчи, колдун нелепый,
Молчи! Еще я не сошел с ума.
АДРИАНА
О, если б так, несчастное созданье!
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Так это вот приятели твои,
Красавица? Не этот ли молодчик
С шафранной рожею в моем доме
Сегодня пировал и веселился,
Меж тем как дверь преступная была
Закрыта мне и я не мог проникнуть
В мой дом?

АДРИАНА
О муж любезный, видит Бог,
Что дома ты обедал — и когда бы
До этих пор ты оставался там,
То этого публичного позора
Наверно бы избежал.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
(к Дромио)
Дома я
Обедал? Ну, что скажешь ты на это,
Бездельник?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Я, чтоб правду говорить,
Скажу, что вы обедали не дома.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
А дверь моя была незаперта?
И не прогнали нас?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Да, это точно,
Дверь ваша заперта была и нас
Прогнали.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Ну и тут не обругала
Она сама меня?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
О да, она
Сама вас обругала.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
А кухарка
Меня не оскорбила? От нее
Не слышал я насмешек, брани?
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Точно,
Бранила вас весталка кухни.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Ну
А не ушел я в бешенстве оттуда?
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Действительно. И это испытать
Пришлось моим костям: они — свидетель.

АДРИАНА
(Пинчу)
Не дурно ли мы делаем, ему
Потворствуя в безумии?
ПИНЧ

Напротив.
Постиг его характер этот шут,
И бешенство его он укрощает
Уступками.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
(жене)
Тобою ювелир
Был научен схватить меня.
АДРИАНА

О Боже!
Вот Дромио здесь налицо; я с ним,
Чтоб выкупить тебя, послала деньги,
Как только он за ними прибежал.
ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Со мною деньги? Может быть, душевно
Желали вы послать их, но боюсь,
Что гроша я не получал.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Да разве
Ты не ходил просить у ней мешок
С червонцами?

АДРИАНА
Он приходил, и тут же
Я отдала ему.

ЛЮЦИАНА
И я была
Свидетелем.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
Бог и канатный мастер
Свидетели, что только плеть купить
Я послан был.

ПИНЧ
Сударыня! И барин,
И раб его взбесились оба. Мне
Доказывает это вид их страшный
И мертвенный. Необходимо их
Связать исадить где потемнее.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
(Адриане)
Скажи, зачем ты затворила мне
Сегодня дверь?

(К Дромио.)

А ты с какою целью
Отнекиваться вздумал от мешка
С червонцами?

АДРИАНА

Я дверь не запирала,
Любезный муж.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

А я не получал
Червонцев никаких, мой добрый барин,
Но сознаюсь, что двери были нам
Затворены.

АДРИАНА

Ты лжешь и в том, и в этом,
Негодный плут!

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Распутная жена,
Ты лжешь во всем! С проклятой этой
шайкой

Связалась ты, чтоб сделать из меня
Постыднейший предмет насмешек гнусных.
Но вырву я вот этими ногтями
Твои глаза бесстыжие за то,
Что мой позор хотелось им увидеть.
*Входят несколько служителей и хотят взять
Антифола.*

АДРИАНА

О Господи! Связать его, связать!
Не подпускайте близко!

ПИНЧ

Эй, побольше
Людей сюда! Силен нечистый дух,
Сидящий в нем!

ЛЮЦИАНА

О Боже мой! Несчастный,
Как бледен он, как страшен взгляд его!

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Да вы меня убить хотите, что ли?
(Проставу.)

Тюремщик, я твой пленник; неужели
Потерпишь ты, чтоб ими был я вырван
Из рук твоих?

ПРИСТАВ

Не трогайте его;
Он узник мой, и вам не будет отдан.

ПИНЧ

(указывая на Дромио)

Вяжите-ка и этого: сидит
В нем тоже бес.

АДРИАНА

Что делаешь ты, пристав
Бессмысленный? Иль весело тебе
Смотреть на то, как человек несчастный
Насилует, позорит сам себя?

ПРИСТАВ

Он узник мой, и если я позволю
Ему уйти, придется заплатить
Мне долг его.

АДРИАНА

С тебя сниму я прежде
Ответственность. Сведи меня сейчас
К его заимодавцу; там, узнавши,
Как долг велик, я уплачу его.
Любезнейший мой доктор, позаботьтесь,
Чтоб в полной безопасности его
Свели домой. О, злополучный час!

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

О, злополучная блудница!

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Сударь,
Мне из-за вас приходится платить.
АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
Пошел к чертям! Зачем, бездельник, бесишь
Ты так меня?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Да неужели вы
Хотите, чтоб ни за что и ни про что
Вязали вас? Уж если вышло так,
Мой добрый господин, беснуйтесь вволю,
Зовите всех чертей!

ЛЮЦИАНА

Спаси вас Бог,
Несчастные! Как страшно оба бредят!

АДРИАНА

Ведите же его. А ты, сестра,
Пойдешь со мной.
*Все уходят, кроме Адрианы, Люцианы, пристава
и куртизанки.*

Теперь скажи мне, пристав,
Кто требовал ареста?

ПРИСТАВ

Ювелир,
По имени Анджело. Вам, быть может,
Известен он?

АДРИАНА

Анджело знаю я.
Как долг велик?

ПРИСТАВ

Всего червонцев двести.

АДРИАНА

За что же их он задолжал?

ПРИСТАВ

За цепь,
Которую ему Анджело отдал.

АДРИАНА

Цепь для меня заказывал мой муж,
Но он ее не получал.

КУРТИЗАНКА

Сегодня,
Как бешеный, ворвался ваш супруг
В мой дом и взял мое кольцо насильно.
Я видела — на пальце у него
Оно еще теперь. Спустя немного,
Он встретился мне с цепью.

АДРИАНА

Может быть,
Но я в глаза той цепи не видала.
Идем же к ювелиру, пристав, мне
Так хочется скорей узнать всю правду.
*Входят Антифол Сиракузский с обнаженным мечом
и Дромио Сиракузский.*

ЛЮЦИАНА

Ах, Господи помилуй! Вот они
И вырвались!

АДРИАНА

И, обнажив мечи,
Сюда идут. Скорее позовем
Еще людей, чтоб снова их связали.

ПРИСТАВ

Бежим, они, пожалуй, нас убьют!
*Уходят все, кроме Антифола Сиракузского и Дро-
мио Сиракузского.*

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Я вижу, что мечей боятся ведьмы.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Та женщина, что вашему женой
Желает быть — от вас же убегает.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Идем в «Центавр» пожитки наши взять;
Я от души желаю невредимым
Скорей сидеть на нашем корабле.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Поверьте мне, переночуем сегодня здесь; я могу поручиться, что нам не сделают ничего дурного. Вы сами видели, что с нами говорят приветливо, дают нам денег. На мой взгляд, здесь народ такой милый, что, не будь этой горы разяренного мяса, которая требует меня в мужья, я, пожалуй, был бы не прочь навсегда остаться здесь и сделаться колдуном.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Нет, хоть давай весь город мне — не буду
Здесь ночевать. Идем же поскорей,
Чтоб на корабль отнесть пожитки наши.
Уходят.

АКТ V. СЦЕНА I

*Улица перед аббатством.**Входят второй купец и Анджело.*

АНДЖЕЛО

Мне очень жаль, что задержал я вас;
Но верьте мне, что цепь ему я отдал
И, это отрицая, Антифол
Бесчестно лжет.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Какое о нем мнение
Здесь в городе?

АНДЖЕЛО

Он здесь в большой чести.
Везде кредит имеет безграничный,
Снискал любовь всеобщую и был
Всегда у нас он первым гражданином.
Я на слово поверил бы ему
Мой капитал.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Потише говорите:

Мне кажется, что это он идет.

Входят Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский.

АНДЖЕЛО

Да, это он, и с тою самой цепью,
Которую еще недавно
Не признавал с чудовищным бесстыдством.
Пожалуйста, побудьте близ меня:
Я с ним хочу поговорить. — Немало
Я удивлен, почтенный Антифол,
Тому, что вы — притом не без скандала
Для вас самих — могли мне нанести
Так много неприятностей постыдных,
Под клятвою решившись уверять,
Что от меня не получали цепи,
Которую открыто так теперь
Вы носите на шее. Не считая
Моих хлопот, ареста моего
Постыдного, вы повредили много
Достойнейшему другу моему:
Не будь он здесь задержан нашей сорой,
Давно бы он уж поднял паруса
И был теперь в дороге. Я ведь отдал
Вам эту цепь — не отопретесь вы?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Да, кажется, что вы; не отпирался
Я никогда.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Напротив — вы клялись,
Что никогда ее не получали.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Кто ж эту клятву слышал?

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Слышал я

Вот этими ушами — это знаешь
Ты хорошо. Стыдись, несчастный! Больно,
Что ты живешь меж честными людьми.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Ты поступил, как негодяй, решившись
Так оскорбить меня. Я отстою
Немедленно и честь мою, и честность,
Коль вызов мой посмеешь ты принять.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Осмелюсь я и жду тебя, бездельник!

*Они обнажают мечи.**Входят Адриана, Люциана, куртизанка и слуги.*

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Остановитесь, не деритесь с ним:
Безумный он! Оставьте, ради бога!
(К своим провожатым.)

Скорей его схватите снова; меч
Возьмите у него; свяжите также
И Дромио и отведите их
Ко мне домой.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Ах, сударь, ради бога,
Бежим, бежим! В какой-нибудь приют
Укроемся. Я вижу там аббатство.
Войдем туда — или погибли мы!
Антифол Сиракузский и Дромио Сиракузский укрываются в аббатстве. Входит игуменья.

ИГУМЕНЬЯ

Мир, братья, вам! Зачем сюда так шумно
Теснитесь вы?

АДРИАНА

Чтоб взять там моего
Несчастливого, безумного супруга.
Позвольте нам войти, чтоб мы могли
Связать его и отвести лечиться
Ко мне домой.

АНДЖЕЛО

Я так и знал, что он
Сошел с ума.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Теперь я сожалею,
Что обнажил мой меч против него.

ИГУМЕНЬЯ

Давно ли им безумье овладело?

АДРИАНА

Всю прошлую неделю был он зол,
Угрюм, суров, совсем не тот, что прежде;
Но никогда до нынешнего дня
Болезнь его еще не доходила
До бешенства такого.

ИГУМЕНЬЯ

Может быть,
Он на море богатств своих лишился?
Не схоронил ли друга своего
Любимого? Не вовлекли ли сердца
Его глаза в преступную любовь?
Ведь этот грех так свойствен молодежи,
Не любящей стеснять свои глаза.
Какому же из этих всех несчастий
Подвергся он?

АДРИАНА

Ни одному из них,
Последнее, быть может, исключая;

В кого-нибудь влюбился, верно, он
И убежать стал из дому.

ИГУМЕНЬЯ

За это
Бранить его вам следовало.

АДРИАНА

О,
Я сколько раз бранила!
ИГУМЕНЬЯ

Верно, слишком
Умеренно?

АДРИАНА

Насколько позволял
Мой кроткий нрав.

ИГУМЕНЬЯ

Конечно, не при людях?

АДРИАНА

Нет, и при них.

ИГУМЕНЬЯ

Нечасто, может быть?

АДРИАНА

Мы ни о чем другом не говорили.
В постели я ему мешала спать
Упреками; от них и за столом
Не мог он есть; наедине — лишь это
Служило мне предметом всех бесед;
При людях я на это намекала
Ему не раз; всегда твердила я,
Что низко он и гадко поступает.

ИГУМЕНЬЯ

Вот отчего и помешался он.
Речь ядовитая жены ревнивой —
Смертельный яд, смертельнее, чем зуб
Взбесившейся собаки. Нарушала
Ты сон его упреками — и вот
Бессонница расстроила рассудок.
Ты говоришь, что кушанья его
Укорами ты вечно приправляла;
Но при еде тревожной не варит
Как следует желудок — и родится
От этого горячки страшный пыл.
А что же есть горячка, как не тот же
Безумия припадок? Говоришь
Ты также мне, что весело развлечься
Мешала ты упреками ему.
Отсутствие отрадных развлечений
Что за собой влечет? — одну тоску
Озлобленную, родственницу злого
Отчаянья, лишненного надежд,
И вслед за ней несметную фалангу
Недугов бледных, в нашу жизнь
Вливающих отраву. Быть лишненным
Веселья, пищи, сна — от этого, поверь,
Лишится разума и человек, и зверь.
Из этого всего я вот что выведу смею:
Его свела с ума ты ревностью своею.
ЛЮЦИАНА

Ах, кротостью дышал всегда ее упрек,
Меж тем как он был груб, и вспыльчив,
и жесток.

Как можешь ты укоры эти молча
Сносить, сестра?

АДРИАНА

Ее слова во мне
Заставили зашевелиться совесть.
Прошу вас, люди добрые, скорей
Войти туда и взять его.

ИГУМЕНЬЯ

Не смеет
Никто войти в мой дом.

АДРИАНА

Так ваши слуги
Пусть выведут супруга моего.
ИГУМЕНЬЯ
И этому не быть. Мою обитель
Убежищем священным он избрал —
И охранит от ваших нападений
Она его, пока я вновь ем
Не возвращу рассудка или не буду
Убеждена, что все мои труды
Бесплодными остались.

АДРИАНА

Я желаю
Ходить за ним, быть нянькою его,
Сиделкою и доктором; ведь это
Обязанность моя, и не хочу
Я никаких помощников. Позвольте ж
Мне взять его домой.

ИГУМЕНЬЯ

Нет, потерпи!
Не выйдет он, пока не испытаю
На деле я всех средств, известных мне,
Целительных сиропов и снадобий,
Святых молитв, чтоб снова вышел он
Из рук моих здоровым человеком.
Так поступать велит мне мой обет,
Предписывает орден мой; оставь же
Его со мной и уходи.

АДРИАНА

О нет,
Я не уйду и мужа не оставлю!
Вам, при таком священном сане, быть
Разлученной супругов не пристало.

ИГУМЕНЬЯ

Иди домой, не выдам я его.

(Уходит.)

ЛЮЦИАНА

Пожаловаться герцогу должна ты
На это притеснение.

АДРИАНА

Да, идем.
Я упаду к ногам его, не встану,
Пока мои рыдания и мольбы
Не побудят его сюда явиться,
Чтоб мужа моего извлечь из рук
Игуменьи.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Теперь, я полагаю,
Уж пять часов; так герцог здесь и сам
Сейчас пройдет, конечно направляясь
В печальную долину, место смерти
И казней злополучных, что лежит
Тотчас за рвом аббатства.

АНДЖЕЛО

Для чего же
Туда идет наш герцог?

ВТОРОЙ КУПЕЦ

Будет он
Свидетелем при всенародной казни
Почтенного купца из Сиракуз,
Имевшего несчастье сегодня
Сюда в залив заехать, вопреки
Эфесскому закону и статуе.

АНДЖЕЛО

Вот и они. Пойдем и мы взглянуть
На казнь его.

ЛЮЦИАНА

Пока еще аббатства
Он не прошел, пади к его ногам.

Входят герцог со свитой, Эгеон с обнаженной головой, палач и стража.

ГЕРЦОГ

Провозгласите снова всенародно,
Что, если друг какой-нибудь внесет
Нам за него назначенную сумму,
Он не умрет. Мы от души хотим
Помочь ему.

АДРИАНА

Молю о правосудье,
Светлейший герцог! Я оскорблена
Игуменьей.

ГЕРЦОГ

Игуменья — особа
Почтенная и добрая: никак
Не может быть, чтоб оскорбить решилась
Она тебя.

АДРИАНА

Позвольте, светлый герцог,
Вам все сказать. С супруг мой Антифол,
Которого я сделала владыкой
Самой себя и всех моих богатств,
По вашему мудрейшему совету,
В сегодняшний, столь злополучный день
Охвачен был ужаснейшим припадком
Безумия. С служителем своим,
Таким же сумасшедшим, стал он бегать
В неистовстве по улицам, пугал
Всех жителей, врвался в их жилища.
Брал силою их кольца, вещи — все,
Что нравилось его безумью. Это
Заставило меня связать его
И отослать домой; сама ж пошла я
По городу вознаграждать за вред,
Неистовством большого причиненный.
Вдруг — я сама не понимаю как —
Он убежал от тех, кто был приставлен
Его стеречь, и только что его
С служителем, таким же сумасшедшим,
Мы встретили; в неистовстве они
Накинулись на нас, грозя мечами,
Прогнали нас, но мы, позвав людей,
Опять сюда поспешно возвратились,
Чтоб их связать. Тогда они ушли
Сюда, в аббатство; мы бежать хотели
За ними вслед, но двери заперла
Игуменья и вот теперь не хочет
Ни нас впустить, ни выдать мужа мне,
Чтоб я могла домой с ним возвратиться.
Вели же ей, светлейший герцог мой,
Отдать его; необходимо помощь
Ему подать.

ГЕРЦОГ

В былые времена
В моих войсках твой муж служил усердно,
И я — в тот день, когда ты отдала
Ему свое супружеское ложе —
Я герцогское слово дал тебе,
Что для него все сделаю, чем только
Могу служить. Эй, кто-нибудь! Сейчас
В аббатство постучитесь и просите
Игуменью ко мне. Я не хочу
Уйти, пока не кончу это дело.

Входит слуга.

СЛУГА

Сударыня, спасайтесь поскорей!
Мой господин и раб его на воле;
Служанок всех осыпали они

Побоями, а доктора связали
И принялись жечь бороду его
Горящею лучиной — и чуть только
Огонь ее охватывал, они
Лохани целые помоев лили
На бороду, чтоб загасить огонь.
Теперь его мой барин поучает
Терпению, а между тем слуга
Стрижет его, точь-в-точь как сумасшедших
У нас стригут. И если только вы
Помочь ему сейчас же не пошлете
Кого-нибудь, то колдуна наверняка
Они убьют.

АДРИАНА

Молчи, болван! Твой барин
И раб его — здесь оба; все, что нам
Ты рассказал, все это ложь.

СЛУГА

Нет, жизнью
Я вам клянусь, что правду говорю.
С тех пор как я увидел это — духу
Я не успел перевести. Он вас
Зовет к себе и клятвенно грозит,
Что чуть он вас поймает, все лицо
Изжарит вам и всю обезобразит.

За сценой крики.

Чу, слышите? Вель это он! Скорей,
Сударыня, бегите!

ГЕРЦОГ

Не пугайся,
Стань близ меня. Эй, стража, обнажи
Свои мечи!

АДРИАНА

О горе! Это муж мой!
Я вас зову в свидетели, что он
Является повсюду невидимкой.
Вы видели, как только что вошел
В аббатство он — и вдруг уж очутился
Совсем не там: не может это ум
Никак постичь.

Входят Антифол Эфесский и Дромио Эфесский.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Молю о правосудье!
О государь, даруй мне правый суд!
Заслугами моими в дни былые,
Когда тебя я заслонял собой
В бою с врагом и, жизнь твою спасая,
Глубокие удары получал,
Всей кровью той, что я в то время пролил
Из-за тебя, я заклинаю — дай
Мне правый суд!

ЭГЕОН

Иль я от страха смерти
Сошел с ума, иль вправду предо мной
Стоит мой сын, мой Антифол, и Дромио.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Даруй же мне, о герцог, правый суд!
Та женщина, которую ты видишь
Здесь пред собой, которую ты мне
В супруги дал, меня теперь покрывла
Позорнейшим бесчестьем. Нельзя
Вообразить, как страшно оскорбленье,
Что нанесла бессовестно она
Сегодня мне.

ГЕРЦОГ

Скажи, как поступила
Она с тобой — и будет справедлив
Мой приговор.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Сегодня, светлый герой,
Мой дом она замкнула для меня,
А между тем сама в нем пиновала
С мерзавцами.

ГЕРЦОГ

Большой, тяжелый герц!
Что ж, женщина, ты сознаешься в этом?

АДРИАНА

Нет, государь; сестра моя и я,
И он — втроем обедали сегодня.
Клянусь душой, что ложно все, в чем он
Винит меня.

ЛЮЦИАНА

Пусть вечно не увижу
Я света дня, пусть ночью никогда
Я не усну, когда, светлейший герцог,
Неправду вам она сказала!

АНДЖЕЛО

О,
Как лгут они! О, клятвоступление!

Нет, в этом обвиненье прав вполне,
Помешанный.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Мой государь, я знаю,
Что говорю. Не отуманил я
Себя вином, не повредил рассудка
Неистовством, хотя и мудреца
Свели б с ума такие оскорбленья.
Да, дверь мою она мне заперла,
Когда домой вернулась я к обеду.
Со мною был вот этот ювелир,
И если бы теперь уж не был с нею
Он заодно, конечно б подтвердил
Мои слова. Оттуда он за цепью
Отправился и обещал ее
Принести мне в «Дом Ежа», куда обедать
Пошли мы с Вальтасаром. Между тем
Он не пришел — и я, обед окончив,
Отправился отыскивать его.
На улице, вот с этим господином,
Попался он навстречу мне, и тут
Коварный ювелир мне начал клясться,
Что от него сегодня получил
Я эту цепь, которой, Бог свидетель,
Я и в глаза не видел; и за то
По жалобе его судебный пристав
Арестовал меня. Я покорился
И моего слугу послал домой
За деньгами, но он без них вернулся.
Я вежливо стал пристава просить
Сходить в мой дом со мной — он согласился;
Но на пути мы встретили жену,
Ее сестру и с ними шайку подлых
Сообщников. Веди они с собой
И некоего Пинча, негодяя
Голодного, с изношенным лицом,
Живой скелет, несчастного фигляра,
Гадальщика, живого мертвеца
С потухшими глазами, шарлатана,
Оборвыша, и этот гнусный плут —
Подумайте вы только — заклинанья
Пошел творить, смотрел в мои глаза
И шупал пульс и, мертвенную рожу
В мое лицо уставив, закричал,
Что одержим я бесом. Тут все вместе,
Схватив меня, связали, увели
К моему дому и там в сырой и мрачный
Подвал меня с служителем моим,

Которого они связали тоже,
Упрятали. Но перегрызть успел
Веревки я и, получив свободу,
К вам, государь, немедленно бежал.
И вот теперь молю о правосудном
Возмездии за этот весь позор
Неслыханный, за страшное насилие.

АНДЖЕЛО

Я, государь, могу вам тоже быть
Свидетелем, что дома не обедал
Сегодня он и от своих дверей
Был прогнан.

ГЕРЦОГ

Цепь, однако, он получил
Из рук твоих?

АНДЖЕЛО

Так точно, государь,
И только что, когда сюда в аббатство
Он побегал, на шее у него
Все видели ее.

ВТОРОЙ КУПЕЦ

(*Антифолу*)

Могу поклоняться
Я сверх того, что лично слышал я,
Как сами вы сознались, что он отдал
Вам эту цепь, тогда как прежде вы,
На площади, в противном уверяли.
За это я меч обнажил на вас —
И вот тогда укрылись вы в аббатство,
Откуда вновь, должно быть, чудом к нам
Явились.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Нет, свидетель Бог, в аббатство
Я не входил, мечта ты на меня
Не обнажал, и никогда я цепи
Не получал. Слова все ваши — ложь.

ГЕРЦОГ

Как это все запутанно и странно!
Мне кажется, что вы упились все
Цироченым напитком. Если б точно
Загнали вы его в аббатство — он
И был бы там; а будь он сумасшедший,
Не мог бы защищать себя с таким
Спокойствием души.

(*К Адриане.*)

Вы говорите,
Что дома он обедал — ювелир
Противное доказывает.

(*К Дромио.*)

Что же
Ты скажешь нам?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Обедал он в «Еже»,
Мой государь, вот с нею.

КУРТИЗАНКА

Это правда.
И это вот кольцо он у меня
Сорвал с руки.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Да, герцог, этот перстень
Я взял у ней.

ГЕРЦОГ

Ты видела, как он
Вошел сюда, в аббатство?

КУРТИЗАНКА

Так же верно
Я видела, как вижу вас теперь,
Мой государь.

ГЕРЦОГ

Все это очень странно!
Позвать ко мне игуменью. Вы все,
Мне кажется, иль бредите, иль просто
Сошли с ума.

Один из свиты уходит в аббатство.

ЭГЕОН

Великий государь,
Позволь сказать мне слово! Здесь я друга
Себе нашел, который, может быть,
Спасет мне жизнь уплатою всей суммы,
Назначенной за выкуп.

ГЕРЦОГ

Говори,
Я слушаю: в чем дело, сиракузец?

ЭГЕОН

(Антифолу)

Скажите мне, ведь имя Антифол
Вы носите, а этот вот, не правда ли,
Привязанный слуга ваш Дромио?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Да,
За час назад я был его слугою
Привязанным; но, слава Богу, он
Перекусил веревки на две части —
И вот теперь я Дромио, слуга
Развязанный.

ЭГЕОН

Я убежден, что оба
Вы помните меня.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Смотря на вас,
Мы о себе, напротив, вспоминаем:
Недавно нас связали точно так,
Как вас теперь. Не пациент ли Пинча
И вы, синьор?

ЭГЕОН

(Антифолу)

Зачем вы на меня
Так смотрите, как будто бы чужие?
Ведь знаете меня вы хорошо.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

До этих пор ни разу вас не видел.

ЭГЕОН

О, стало быть, с тех пор, как с вами я
Расстался, скорбь ужасно изменила
Мои черты, и времени рука,
Послушная часам забот тяжелых,
Мое лицо успела исказить!
Но голос мой ты узнаешь, конечно,
Скажи скорей!

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

И голос незнаком.

ЭГЕОН

(Дромио)

А ты?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

И я его совсем не знаю.

ЭГЕОН

Не может быть — я в этом убежден!

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Вот что! А я так убежден, что не знаю; а когда
человек отрицает что-нибудь, вы обязаны ему
верить.

ЭГЕОН

Не узнают и голоса! О время
Суровое! Ужель в семь кратких лет

Ты до того могло мой бедный голос
Разбить, порвать, что даже сын родной
Не узнает его больного звука,
Расстроенного скорбью? Но хотя
Рука зимы, мертвящей соки жизни,
Холодными снегами занесла
Мое лицо увядшее и льдом
Сковала кровь во всех ее каналах, —
Ночь дней моих еще не лишена
Всей памяти; мой факел, погасая,
Еще вокруг бросает слабый свет;
К моим ушам полуоглохшим звуки
Донесятся порой, и эти все
Свидетели седые — ошибиться
Я не могу — мне говорят, что ты
Мое дитя, мой Антифол.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Ни разу
С тех пор, как я на свете, не видал
Я моего отца.

ЭГЕОН

Но, сын мой, вспомни:
Всего семь лет, как в Сиракузах мы
Рассталися. Быть может, ты стыдишься
Меня признать в несчастье?

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Герцог наш
И все мои знакомые в Эфесе —
Свидетели неправды ваших слов.
Я никогда и не был в Сиракузах.

ГЕРЦОГ

Он прав, купец: уж двадцать лет как я
Заботливо слежу за Антифолом,
И никогда за это время он
Не ездил в Сиракузы. Видно, старость
И скорбь твоя свели тебя с ума.
*Входят игуменья, Антифол Сиракузский и Дромио
Сиракузский.*

ИГУМЕНЬЯ

Я привела к тебе, великий герцог,
Несчастливого, терпящего от всех
Гонение.

Все подходят к Антифолу Сиракузскому.

АДРИАНА

Когда же обманули
Меня глаза — я вижу двух мужей.

ГЕРЦОГ

Один из них, наверно, дух другого.
(Указывая на обоих Дромио.)

То самое я нахожу и здесь.
Который же, скажите, настоящий?
Который — дух? Кто это различит?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Я Дромио, государь: вели ему убраться.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Я Дромио, государь: позвольте мне остаться.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Тебя ли я здесь вижу, Эгеон,
Иль призрак твой?

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Ах, господин мой старый!

Кто ж это вас связал?

ИГУМЕНЬЯ

Кто б ни связал,
Я развяжу сейчас — и даст мне мужа
Его освобожденье. Говори,
О Эгеон, коль ты на самом деле

Тот человек, который был супругом
Эмили, тебе родившей разом
Двух сыновей прекрасных. Если ты
Тот Эгеон, то говори скорее —
И говори с Эмилией твоей.

ЭГЕОН

Коль это все не сон, то предо мною
Эмилия; а если ты — она,
То отвечай: где сын мой, что с тобою
Поплыл тогда на мачте роковой?

ИГУМЕНЬЯ

Нас всех троих: его, меня и Дромью,
Призрели в Эпидамне рыбаки;
Но скоро их настигли рыболовы
Коринфские и силою у них
Был взят мой сын и Дромио; меня же
Оставили у эпидамнян. Как
Судьба потом распорядилась с ними —
Не знаю я; что сделалось со мной —
Вы видите.

ГЕРЦОГ

Рассказ, который утром
Мы слышали, становится теперь
Вполне правдив. Два эти Антифола,
Столь схожие между собой, потом
Два Дромио, которых друг от друга
Не отличишь, ее слова о том,
Как на море постигло их крушение...
Да, так, они — родители детей,
Которых свел между собою случай.

(Антифолу Сиракузскому.)

Ты, Антифол, ведь из Коринфа к нам
Приехал?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Нет, из Сиракуз приехал
Я, государь.

ГЕРЦОГ

Постой-ка, отойди
Ты в сторону: мне трудно друг от друга
Вас отличать.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Мой герцог, это я
Приехал из Коринфа...

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Захвативши
Меня с собой.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

И нас привез в Эфес
Принц Менафон, великий полководец
И доблестный ваш дядя.

АДРИАНА

С кем из вас
Сегодня я обедала?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Со мною,
Прекрасная сударыня.

АДРИАНА

Ведь вы
Мой муж?

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

О нет, я с этим не согласен!

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Я тоже нет, хоть мужем назвала
Она меня; а эта вот девица,
Прекрасная сестра ее, со мной,
Как с братом говорила.

(Люциане.)

Я надеюсь,
Что если все, чем слух мой и глаза
Поражены, не сон, то вы на деле
Позволите мне доказать все то,
В чем я тогда вас уверял.

АНДЖЕЛО

Скажите,
Ведь эту цепь вы взяли у меня?

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Да, кажется, не стану отпираться.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

А вы меня схватили за нее?

АНДЖЕЛО

Да, кажется, не стану отпираться.

АДРИАНА

Я с Дромио послала денег вам
Для выкупа; но он вам их не отдал,
Как кажется?

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ

Я денег никаких
Не получал.

АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ

Мешок червонцев ваших
Я получил; и Дромью, мой слуга,
Его принес. Сомнения нет, что каждый
Из вас встречал слугу другого; я
Был за него

(указывая на брата)

повсюду принимаем,
Он за меня — и в этом-то лежит
Причина всех ошибок.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Эти деньги

Я отдаю как выкуп за отца.

ГЕРЦОГ

Не нужно их; без выкупа дарую
Я жизнь ему.

КУРТИЗАНКА

(Антифолу Эфесскому)

Вы мне должны отдать
Мое кольцо.

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ

Возьми его; при этом
От всей души за вкусный твой обед
Благодарю.

ИГУМЕНЬЯ

Прошу вас, славный герцог,
Пожаловать ко мне в аббатство: там
Подробно мы о наших приключеньях
Расскажем вам, и всех, что здесь сошлись,
Пожаловать прошу за нами тоже.
Вас всех страдать заставил этот день
Запутанных ошибок; но, ручаясь,
Вы будете награждены вполне.
О сыновья любезные, ведь вами
Промучилась я с лишком тридцать лет
И лишь теперь могу освободиться
От бремени тяжелого. Теперь
Вы, государь, и ты, мой муж, и дети,
И вы, календари рожденья их,
Пойдем со мной отпраздновать крестины.
О, радостный исход столь долгих мук!

ГЕРЦОГ

От всей души я буду вашим крестным.
Все, кроме двух Антифолов и двух Дромио, уходит.

ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ

Прикажете идти мне на корабль
За вашими пожитками?

АНТИФОЛ ЭФЕССКИЙ
 Моиими?
 Какие же мои пожитки ты
 Снес на корабль?
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Те самые, что были.
 В гостинице «Центавра».
 АНТИФОЛ СИРАКУЗСКИЙ
 Это он
 Мне говорит. Я господин твой, Дромьо.
 Пойдем теперь, а о вещах потом
 Подумаем. Ну, поцелуйся с братом,
 Порадуйтесь свиданью своему.
Оба Антифола уходят.
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 У твоего хозяина на кухне
 Есть толстая красавица; она
 Чуть-чуть меня не испекла сегодня.
 Теперь она уж будет мне сестрой,
 А не женой.

ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Мне все сдается, право,
 Что ты не брат, а зеркало мое,
 И по тебе я вижу, что красавец
 Я хоть куда. Ну что ж, идем смотреть
 На праздник их?
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Вперед идти извольте:
 Вы — старший брат.
 ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Ну это ведь вопрос —
 А как решить его?
 ДРОМИО СИРАКУЗСКИЙ
 Мы кинем жребий
 Соломинкой о нашем старшинстве.
 Покамест же ступай вперед.
 ДРОМИО ЭФЕССКИЙ
 Нет, вот что:
 Мы вместе родились, так следует идти
 Нам в ряд, не обгонять друг друга на пути.
Уходят.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭСКАЛ, герцог Веронский.
ПАРИС, молодой патриций, его родственник.
Главы двух враждующих друг с другом фамилий:
МОНТЕККИ, КАПУЛЕТТИ.
ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ.
РОМЕО, сын Монтекки.
МЕРКУЦИО, родственник герцога, друг Ромео.
БЕНВОЛИО, племянник Монтекки и друг Ромео.
ТИБАЛЬДО, племянник жены Капулетти.
Монахи: ЛОРЕНЦО, ДЖИОВАННИ
БАЛЬТАЗАР, слуга Ромео.
Слуги Капулетти: САМСОН, ГРЕГОРИО
ПЬЕТРО, слуга кормилицы Джульетты.
АБРАМО, слуга Монтекки.
АПТЕКАРЬ.
ТРОЕ МУЗЫКАНТОВ.

ПРОЛОГ Входит хор.

ХОР

Две знатные фамилии, равно
Почтенные, в Вероне обитали,
Но ненависть терзала их давно, —
Всегда они друг с другом враждовали.
До бунта их раздоры довели,
И руки их окрасили кровью;
Но сердца два они произвели,
На зло вражде, пылавшие любовью,
И грустная двух любящих судьба
Старинные раздоры прекратила.
Фамилий тех свирепая борьба,
Влюбленных смерть, любви их страстной
сила, —
Вот то, что мы теперь вам здесь изобразим,
Проясняя у вас на два часа терпенья,
И если что пропустим, то дадим
Мы к действию на сцене объясненья.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. СЦЕНА I

Городская площадь в Вероне.

Входят Самсон и Грегорио, вооруженные мечами и щитами.

САМСОН

Грегорио, я ручаюсь, что мы не позволим плевать нам в лицо!

ГРЕГОРИО

Еще бы! Лицо — не плевальница.

САМСОН

Я хочу сказать, что когда нас рассердят, мы живо выхватим мечи из ножен.

ГРЕГОРИО

А покуда ты жив — не лезь на рожон.

САМСОН

Когда меня выведут из себя, я скор на удары.

ГРЕГОРИО

Да только не скоро тебя можно вывести из себя — для ударов.

САМСОН

Всякая собака из дома Капулетти выводит меня из себя.

ГРЕГОРИО

Выйти — значит двинуться с места, а быть храбрым — значит стоять крепко; поэтому

ХОР.
ОФИЦЕР.
ПАЖ МЕРКУЦИО.
ПАЖ ПАРИСА.
ЖЕНА МОНТЕККИ.
ЖЕНА КАПУЛЕТТИ.
ДЖУЛЬЕТТА, дочь Капулетти.
КОРМИЛИЦА ДЖУЛЬЕТТЫ.
ВЕРОНСКИЕ ГРАЖДАНЕ, РОДСТВЕННИКИ
И РОДСТВЕННИЦЫ ОБЕИХ
ВРАЖДУЮЩИХ ФАМИЛИЙ, МАСКИ,
СТРАЖА и СЛУГИ.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — Верона, одна сцена V действия — Мантуя.

если ты выйдешь из себя, то струсишь и убежишь.

САМСОН

Собака из дома Капулетти заставит меня стоять крепко; я точно в стену упрусь, отбиваясь от каждого мужчины или девки из этого дома.

ГРЕГОРИО

Ну вот и видно, что ты — слабый раб: к стене припирают только слабейших.

САМСОН

Верно; поэтому женщин, как более слабые сосуды, всегда припирают к стене. Я буду отталкивать слуг Монтекки от стены, а служанок прижимать к стене.

ГРЕГОРИО

Но ведь ссорятся-то наши господа, а мы — только их слуги.

САМСОН

Это все равно. Я выкажу себя тираном: поколотив мужчин, не дам пощады и девкам: я сокрушу им головы.

ГРЕГОРИО

Сорвешь головы девкам?

САМСОН

Ну да, или их девственность, — понимай, как хочешь.

ГРЕГОРИО

Понимать должны те, которые почувствуют.

САМСОН

Меня-то они почувствуют; я постою за себя; я, как известно, здоровый кусок мяса.

ГРЕГОРИО

Хорошо, что ты не рыба; будь ты рыбой — ты не годился бы ни к черту. Вынимай свой инструмент: вон идут люди из дома Монтекки.

Входят Абрамо и Балтазар.

САМСОН

Мое оружие обнажено. Начинай ссору, а я буду сзади и тебя поддержу.

ГРЕГОРИО

Да ты убежишь!

САМСОН

Обо мне не беспокойся.

ГРЕГОРИО

Да я не беспокоюсь о тебе, черт возьми! Беспokoиться о тебе!

САМСОН

Пусть закон будет на нашей стороне: пусть начнут они.

ГРЕГОРИО

Я нахмурю брови, когда они будут проходить мимо нас; пусть они принимают это, как хотят.

САМСОН

То есть как смеют. Я закушу на них палец, и будет им срам, если они стерпят это.

АБРАМО

Это вы на нас закусили палец, синьор?

САМСОН

(обращаясь к Грегорио)

На нашей стороне будет закон, если я скажу «да»?

ГРЕГОРИО

Нет.

САМСОН

Нет, синьор, не на вас, я просто закусил палец.

ГРЕГОРИО

Вы хотите затеять ссору, синьор?

АБРАМО

Ссору? Какую ссору? Нет, синьор.

САМСОН

Если желаете, то я к вашим услугам, синьор. Я нахожусь в услужении у господина, который не хуже вашего.

АБРАМО

Да и не лучше.

САМСОН

Хорошо, синьор.

Вдали показывается Бенволио.

ГРЕГОРИО

Признайся, что лучше. Вот идет один из родственников моего господина.

САМСОН

Да, лучше, синьор.

АБРАМО

Ты лжешь.

САМСОН

Вынимайте мечи, если вы мужчины. Грегорио, вспомни свой знаменитый удар.

(Дерутся.)

Входит Бенволио.

БЕНВОЛИО

Прочь, глупцы! Вложите свои мечи в ножны; вы сами не знаете, что делаете.

(Выбивает мечи у них из рук.)

Входит Тибальдо.

ТИБАЛЬДО

С мечом в руке, средь этих слуг негодных!

Поворотись, Бенволио, взгляни

На смерть свою.

БЕНВОЛИО

Я водворяю мир,

Не более. Вложи свой меч в ножны. Иль помоги разнять мне эту сволочь.

ТИБАЛЬДО

Ты вынул меч — и говоришь о мире!

Я ненавижу это слово так же,

Как ад, как всех Монтекки и тебя.

Трус, защищайся!

(Дерутся.)

Входят разные приверженцы обеих фамилий, затем сбегаются граждане с палками и бердышами.

1-Й ГРАЖДАНИН

Эй! алебард, дубин и бердышей!

Бей их! Долой Монтекки, Капулетти!

Входят Капулетти (в илафроке) и его жена.

КАПУЛЕТТИ

Что тут за шум? Подайте длинный меч мой!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Костыль, костыль! Зачем тебе твой меч?

КАПУЛЕТТИ

Меч, говорю! Идет старик Монтекки,

Своим клинком размахивает он,

С угрозой мне.

Входят Монтекки и его жена.

МОНТЕККИ

Негодный Капулетти!

(Жене.)

Пусти меня!

СИНЬОРА МОНТЕККИ

Не ступишь ты ни шагу;

Не допущу, чтоб лез ты на врага.

Входит герцог со свитой.

ГЕРЦОГ

Мятежники, спокойствия враги,

Свои мечи позорящие кровью

Сограждан! Эй! — не слышат?.. Люди, звери,

Гасящие огонь своей вражды

Губительной пурпурными струями

Из жил своих! Под страхом пытки, бросьте

Оружье из окровавленных рук

И слушайте разгневанного князя.

Три раза уж междоусобной распрей,

Из пустяков, ты, старый Капулетти,

И ты, Монтекки, нарушали мир

На улицах Вероны, заставляя

Ее граждан, степенный сняв наряд,

За бердыши старинные схватиться,

Чтоб во вражде закоренелой вашей

Участие принять, когда вы снова

Осмелитесь нарушить тишину

На улицах, то жизнью своею

Ответите за возмущенный мир.

На этот раз все остальные пусть

Уходят прочь; ты, старый Капулетти,

Иди со мной, а ты, Монтекки, в наше

Судилище явись к нам, пополудни,

Чтоб выслушать дальнейший наш приказ.

Все — прочь отсель, под страхом смертной

казни!

Герцог, его свита, Капулетти с женой, граждане и слуги уходят.

МОНТЕККИ

Кто поднял вновь старинную вражду?

Ты был ли здесь, когда возникла ссора?

БЕНВОЛИО

Нет; вашего врага и ваши слуги

Уж собрались, когда я подошел;

Я их хотел разнять, но в тот момент

Запальчивый Тибальдо появился,

С мечом в руке; он оскорблял меня,

Над головой своей мечом махая

По воздуху, который лишь свистел

В ответ ему, как будто бы с презрением.

Меж тем как мы обменивались с ним

Ударами; все более стекалось

Народа с двух враждующих сторон,

Чтобы принять участие в общей свалке,

Покуда их не разнял герцог наш.

СИНЬОРА МОНТЕККИ

Не видел ли сегодня ты Ромео?

Как рада я, что не было его
При этой драке! Где же он?
БЕНВОЛИО

Синьора,
За час пред тем, как в золотом окне
Востока лик свой солнце показало,
Взволнованный, я вышел пробродить
И в фиговой той роше, что на запад
От города лежит, я увидел
В столь ранний час бродившего Ромео.
Направился к нему я, но, меня
Заметивши, он скрылся в чаше леса.
Я понял, по себе судя, что он
Находится в том состояньи духа,
В котором мы желаем тем сильней
Уйти от всех, чем более нас ищут;
И, занятый самим собой, не стал
Мешать ему, своим отдавшись думам.
Я рад был сам избегнуть встречи с тем,
Кто от меня бежал, желая скрыться.

МОНТЕККИ
Уж много раз его видали в роше,
В часы утра; холодную росу
Слезами там усиливал Ромео
И новых туч он к тучам прибавлял
Туманами своих глубоких вздохов.
Но только лишь востока дальний край
Осветится всерадующим солнцем,
Едва оно тенистые покровы
Приподнимать начнет с одра Авроры,
Мой грустный сын спешит уйти домой, —
И в комнате своей один запрется;
Он свет дневной оттуда гонит вон,
Все окна там он плотно закрывает
И создает искусственную ночь.
До мрачного отчаянья Ромео
Уныние такое доведет,
Коль кто его советом не спасет,
Не устранил его тоски причину.

БЕНВОЛИО
Вы знаете ее, мой милый дядя?
МОНТЕККИ
Не знаю и узнать я не могу
От самого Ромео.

БЕНВОЛИО
Вы пытались
Настойчиво расспрашивать его?
МОНТЕККИ
Расспрашивал и сам, и чрез друзей,
Но в чувствах здесь он сам себе советник;
Хороший ли — не стану говорить,
Но только он так скрытен, недоступен,
Как почка, где сидит уже червяк,
Когда она еще не развернула
На воздухе прекрасных лепестков
И красоты не посвятила солнцу.
Когда бы нам узнать лишь — отчего
Тоскует он, спасли бы мы его.

В отдалении показывается Ромео.

БЕНВОЛИО
А, вот он сам. Уйдите; — постараюсь
Узнать его печаль, но не ручаюсь.

МОНТЕККИ
О если б ты добился — чем она
В нем вызвана! Идем, идем, жена.
Монтекки и жена его уходят.

БЕНВОЛИО
Кузен мой, с добрым утром!
РОМЕО

Разве рано?

БЕНВОЛИО
Лишь девять.
РОМЕО
Ах, печальные часы
Так тянутся! То не отец ли мой
Поспешно так отсюда удалился?
БЕНВОЛИО
Да, то был он. Что за печаль так длит
Твои часы?

РОМЕО
Отсутствие того,
Что придает им быстрое течение.
БЕНВОЛИО
Влюблен?

РОМЕО
Не то...
БЕНВОЛИО
Лишен любви?
РОМЕО
Лишен

Взаимности.
БЕНВОЛИО
Подобная любовь,
Прекрасная по виду, быть должна
Так тяжела, мучительна на деле.

РОМЕО
Увы, любовь, хотя она слепа,
Без глаз найдет, какими ей путями
Дойти до нас и властвовать над нами.
Где будем мы обедать? — Горе мне!
Что тут была за драка? Впрочем, нет,
Не говори: я слышал все; с враждою
Сопряжено так много здесь тревог,
Но больше их с любовью... О, любовь
Жестокая! О любящая злоба!
Из ничего создавшееся нечто!
О грустное веселье, суета
Серьезная, бесформенный хаос
Красивых форм, свиноего перо,
Блестящий дым, морозящее пламя,
Болящее здоровье, сон неснящий,
Которого и сном нельзя назвать!
Таковую вот я чувствую любовь,
Не чувствуя в такой любви отрады.
Ты не смеешься?

БЕНВОЛИО
Нет, скорее плачу.
РОМЕО
О чем же это, добрая душа?

БЕНВОЛИО
О горести, твою гнетущей душу.
РОМЕО
Причина этой горести — любовь.
Мне тяжело от собственных печалей,
И хочешь ты свою прибавить к ним,
Избыток их усилить состраданьем.
Любовь есть дым, поднявшийся от вздохов;
Она — огонь, сверкающий в глазах
Любовников; в тревоге, это — море,
Которое питают слезы их.
Что далее? То — хитрое безумье,
Желчь горькая, которая нас душит,
И сладость, что поддерживает нас.
Прощай.

БЕНВОЛИО
Постой, и я пойду с тобою, —
Обидно мне, когда ты так уйдешь.
РОМЕО
Я потерял себя, я не Ромео,
Его здесь нет, он где-нибудь...

БЕНВОЛИО

Скажи
 Seriously мне: кто та, кого ты любишь?

РОМЕО

Потребуй-ка, чтоб человек большой,
 В страданиях, составив завещание:
 Как слово то большого поразит!
 Но, мой кузен, скажу тебе серьезно:
 Я женщину люблю.

БЕНВОЛИО

Своей догадкой
 Я в цель попал.

РОМЕО

О, ты стрелок искусный! —
 Прекрасна та, кого я так люблю.

БЕНВОЛИО

Чем лучше цель — попасть в нее тем легче.

РОМЕО

Ну, тут, кузен, ты промах дал: в нее
 Нельзя попасть стрелою Купидона, —
 Дианы ум ей дан, невинность в ней
 Защищена броней несокрушимой,
 Ей детский лук любви не повредит.
 Она к речам любовным равнодушна,
 Нахальных глаз не может выносить,
 Порой святых, ее не соблазнить.
 О, красотой она богата, — вместе
 Бедна она — тем, что когда умрет,
 Богатство то напрасно пропадает.

БЕНВОЛИО

Иль поклялась она остаться в девстве?

РОМЕО

Да; и к большой потере поведет
 Бесплодное такое воздержание:
 Ведь целое потомство в ней умрет,
 Заранее лишась существованья.
 Она чиста, прекрасна и умна, —
 Но для того ль все эти совершенства,
 Чтоб, ввергнувши в отчаяние меня,
 Тем в небесах ей заслужить блаженство?
 Безбрачия обет она дала;
 Я умершвлен суровым тем обетом,
 Хотя живу и говорю об этом.

БЕНВОЛИО

Послушай, друг, забудь о ней и думать.

РОМЕО

О, научи, как это сделать мне!

БЕНВОЛИО

Глазам дай волю, на других красавиц
 Вниманье обрати.

РОМЕО

Вот средство — чаще
 О красоте ее мне вспоминать!

Так маски, что лица прекрасных женщин
 Касаются, наводят нас на мысль
 О красоте, таящейся под ними.
 Тот, кто ослеп, не может познать
 Сокровища утраченного зренья.
 О, покажи красавицу ты мне —
 Из ряда вон — и красота ее
 Послужит мне лишь памятною книжкой,
 Где буду я читать черты другой,
 Что красотой ее так превосходит.
 Прощай; меня не можешь научить
 Забвенью ты.

БЕНВОЛИО

Я научу, иль буду
 До гроба я в долгу перед тобой.
Уходят.

СЦЕНА II

Улица.

Входят Капулетти, Парис и слуга.

КАПУЛЕТТИ

Такой же штраф наложен на Монтекки,
 Как на меня; и нам, двум старикам,
 Я думаю, не трудно бы жить в мире.

ПАРИС

Обоих вас глубоко уважают,
 И очень жаль, что длится ваш раздор.
 Но что же вы на сватовство мое
 Мне скажете?

КАПУЛЕТТИ

То, что сказал уж прежде:
 Что дочь моя едва вступила в свет,
 Ей нет еще четырнадцати лет;
 Когда краса еще двух лет увянет —
 Для ней пора невестой быть настанет.

ПАРИС

Есть матери моложе, чем она.

КАПУЛЕТТИ

За то они и блекнут слишком рано.
 Я все мои надежды схоронил,
 Она — одна моя надежда в мире.
 Но, милый мой Парис, понравьтесь ей,
 Ее любви добиться постарайтесь:
 Согласие мое заключено
 В согласии и выборе Джульетты.
 Сегодня пир вечерний я даю,
 По старому обычаю семейства,
 И множество гостей я пригласил
 Из тех, кого люблю я; в том числе
 Вы будете моим желанным гостем.
 И я вас жду; придите в эту ночь
 В мой скромный дом, чтоб на земные звезды
 Там посмотреть, которых яркий блеск
 Сиянье звезд небесных затмевает.
 Вас у меня то наслаждение ждет,
 Что юноши так чувствуют весной,
 Когда она, цветущая, идет
 За скучною медлительной зимою.
 Там в цветнике из почек молодых
 Вы видом их прекрасным насладитесь;
 Прислушайтесь ко всем и присмотритесь —
 И выберите лучшую из них.
 И дочь моя там будет меж другими
 Для счета лишь: она — ничто пред ними.
 Пойдемте, граф;

(слуге)

а ты скорей ступай

По городу; ищи и приглашай
 Всех, кто вот здесь записан в списке этом;
(Отдавая записку.)

Скажи, что жду их с лаской и приветом.

Капулетти и Парис уходят.

СЛУГА

Отыскать тех, чьи имена здесь записаны?
 А тут написано, чтобы башмачник принимался
 за аршин, а портной за шило; чтобы рыбак
 орудовал кистью, а живописец — неводом.
 Меня послали найти тех, чьи имена здесь за-
 писаны; но мне не отыскать — кто же именно
 записан тут. Я должен обратиться к ученым
 людям. А, вот они, кстати!

Входят Ромео и Бенволио.

БЕНВОЛИО

Один огонь теряется в другом,
 Стрдание страданьем уменьшится;
 Коль голова твоя идет кругом,
 Заставь ее обратно закружиться;

Одна печаль другою исцелится:
Пусть новый яд в глаза твои войдет —
И прежняя зараза пропадет.

РОМЕО

Пользителин тут подорожник твой.
БЕНВОЛИО

Где? для чего?

РОМЕО

Для поврежденной кости

Твоей ноги.

БЕНВОЛИО

Да ты сошел с ума?

РОМЕО

Нет, не сошел, а хуже чем сошел:
Я заключен в тюрьму, лишен я пищи,
Истерзан я, измучен.

(Подходящему слуге.)

Здравствуй, милый.

СЛУГА

Здравствуйте, синьор. Скажите, пожалуйста,
вы читать умеете?

РОМЕО

Мою судьбу в несчастии моем.

СЛУГА

Вы могли выучиться этому без книг, а я спрашиваю — умеете ли вы читать то, что написано.

РОМЕО

Да, если знаю буквы и язык.

СЛУГА

Вы отвечаете честно. Счастливо оставаться.

(Хочет уйти.)

РОМЕО

Постой, любезный, я читать умею.

(Читает.)

«Синьор Мартино с женою и дочерьми; граф Ансельмо и его прекрасные сестры; вдова синьора Витрувио; синьор Плаченцио и его милые племянницы; Меркуцио и его брат Валентин; мой дядя Капулетти, его жена и дочери; моя прекрасная Розалина; Ливия; синьор Валенцио и его кузен Тибальдо; Лючио и веселая Елена». Прекрасное общество. А куда оно приглашено?

СЛУГА

Наверх.

РОМЕО

Куда?

СЛУГА

На ужин, в наш дом.

РОМЕО

В чей это?

СЛУГА

В дом моего господина.

РОМЕО

Мне следовало бы спросить прежде всего, кто твой господин.

СЛУГА

Я отвечу вам и без вопроса. Мой господин — знатный и богатый Капулетти; и если вы не принадлежите к фамилии Монтеки, то я прошу вас, приходите осушить стаканчик вина. Счастливо оставаться.

Уходит.

БЕНВОЛИО

На вечере у Капулетти буди
И Розалина милая твоя,

И первые красавицы Вероны:
Иди туда и беспристрастным взором
Сравни ее с другими, на кого
Я укажу, и белый лебедь твой
Окажется вороною простой.

РОМЕО

Коль ересью подобной заразятся
Мои глаза, то пусть они умрут;
Пускай в огонь их слезы превратятся,
Еретиков, отступников сожгут!
Чтобы была красавица другая
Прекраснее возлюбленной моей?
Нет, — солнце, все на свете созерцав,
Не видело другой, подобной ей.

БЕНВОЛИО

Ты не видал еще других с ней рядом,
Она одна твоим владела взглядом;
На чашечках кристалльных глаз твоих
Взвесь вид ее с наружностью других —
И красоты найдешь ты очень мало
В той, что твой взор доньше чаровала.

РОМЕО

Пойду туда, но только не за тем,
Чтоб на других красавиц любоваться:
Я буду там своею восторгаться.

СЦЕНА III

Комната в доме Капулетти.

Входят синьора Капулетти и кормилица.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Кормилица, где дочь моя? Зови
Ее ко мне.

КОРМИЛИЦА

Невинностью моей в двенадцать лет

Клянусь, что я уже звала ее.
Ягненок, порхающая птичка!
О, Господи, да где ж она? — Джульетта!

Входит Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Что там еще? кто кличет?

КОРМИЛИЦА

Ваша мать.

ДЖУЛЬЕТТА

Я здесь. Что вам угодно?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Вот в чем дело...

Кормилица, оставь нас; нужно нам
Поговорить наедине. — Постой, вернись.
Я вспомнила, что следует тебе
Присутствовать при нашем разговоре.
Ты знаешь, что Джульетта подросла...

КОРМИЛИЦА

Ее года час в час я сосчитаю.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Ей нет еще четырнадцати лет.

КОРМИЛИЦА

Да, это верно. Я отдать готова
Четырнадцать зубов моих, что так.
(Четырнадцать тут только для прикрасы,
Их у меня всего четыре). Сколько
Осталось до Петрова дня?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Еще

Две с небольшим недели остается.

КОРМИЛИЦА

Ну, равно две, иль с небольшим, а только
Четырнадцать исполнится ей лет
В канун Петрова дня; моей Сусанне

Ровесница она, — да упокоит
 Все души христианские Господь!
 Сусанна с Ним; была я недостойна
 Иметь ее. Так вот, — я говорю,
 Что в ночь перед Петровым днем Джульетте
 Исполнится четырнадцать как раз.
 Да, именно, я твердо это помню.
 Теперь прошло одиннадцать годов
 Со времени землетрясения; мы
 Тогда ее от груди отмыкали.
 Век не забыть мне дня того; из всех
 Он дней в году мне памятным остался.
 Польнонью я намазала соски —
 И села с ней у стенки голубятни,
 На солнышке. Вас не было в тот день:
 Вы в Мантию уехали с супругом.
 (Как хороша-то память у меня!)
 Когда дитя попробовало груди,
 С польнонью, и почувствовало горечь, —
 Бедняжечка, как сморщилась она!
 Грудь бросила, и в этот самый миг
 Вдруг зашаталась наша голубятня.
 Я — прочь скорей, — давай Бог только ноги!
 С тех пор прошло одиннадцать годов —
 Она тогда стоять уже умела.
 Нет, что я! и ходить могла, и бегать,
 Цепляясь за что-нибудь. Она
 Себе ушибла лобик накануне
 Того же дня; а муж мой — весельчак
 Покойник был — взял на руки ребенка
 И говорит: «ты личиком упала,
 А вот, когда ты будешь поумней,
 То будешь падать навзничь. — Так ли, детка?»
 И дурочка, боюсь вам, перестала
 Тотчас же плакать и сказала: «Да».
 Вот видите, как шутка помогает.
 Хоть прожила б я тысячу годов,
 Я этого б до гроба не забыла.
 «Не так ли, детка?» — он спросил; малютка
 Сдержала слезы и сказала: «Да».

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Довольно уж об этом, перестань,
 Пожалуйста.

КОРМИЛИЦА

Перестаю, синьора.
 Но не могу от смеха удержаться,
 Лишь вспомню — как, оставивши свой плач,
 Она сказала: «Да», а ведь у ней
 Большущая на лбу вскочила шишка —
 Она ушиблась больно и навзрыд
 Заплакала. Он говорит ей: «Личиком упала,
 Сегодня ты, — когда же подрастешь,
 То будешь падать навзничь. Так ли, детка?»
 Она сдержалась и сказала: «Да».

ДЖУЛЬЕТТА

Сдержись и ты, прошу тебя.

КОРМИЛИЦА

Ну, ладно.

Не буду больше. Бог тебя храни!
 Из тех детей, которых я кормила,
 Ты у меня была красивой всех.
 Ах, если б мне твоей дождался свадьбы.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Об этом вот предмете и хочу я
 Поговорить. Джульетта, дочь, скажи мне,
 Желает ли ты выйти замуж?

ДЖУЛЬЕТТА

Мне

Не грезится об этой чести.

КОРМИЛИЦА

Чести!

Когда б не я кормилицей твоей
 Единственной была, тогда б сказала,
 Что разум ты всосала с молоком.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Так о замужестве теперь подумай.
 В Вероне есть почтенные синьоры,
 Уж матери, которые моложе
 Тебя, Джульетта; да и я сама
 Давно была уж матерью в те лета,
 В какие ты в девицах остаешься.
 Вот дело в чем: граф молодой Парис
 Твоей руки желает.

КОРМИЛИЦА

Ах, Джульетта,

Вот человек! Такой-то человек,
 Что равного нельзя найти на свете!
 Картинка, боюсь!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

В веронских цветниках

Цветка такого летом не бывает.

КОРМИЛИЦА

Да, истинно цветок, как есть цветок!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Что ж скажешь мне, Джульетта? Можешь ли
 Ты полюбить его? У нас сегодня
 На вечере увидишь ты Париса.
 Внимательно прочти тогда всю книгу
 Его лица, всмотришься в его черты,
 Что написаны рукою красоты,
 И примечай — как все они согласны
 Одна с другой; а если в чем неясны
 Покажутся, его глаза прочтешь —
 Тогда ты все неясное поймешь.
 Для полноты той книги драгоценной,
 Не связанной, обложка ей нужна
 Так точно, как для рыбы глубина,
 И красота наружная должна
 Дать вид красе, от взоров сокровенной.
 Для большинства становится ценней
 Вся книга от богатства переплета;
 Достоинства тут разделяют с ней,
 В глазах толпы, застежки, позолота;
 Так точно все, чем обладает граф,
 Разделишь ты, в союзе с ним, нимало
 Не потеряв того, чем обладала.

КОРМИЛИЦА

Не потеряв! Прибыток тут один —
 Ведь женщины толстеют от мужчин.
 СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Ну, говори, Джульетта, поскорей,
 Как, нравится тебе любовь Париса?

ДЖУЛЬЕТТА

Я рассмотрю его, чтоб полюбить,
 Когда любовь тем можно возбудить,
 Причем, смотреть позволю я глазам,
 Насколько лишь угодно это вам.

Входит слуга.

СЛУГА

Синьора, гости собрались, стол для ужина на-
 крыт, вас ждут, спрашивают синьорину, кор-
 милицу проклинают в буфетной. Суматоха
 страшная, я должен идти прислуживать. Ради
 бога, идите скорее.

Уходит.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Сейчас идем. — Джульетта, граф уж там!

КОРМИЛИЦА

Иди, мой свет, к твоим счастливым дням,
Ночей тебе счастливые я желаю.

Уходят.

СЦЕНА IV

Улица.

*Входят Ромео, Меркуцио, Бенволио, несколько ма-
сок и слуг с факелами.*

РОМЕО

Сказать ли нам при входе чтонибудь,
Иль просто так войти, без предисловий?

БЕНВОЛИО

Они теперь не в моде; Купидон,
С повязкой на глазах, с татарским луком
Раскрашенным, пред нами не идет,
Пугая дам, как пугало воронье.
Не нужно никаких прологов нам
С запинками, подсказанных суфлером.
Пусть нас они считают, чем хотят;
Мы только в такт пройдем их заставим
Да и уйдем отсюда.

РОМЕО

Дайте факел —
Не до прыжков теперь мне; на душе
Так тяжело; нести я факел буду.

МЕРКУЦИО

Нет, милый мой, ты должен танцевать.

РОМЕО

Я не могу: вы в балльных башмаках,
На тоненьких подошвах; у меня же
Тоска лежит на сердце, как свинец;
Она меня приковывает к полу,
Я двинуться не в силах.

МЕРКУЦИО

Ты влюблен —

Ну так займи ты крылья у Амура
И воспарь высоко над землей.

РОМЕО

Его стрелой я ранен слишком тяжко,
Чтобы парить на этих легких крыльях.
Ошепенев от горя, не могу
Подняться я над цепенящим горем,
И падаю под бременем его.

МЕРКУЦИО

Упавши с этим бременем, ты сам
Обременишь любовь: она нежна,
Не вынесет подобного давления.

РОМЕО

Любовь нежна? Нет, чересчур сурова,
Груба, буина и колетя, как терн.

МЕРКУЦИО

Когда любовь с тобою так сурова,
То сам ты будь с любовью суров;
Коли ее, когда она колокола,
И с ног собьешь, и победишь любовь.
Давайте-ка футляр мне на лицо,
(надевает маску.)

На маску — маску. Вот так образина!
Пусть надо мной смеются, — мне-то что?
Пусть за меня краснеет этой хари
Нависший лоб.

БЕНВОЛИО

Ну, что же? Постучимся,

Да и войдем.

РОМЕО

Подайте факел мне.

Пусть шуаны в веселом, легким сердцем
Ногой тростник бездушный шевелят,

А я, держась пословицы старинной,
Светить вам буду и смотреть: забава
Веселая, а я — совсем пропал.

МЕРКУЦИО

Когда попал ты в тину, то тебя
Мы вытащим из этого болота,
Из этой, с позволения сказать,
Любви, где ты увяз по горло. Ну же,
Мы ходим днем с огнем.

РОМЕО

Ты вздор городишь.

МЕРКУЦИО

Я говорю, что понапрасну жжем
Мы факелы свои, как лампы днем,
Не двигаясь вперед; пойми, Ромео,
Намерение доброе у нас,
А в этом смысле более в пять раз,
Чем в наших всех способностях душевных.

РОМЕО

С намерением добрым мы идем
На маскарад, — но нет в том вовсе смысла.

МЕРКУЦИО

А почему? позволено спрошено?

РОМЕО

В ночь прошлую мне снился сон.

МЕРКУЦИО

Мне — тоже.

РОМЕО

Что ж видел ты во сне?

МЕРКУЦИО

Что очень часто

Сновидцы лгут.

РОМЕО

Но истины им снятся.

МЕРКУЦИО

О, вижу я, что у тебя была
Царица Маб, волшебниц повитуха.
Она совсем малютка: вся она
Не более агатового камня
У старших на пальце; разьежжает
На атомах, запряженных гуськом,
В своем возке воздушном, по носам
Людей, что спят. В его колесах спицы
Устроены из пауковых ног,
Из крылышек кузнечиков — покрывка,
Из паутинок тоненьких — постромки,
Из лунного сиянья — хомуты,
Хлыст — из сверчковой косточки для ручки
И пленочки тончайшей для бича.
Ее возница — крошечный комар
В кафтане сером; он гораздо меньше
Тех червячков, что ползают порой
По пальчику ленивому девицы.
Ее возок — пустой лесной орех;
Устроен он искусницею-белкой
Иль червяком, которые для феи
Работали издревле колесницы.
В таком-то вот параде, по ночам,
Царица Маб в мозгу влюбленных мчится, —
Любовные тогда им снятся сны;
Иль скачет по коленям царедворцев —
И грезится им низкие поклоны;
Иль у судьбы по пальцам — и ему
Приснятся взятки; иль по губкам дам —
И грезятся тогда им поцелуи;
(Но эти губки часто злая Маб
Прыщами покрывает за пристрастие
Их к лакомствам); иль по носу вельможи

Проедет — и во сне он чует запах
 Благоволения нового к нему;
 А иногда заденет нос попа,
 Шетинкой от хвоста свиньи — и тотчас
 Другой приход пригрезится ему;
 Порой она проедется по шею
 У спящего солдата — и во сне
 Он видит битвы, приступы, засады,
 Испанские клинки, пиры и кубки
 В пять футов глубиной; затем опять
 Почудится ему гром барабанов, —
 Он вздрогнет и с проклятием проснется
 В испуге, и, молитву прочитав,
 Опять заснет. Она же, эта Маб,
 В ночную пору гривы заплетает
 У лошадей и в грязные комки
 Их волосы сбивает; если ж их
 Распутать, то беда грозит большая.
 Она же, ведьма, давит тех девиц,
 Что навзничь спят, заране приучая
 Их к тяжести, и делает из них
 Хороших жен.

РОМЕО

Да замолчишь ли ты,
 Меркуцио? Ведь говоришь ты вздор.

МЕРКУЦИО

Да, верно: я о грезах говорю,
 Исчадиях незанятого мозга,
 Из ничего зачавшихся в пустой
 Фантазии. Она эфира тоньше;
 Изменчивей, чем ветер, что сперва
 Холодную грудь севера ласкает,
 И вдруг затем, разгневанней, летит
 Оттуда прочь, поворотив лицо
 К странам росой увлажненного юга.

БЕНВОЛИО

И ветер тот сбивает с толку нас.
 Чего мы ждем? Там, верно, кончен ужин.
 И слишком поздно мы придем.

РОМЕО

А я

Боюсь, что слишком рано; душу мне
 Какое-то предчувствие тревожит.
 Мне кажется, что надо мной висит
 В созвездиях какая-то угроза,
 Что этот пир лишь горькое начало
 Моей судьбы, и кончится она
 Безвременной, насильственной смертью.
 Но пусть моей ладью правит Тот,
 Кто держит руль ее в Своей деснице.
 Вперед, синьоры.

БЕНВОЛИО

Бейте в барабан.

СЦЕНА V

*Зала в доме Капулетти.
 На сцене музыканты. Входят слуги.*

1-й СЛУГА

Где Потпан? Почему он не помогает убирать?
 Ведь его дело переменять тарелки и вытирать
 столы!

2-й СЛУГА

Когда вся чистая работа лежит на руках толь-
 ко одного или двух человек и эти руки не
 умыты, выходит только грязь одна.

1-й СЛУГА

Прочь эти складные стулья, отодвиньте этот
 буфет, да присматривайте за посудой. — По-
 жалуйста, побереги мне кусочек марципана,

да будь другом: вели привратнику пропустить
 сюда Сусанну и Ленору. — Антон! Потпан!

3-й и 4-й СЛУГИ

Здесь! Сейчас!

1-й СЛУГА

Вас ищут, зовут, ждут, требуют в зале!

3-й СЛУГА

Мы не можем быть и тут и там в одно время.
 Живо, ребята, пошевеливайтесь. Кто дольше
 проживет, тот все заберет.
*Входят Капулетти, его дядя, синьора Капулетти,
 Джульетта, кормилица, гости и Ромео, с масками.*

КАПУЛЕТТИ

Пожалуйте, привет вам, господа.
 Все дамы, у которых на ногах
 Мозолей нет, попляшут с вами. Ну,
 Сударыни! посмотрим — кто из вас
 Откажется от танцев; если станет
 Жеманиться которая-нибудь,
 То поклянусь, что есть у ней мозоли.
 Не правда ли, я ловко вас подел?

(К Ромео и маскам.)

Привет мой вам, синьоры! —

Было время,
 Когда и я красавицам в ушко
 Нашептывал пленительные речи,
 Под маскою. Оно уже прошло,
 Прошло, прошло...

Я рад вам, господа.

Ну, музыканты, начинать! — прошу
 Раздвинуться; девицы, танцевать!

Музыка. Гости танцуют.

(Слугам.)

Эй вы, болваны, света больше! прочь
 Столы! Огонь в камине погасить!
 И без него тут стало слишком жарко.
 Вот подлинно, что кстаи подошла
 Нежданная забава.

(Дяде.)

Нет, сиди,
 Сиди, мой добрый дядя; время танцев
 Прошло для нас с тобою. Как давно
 В последний раз мы надевали маски?

дядя КАПУЛЕТТИ

Наверное, лет тридцать.

КАПУЛЕТТИ

Что ты, полно!
 Не может быть, чтоб так давно; со свадьбы
 Люченцио прошло лет двадцать пять,
 Не более, когда б ни приходился
 День Троицы. В последний раз тогда
 Мы были в масках.

дядя КАПУЛЕТТИ

Больше; сын его

Гораздо старше: тридцать лет ему.

КАПУЛЕТТИ

Толкуй! ведь, сын назад тому два года
 Еще имел опекуна.

РОМЕО

(слуге)

Что эта дама,
 Что подала тому мужчине руку?

СЛУГА

Не знаю, синьор.

РОМЕО

Светильники померкли перед нею;
 Как на серье нубиянки алмаз,
 Она во тьме блестит красой своею,
 Бесценною, доступной лишь для глаз,

Не созданных для обладанья ею.
 Красавица толпой окружена:
 Как белая голубка там она,
 Когда вокруг вороны соберутся.
 Пусть лишь она окончит танец свой —
 Я подойду, чтоб грубою рукой
 Ее руки божественной коснуться.
 Любил ли я когда до этих пор?
 О, отрекись от этого, мой взор!
 Ведь истинных красавиц эти очи
 Не видели до настоящей ночи.

ТИБАЛЬДО
(прислушиваясь)

По голосу, Монтекки это. — Мальчик!
 Подай мой меч! Как! Негодяй дерзнул
 Войти сюда, под шутовскою маской,
 Чтоб над семейным нашим празднеством
 Нахально так и нагло издеваться!
 Клянуся честью рода моего,
 Я не сочту грехом — убить его!

КАПУЛЕТТИ

Из-за чего бушуешь ты, племянник?
 В чем дело?

ТИБАЛЬДО
 Дядя, это вот — Монтекки,

Наш враг, подлец, забравший сюда,
 Чтобы над нашим праздником глумиться.

КАПУЛЕТТИ

Ромео — этот юноша?

ТИБАЛЬДО
 Да, он,

Он, негодяй Ромео.

КАПУЛЕТТИ

Успокойся,

Оставь его, не задевай; ведь, он
 Ведет себя, как должно дворянину;
 И, говоря по правде, вся Верона
 Гордится им, как юношею честным
 И хорошо воспитанным, — и я
 За все богатства города Вероны
 Не допущу, чтоб в доме у меня
 Нанесена ему была обида.
 Итак, сдержись, не замечай его:
 Я так хочу. Когда ты уважаешь
 Желания мои, то вид веселый
 Прими, не хмурься, — это неуместно
 На празднике.

ТИБАЛЬДО

Как раз уместно, если,
 В числе гостей, забрался негодяй,
 И выносить его я не желаю.

КАПУЛЕТТИ

Перенесешь! Заносчивый мальчишка!
 Я говорю, перенесешь. — Ступай,
 Кто здесь хозяин: я или ты? ступай!
 Переносить его ты не желаешь!
 О, Господи! Переполох ты хочешь
 Произвести среди моих гостей?
 Затеять шум? Довольно, будь мужчиной.

ТИБАЛЬДО

Но, дядя, это стыд.

КАПУЛЕТТИ

Ступай, ступай

Ты — дерзкий мальчик. Стыдно? в самом
 деле?

Не доведет задор твой до добра.
 Перечить мне! Как раз нашел ты время.

(Обращаясь к гостям.)

Отлично вы сказали.

(к Тибальдо)

Ну, ступай,

Молокосос, да не шуми, иначе...

(Слугам.)

Прибавьте свеч!

(к Тибальдо)

Ну как тебе не стыдно!

Я усмирю тебя!

(гостям)

Ну, веселее,

Мои друзья!

ТИБАЛЬДО

Невольное терпение

И вольный гнев приходят в столкновенье,
 И тело все мое от них дрожит.

Приветливый принять я должен вид —

И с наглостью на время примириться;

Но в желчь мое терпение превратится!

РОМЕО

(Джульетте)

Когда моей рукою недостойной

Я мог твою святыню оскорбить,

Позволь губам моим, двум пилигримам,

Мой сладкий грех лобзаньем искупить.

ДЖУЛЬЕТТА

Но, пилигрим, невелика вина

Твоей руки: в ней набожность видна;

Паломникам позволено руками

С молитвою касаться рук святых,

И жмут они друг другу руку сами,

Пожатие руки — лобзанье их.

РОМЕО

Но, кроме рук, даны и губы им.

ДЖУЛЬЕТТА

Да, — чтоб читать молитвы, пилигрим.

РОМЕО

О, если так, то, милая святая,

Позволь губам молиться, подражая

Моей руке; даруй ей благодать,

Чтоб веры мне своей не потерять.

ДЖУЛЬЕТТА

Недвижными святые пребывают,

Хоть милость за молитву посылают.

РОМЕО

Не двигайся ж, пока не испросил

Я милости молитвами своими...

(Целует ее.)

Ну, вот, теперь я прегрешенье смыл,

Соединив мои уста с твоими.

ДЖУЛЬЕТТА

И на моих устах твой грех лежит.

РОМЕО

Как мило ты на это негодуешь!

Отдай его назад, коль тяготит.

(Целует ее снова.)

ДЖУЛЬЕТТА

Ты, пилигрим, по требнику целуешь.

КОРМИЛИЦА

(подходит)

Вас матушка зовет.

Джульетта уходит.

РОМЕО

А кто она?

КОРМИЛИЦА

Не знаете? Бог мой! хозяйка дома;

И добрая, и умная такая

Синьора; я кормила дочь ее,

Ту самую, с которою сейчас

Вы говорили; и могу уверить,

Что тот, кому достанется она,
И денежки хорошие получит.
РОМЕО
Итак, она — дочь Капулетти? Плохо!
Теперь вся жизнь моя в руках врага.

БЕНВОЛИО
(подходя)
Идем, идем, окончилась бабава.
РОМЕО

Окончилась; я этого боюсь,
С спокойствием моим я расстаюсь.

КАПУЛЕТТИ
Нет, господа, пока не уходит:
Кой чем еще вас надо угостить.
Нельзя? — Так я благодарю всех вас,
Благодарю вас от души, синьоры.
Спокойной ночи! — Факелы сюда!
Теперь — в постель: спать хочется. Уж поздно.
Все уходит, кроме Джульетты и кормилицы.

ДЖУЛЬЕТТА
Поди сюда, кормилица. Скажи —
Кто господин вон тот?
КОРМИЛИЦА
Сын и наследник

Тиберио.
ДЖУЛЬЕТТА
А тот, что в дверь выходит?

КОРМИЛИЦА
Мне кажется, Петрукьо молодой.
ДЖУЛЬЕТТА
А тот, что вслед идет за ним, который
Не танцевал?

КОРМИЛИЦА
Не знаю.
ДЖУЛЬЕТТА
Разузнай,
Кто он такой.
Кормилица уходит.
О, если он женат,
То гроб один мне будет брачным ложем.
Кормилица возвращается.

КОРМИЛИЦА
Он вашего врага Монтегги сын
Единственный; зовут его Ромео.
ДЖУЛЬЕТТА
Среди моей единственной вражды
Любовь моя единая возникла.
Не вовремя узнала я, кто он;
Не вовремя его я увидела!
Не приведет к добру любовь моя:
В заклятого врага влюбилась я.

КОРМИЛИЦА
Что? что ты там?
ДЖУЛЬЕТТА
Стихи припоминаю,
Которым научил меня один
Из кавалеров.

За сценою зовут: «Джульетта!»
КОРМИЛИЦА
Мы идем! сейчас! —
Пойдем, пора, все гости разошлись.
Уходят.
Входит хор.
ХОР

Страсть прежняя внезапно охладела,
И новая ее сменила страсть;
Та, что Ромео сердцем овладела,
Утратила над этим сердцем власть;
Ее краса красой быть перестала

В его глазах, — и полюбил он вновь.
Джульетта взор его очаровала,
Он сам любим, — опасная любовь!
Как враг семьи Джульетты, он не смеет
Войти к ней в дом с признанием своим;
И никакой надежды не имеет
Она на то, чтоб повстречаться с ним.
Но случаи им время посылает,
И плуч любви им мужество дает
Для встреч, — и миг блаженства утешает
И сладкую отраду в сердце льет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. СЦЕНА I
Площадь, примыкающая к саду Капулетти.
Входит Ромео.

РОМЕО
Могу ль уйти, когда я сердцем здесь?
Вернись назад, тяжелый прах, найди
Свой центр.

(Перелезает через стену сада.)
Входят Бенволио и Меркуцио.
БЕНВОЛИО
Кузен Ромео! эй, Ромео!
МЕРКУЦИО

Я поклянусь, что он ушел домой
И лег в постель.

БЕНВОЛИО
Он побежал сюда
И перелез чрез эту стену сада.
Зови его, Меркуцио.

МЕРКУЦИО
Я буду
Не только звать, но даже заклинать.
Ромео! страсть, влюбленный, сумасшедший,
Блажной! явись пред нами в виде вздоха,
Произнеси хоть рифму — «кровь, любовь»,
Хоть слово в честь болтушки Афродиты,
Иль прозвище смешное дай ее
Наследнику и сыну Купидону,
Проказнику-мальчишке, что так ловко
Стрелу пустил, что царь Кофетуга
Вдруг в нищую влюбился. — Он не слышит,
Не двинется, — скончалась обезьяна!
И заклинать его я принужден.
Явись же нам; тебя я заклинаю
Блестящими глазами Розалины,
Ее челом, пурпурными устами
И ножкою, и трепетным бедром,
И всем, что там найдется по соседству, —
Предстань пред нами в образе своем!

БЕНВОЛИО
Рассердится, когда тебя услышит.
МЕРКУЦИО
Из-за чего? — Он мог бы рассердиться,
Когда бы я в ее волшебный круг
Заклятием другого духа вызвал
И там его оставил до тех пор,
Пока она б его не отогнала;
Резон бы был; мое ж заклятье честно:
Я, именем возлюбленной Ромео,
Явиться нам Ромео заклинаю.

БЕНВОЛИО
Он скрылся здесь, среди деревьев этих,
Ушел во мрак холодной, влажной ночи:
Любовь слепа и любит быть во тьме.

МЕРКУЦИО
Когда б слепа была, то не могла бы
И в цель попасть. Он где-нибудь сидит
Тут под кустом кизиловым, мечта

О милой. — Эй, Ромео! Я желаю,
Чтоб она... et cetera... Прощай,
Спокойной ночи! Ну, а я — на койку;
Спать на земле — уж слишком холодно!
Идем ли, что ль?

БЕНВОЛИО

Идем, — совсем напрасно —

Искать того, кто прячется от нас.

Уходят.

СЦЕНА II

Сад Капулетти. Входит Ромео.

РОМЕО

Над ранами смеется только тот,
Кто не бывал еще ни разу ранен.

На балконе появляется Джульетта.

Но, тише, что за свет в ее окне?

Оно — восток, и в нем Джульетта — солнце.

Всходи, всходи, прекрасное светило,

И свет луны завистливой затми;

Она уже от скорби поbledнела,

Завидуя, что ты, ее слуга,

Ее красой далеко превосходишь.

Не будь ее слугою; ведь она —

Завистница и девственная риза

Весталки — и бесцветна, и бледна, —

Безумным лишь носить ее прилично.

О, брось ее... Да, то моя любовь,

Владычица; когда б она то знала!

Вот говорит она, иль нет, еще

Не говорит; так что же? Говорят

Ее глаза, — я отвечать им буду.

Я слишком смел: не для меня их речь:

Две самые прекрасные звезды

Из сфер своих желают отлучиться

И просят, чтоб ее глаза, на время,

На небесах светили вместо их.

Что если бы и вправду эти звезды

В ее лице сияли вместо глаз,

Ее ж глаза сменили их на небе?

Ее лица сиянье эти звезды

Затмило бы, как лампу свет дневной,

А в небесах такой бы яркий свет

Ее глаза потоком изливали,

Что птицы, ночь приняв за светлый день,

Запели бы. Вот на руку щекой

Склонилась она... как я желал бы

Перчаткой быть на этой белой ручке,

Чтобы щеки ее касаться мне!

ДЖУЛЬЕТТА

О, горе мне!

РОМЕО

Вот, говорит она.

О, продолжай, мой ангел лучезарный!

Ты в тьме ночной над головой моей

Сияешь, как небес крылатый вестник,

Когда в своем полете облака

В воздушном он пространстве обгоняет,

И смертные, вверх очи возведя

И запрокинув голову, глядят

На ангела оцепеневшим взором.

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео! Для чего Ромео ты?

О, отрекись от своего отца,

От имени; а если не желаешь,

То поклянись лишь мне в своей любви —

И я тогда не буду Капулетти.

РОМЕО

(сам себе)

Ответить мне или еще послушать?

ДЖУЛЬЕТТА

Лишь именем своим ты враг мне, но

Сам по себе ты вовсе не Монтекки.

Монтекки... но что значит это имя?

Оно ведь — не рука и не нога,

Оно — не часть какая-либо тела.

О, выбери себе другое имя;

Что в имени? Как розу ни зови —

В ней аромат останется все тот же:

Так и Ромео с именем другим

Останется все так же совершенным.

Расстанься же ты с именем своим,

Ромео, и, взамен за это имя,

В котором нет твоей и части, всю

Меня возьми!

РОМЕО

Ловлю тебя на слове.

Лишь назови меня своей любовью —

И заново я буду окрещен

И навсегда свое утрачу имя.

ДЖУЛЬЕТТА

Кто ты такой, сокрытый мраком ночи,

Подслушавший признания мои?

РОМЕО

Не смею я сказать тебе, кто я

По имени, о милая, святая:

То имя мне, как враг твой, ненавистно.

Я б разорвал его, когда б его

Написанным увидел на бумаге.

ДЖУЛЬЕТТА

Ты не сказал еще двух слов, как я,

По голосу, тебя уже узнала.

Ромео ты? Монтекки?

РОМЕО

Не Ромео

И не Монтекки, если отращаешь

Ты чувствуешь к обоим именам.

ДЖУЛЬЕТТА

Как ты сюда пробрался и зачем?

Как перелезть ты мог чрез стену сада

Высокую и гладкую? И смерть

Тебе, когда кто из моих родных

Тебя найдет здесь.

РОМЕО

Через эту стену

Перелетел я на крылах любви.

Оградою из камня невозможно

Сдержать любовь, — она на все готова, —

Твои родные — не помеха мне.

ДЖУЛЬЕТТА

Они тебя убьют, когда увидят.

РОМЕО

Твои глаза опасней для меня,

Чем двадцать их мечей; взгляни лишь

с лаской —

И злоба их мне будет ничем.

ДЖУЛЬЕТТА

Я ни за что б на свете не желала,

Чтобы они увидели тебя.

РОМЕО

От взоров их я скрыт покровом ночи.

Но пусть они меня застанут здесь,

Лишь бы меня любила ты; пусть лучше

Жизнь кончится моя от злости их,

Чем без твоей любви она продлится.

ДЖУЛЬЕТТА

Кто показал тебе сюда дорогу?

РОМЕО

Моя любовь: она меня вела

И подала совет мне; я за это

Снабдил ее глазами. Я — не кормчий,
Но если бы ты от меня была
Так далеко, как самый дальний берег
Неведомых морей, то за таким
Сокровищем я б смело в путь пустился.

ДЖУЛЬЕТТА

Мое лицо покрыто маской ночи,
Иначе б ты увидел — как оно
Зарделось от стыда за те слова
Признания, что ты сейчас подслушал.
Желала б я приличье собласти,
Желала бы, желала бы отречься
От слов своих, — но прочь такая ложь!
Ты любишь ли меня? Вперед я знаю,
Что скажешь «да», и слова твоего
Довольно мне. Когда б ты в том поклялся,
То, все равно, ты мог бы обмануть, —
Ведь, говорят, над клятвами влюбленных
Смеется Зевс. О, милый мой Ромео,
Когда меня ты любишь, это мне
Ты искренно скажи: когда ж находишь,
Что слишком я поспешно отдаюсь,
То я приму сердитый вид, нахмурюсь
И на твои мольбы отвечу «нет».
Да, признаюсь, я слишком безрассудна,
И ветреной меня ты можешь звать.
Но верь ты мне, прекрасный мой Монтекки,
Что окажуся я вернее тех,
Которые искуснее умеют
Казаться неприступными; и я
Сама была бы менее доступна,
Когда б меня ты не застал врасплох
И истинной любви моей признанья
Не услышал. Итак, прости меня
И не считай сговорчивости этой
За ветреность в любви: мою любовь
Лишь ночи тьма неожиданно так открыла.

РОМЕО

Клянусь луной, что точно серебром
Осыпала верхи деревьев этих...

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, не клянись изменчивой луной,
Меняющей свой образ каждый месяц,
Чтобы твоя любовь, подобно ей,
Изменчивой не оказалась.

РОМЕО

Чем же

Поклясться мне?

ДЖУЛЬЕТТА

Не нужно вовсе клясть;

Иль, если ты желаешь дать мне клятву,
То собственным прекрасным существом
Клянись; ты — мой божественный кумир,
И я тебе поверю.

РОМЕО

Если сердца

Заветная любовь...

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, не клянись.

Хоть рада я твоей любви, но этот
Обет ночной не радует меня:
Он слишком скор, внезапен, опрометчив,
И слишком он на молнию похож,
Которая, сверкнув, исчезнет прежде,
Чем скажем мы, что молния блеснит.
Мой дорогой, прощай, пусть эта почка
Любви в цветок прекрасный развернется,
Ко времени ближайшей нашей встречи.
Прощай, спокойной ночи! Пусть тот мир
И тот покой в твое вольются сердце,
Которыми наполнено мое.

РОМЕО

И ты уйдешь, меня не успокоив?

ДЖУЛЬЕТТА

Какого же успокоенья хочешь
Ты в эту ночь?

РОМЕО

Твоей любовной клятвы.

ДЖУЛЬЕТТА

Но я дала уж эту клятву прежде,
Чем ты просил о ней. А все же я
Желала бы иметь ее в запасе.

РОМЕО

Ты хочешь взять ее назад?
Зачем, мой друг?

ДЖУЛЬЕТТА

Чтоб щедрой быть и снова

Отдать ее тебе. Однако я
Хочу того, чем я уж обладаю:
Для щедрости моей пределов нет,
И глубока моя любовь, как море;
И чем тебе я больше отдаю,
Тем у меня их больше остается, —
Им нет конца.

За сценой слышен голос кормилицы, которая зовет Джульетту.

Меня зовут. Прощай,

Мой дорогой. — Сейчас иду я, няня!..
Будь верен мне, Монтекки милый мой.
Постой еще минутку: я вернусь.

Уходят с балкона.

РОМЕО

Блаженная и сладостная ночь!
Но это все — не грезы ли ночные,
Столь сладкие и чудные, что им
В действительность нельзя преобразиться?

На балконе снова появляется Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео, два-три слова — и прощай.
Когда любовь твоя чиста и если
Намерен ты вступить со мною в брак,
То завтра мне ответ свой передай, —
Чрез того, кого к тебе пришло я, —
Где и когда венчальный наш обряд
Ты совершить желаешь. Я тогда
Мою судьбу к твоим ногам повергну
И за тобой, властитель мой, пойду
В широкий мир.

КОРМИЛИЦА

(за сценой)

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА

Я иду! —

Но если ты не искренен, то я
Молю тебя...

КОРМИЛИЦА

(за сценой)

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА

Я сейчас! —

Молю тебя ухаживанье бросить —
И с горестью моей оставь меня.
Итак, пришло я завтра.

РОМЕО

Я блаженством

Моей души...

ДЖУЛЬЕТТА

Прощай, спокойной ночи

Желаю я тебе сто раз.

Уходит.

РОМЕО

Мне ночь
Сто раз мрачней без твоего сиянья.
Как школьники спешат уйти от книг,
Так радостно любовь к любви стремится.
Как школы вид печалит взор их,
Так тяжело ей с любовью разлучиться.
Уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

(снова показывается на балконе)

Ромео! тсс! Зачем не обладаю
Я голосом сокольникаго, чтобы
Мне сокола обратно приманить?
Не смеет громко говорить неволя,
Не то бы грот разрушила бы я,
Где Эхо спит; воздушный этот голос
Тогда бы стал слабее моего,
От повторенья имени Ромео.

РОМЕО

(возвращаясь)

То милая моя зовет меня...
Как сладостно звучат слова влюбленных
В ночной тиши, лелея нежно слух,
Как музыка!

ДЖУЛЬЕТТА

Ромео!

РОМЕО

Дорогая!

ДЖУЛЬЕТТА

В котором же часу должна я завтра
Прислать к тебе?

РОМЕО

Полуночь к девяти.

ДЖУЛЬЕТТА

Не пропущу назначенного часа.
Как долго ждать! как будто двадцать лет.
Забыва я — зачем тебя вернула.

РОМЕО

Позволь же мне остаться здесь, пока
Не вспомнишь ты.

ДЖУЛЬЕТТА

Желаю, чтоб остался

Ты дольше здесь, я буду забывать
И думать лишь о том, как мне приятно
С тобою быть.

РОМЕО

А я стоять здесь буду,

Чтобы продлить забвение твое,
Забыв, что есть места другие в мире.

ДЖУЛЬЕТТА

Почти уж утро, и желала б я,
Чтоб ты ушел — не дальше, впрочем, птички,
Которую, как узника в цепях,
На ниточке из шелка выпускает
Мальчишка-плут из рук своих и вновь
Ее к себе за эту нитку тянет,
Ревнуня к воле пленницу свою.

РОМЕО

Желал бы я твою птичкой быть.

ДЖУЛЬЕТТА

И я желала б этого, мой милый, —
Но ласками замучила б тебя.
Прощай, прощай; минуты расставанья
Исполнены столь сладкого страдания,
Что я тебе до самого утра
Готова бы желать спокойной ночи.

Уходит.

РОМЕО

Пусть крепкий сон глаза твои закроет,
В твоей груди пусть водворится мир.

О если б я был этим сном и миром!
Теперь пойду к духовному отцу,
Ему свое я счастье открою
И попрошу о помощи его.
Уходит.

СЦЕНА III

Келья монаха Лоренцо. Входит Лоренцо.

ЛОРЕНЦО

С улыбкою на сумрачную ночь,
Пестря восток, глядят глаза денницы;
Пятнистый мрак, спеша, уходит прочь
От огненной Титана колесницы.
Покуда взор светила огневой
Не выглянул, чтоб встретить день приветом,
Покуда он еще росы ночной
Не осушил своим горячим светом, —
Должна моя корзина до краев
Наполниться, — мне нужно торопиться
Набрать в нее целительных цветов
И трав, где яд губительный таится.
Природа вся землею создана;
Земля для ней утроба и могила,
И много чад произвела она
И на своей груди затем вскормила.
В их качествах и свойствах много благ,
И чем-нибудь полезны все творенья;
Есть много сил в растениях, травах,
Все разное имеют назначенье.
Столь низкого нет в мире ничего,
Что б как-нибудь ко благу не служило,
Иль доброго настолько, чтоб его
Полезных свойств ничто не изменило.
Добро, порой, меняется в порок,
Есть иногда во зле благодеянье;
Вот, например, хоть этот бы цветок:
В нем есть и яд, и сила врачеванья.
В нем запах — жизнь, а сок в нем сильный яд,
Он чувства все и сердце убивает;
В травах и в нас два короля сидят:
Добро и зло; когда преобладает
Последнее, оно, как червь, грызет,
И от него растение умрет.

Входит Ромео.

РОМЕО

Отец мой, здравствуй.

ЛОРЕНЦО

Benedicite!

Чей слышу я привет в столь ранний час?
Мой сын, что так поднялся спозаранку?
Должно быть, ты расстроен чем-нибудь.
У старика в глазах — всегда забота,
А где она, там вовсе не до сна;
Но там, где спать расположилась юность
Беспечная, там крепкий сон царит;
Поэтому, приход твой ранний служит
Порукой мне, что иль взволнован ты,
Иль в эту ночь в постель ты не ложился.

РОМЕО

Последнее верней — провел я время
Приятнее.

ЛОРЕНЦО

Пусть Бог простит твой грех!

Ты ночь провел, должно быть, с Розалиной?

РОМЕО

Нет, мой отец; забыл я это имя
И горе то, что заключалось в нем.

ЛОРЕНЦО

Но где ж ты был?

РОМЕО

Я пировал с врагами,
И рану мне внезапно там нанес
Один из них; он — тоже ранен мною,
И оба мы нуждаемся теперь
В твоём, отец, святом уврачевании.
В моей душе я злобы не ношу:
И за себя, и за врага прошу.

ЛОРЕНЦО

Яснее сын, в загадках толку нет:
На них дают загадочный ответ.

РОМЕО

Так слушай. Я всем сердцем полюбил
Дочь старого синьора Капулетти,
Да и она мне сердце отдала.
Все слажено, и остается только
Тебе союз наш браком завершить.
Как, где, когда мы встретились, влюбились
И клятвами друг с другом обменялись —
Я расскажу об этом по пути;
Теперь же вот о чем тебя прошу я:
Чтоб повенчал сегодня же ты нас.

ЛОРЕНЦО

Святой Франциск, какой переворот!
Ужели ты оставил Розалину,
Которую так горячо любил?
У молодых людей любовь не в сердце,
А лишь в глазах! Jesu Maria! сколько
На бледные вот эти щеки пролил
Ты горьких слез, и все из-за нее!
Как много ты растратил солной влаги
В приправу той нетронутой любви,
Которая тебе уж не по вкусу!
Еще пары твоих глубоких вздохов
Не высохли от солнечных лучей,
Еще твои отчаянные стоны
И до сих пор звучат в моих ушах,
Со щек твоих еще не смыты пятна
От прежних слез. Ромео, если был
Когда-нибудь ты сам собою, если
Ты горевал и горести возал,
Посвящены все были Розалине,
То неужель так изменился ты?
Признайся, что правдиво изречение:
Коль твердости в мужчинах нет, тогда
И женщинам простительно паденье.

РОМЕО

Ты, за любовь к ней, сам меня бранил.

ЛОРЕНЦО

Не за любовь, мой сын, за сумасбродство.

РОМЕО

Советовал ты мне похоронить
Мою любовь...

ЛОРЕНЦО

Да, но не с тем, чтоб
Зарыть одну и выкопать другую.

РОМЕО

Прошу, оставь свои упреки; та,
Которую теперь я полюбил,
Мне за любовь сама любовью платит,
А в прежней я того же не встречал.

ЛОРЕНЦО

Немудрено: ведь, было ей известно,
Что ты любовь в долбежку затвердил,
Ее складов еще не понимая.
Но, ветренник мой юный, я тебе
Готов помочь, единственно в надежде,
Что ваших двух семейств вражда в любовь
Чистейшую, чрез брак ваш, превратится.
Пойдем со мной.

РОМЕО

Пойдем, — я не могу
Откладывать.

ЛОРЕНЦО

Не нужно торопиться:
Тот падает, кто слишком быстро мчится.
Уходят.

СЦЕНА IV

Улица.

Входят Бенволио и Меркуцио.

МЕРКУЦИО

Где, черт возьми, запропастился он?
Иль в эту ночь домой не возвращался
Ромео?

БЕНВОЛИО

Да; он там не ночевал:
Я спрашивал его слугу.

МЕРКУЦИО

Ну, эта
Бездушная девчонка Розалина,
Наверное, сведет его с ума.

БЕНВОЛИО

Тибальд, родня синьора Капулетти,
Прислал письмо к Ромео.

МЕРКУЦИО

Это вызов,
Ручаюсь я.

БЕНВОЛИО

Он будет отвечать.

МЕРКУЦИО

Конечно; кто писать умеет, тот
И на письмо ответить в состоянии.

БЕНВОЛИО

Я не о том; я хочу сказать, что Ромео примет
вызов Тибальда.

МЕРКУЦИО

Бедный Ромео! Он уже и так мертв: он сражен
черными глазами этой белолицей девчонки; его
уши пронзены любовною песнею, и самый
центр его сердца пробит стрелюю слепого маль-
чишки. Так где же ему тягаться с Тибальдом?

БЕНВОЛИО

А кто такой Тибальд?

МЕРКУЦИО

Это больше, чем царь котов, могу тебя уве-
рить; он законодатель всяких церемоний; он
дерется, точно по нотам, соблюдая размер,
паузы, такты; он не дает противнику и вздох-
нуть: раз, два, а третий удар уже у тебя в груди;
он попадает в шелковую пуговку; это настоя-
щий дуэлянт, тонкий знаток всех этих первых
и вторых поводов к дуэли. Ах, как великолепно
он делает выпад и обратные удары, эти
бессмертные *passado, punto reverso, hai!*

БЕНВОЛИО

Что такое?

МЕРКУЦИО

Чтоб им пусто было — этим шутам, этим ше-
пелявым, кривляющимся фантазерам, этим
настройщикам речи на новый лад! «Клянусь,
отличный клинок! — Красавец мужчина! —
Славная девка!» Не прискорбно ли, что на нас
так надели эти чужеземные мухи, эти продав-
цы мод, эти *pardonnez-moi*, которые придают
такую важность новым формам, что им неу-
добно сидеть на старой скамье? Надоели они
с этими своими «*bon, bon*».

Входит Ромео.

БЕНВОЛИО
Вот идет Ромео, — Ромео идет!
МЕРКУЦИО

Он — точно высушенная селедка без икры. Бедное тело! Оно из мяса превратилось в рыбу. Он находится в поэтическом настроении Петрарки; только в сравнении с его милой Лаура была судомойка, хотя ее обожатель был искусней Ромео относительно прославления своей возлюбленной в стихах; Дидона, по его мнению, шлоха, Клеопатра — цыганка; Елена и Гера — распутницы и сволочь. Фисби обладала красивыми серыми глазами, но где же ей сравняться с его милой! — Синьор Ромео, bonjour! Вот французский привет твоим французским штанам. Ты нас отлично надул в эту ночь.

РОМЕО
Доброго утра вам обоим. Чем я вас надул?
МЕРКУЦИО

Вы ускользнули, синьор, ускользнули от нас.
РОМЕО

Извини меня, добрый Меркуцио; у меня было такое важное дело, а в подобных случаях человеку позволительно поступиться вежливостью.

МЕРКУЦИО
Другими словами, — в подобных случаях человек принужден сгибать колени.

РОМЕО
То есть кланяться?

МЕРКУЦИО
Ты как раз угадал.

РОМЕО
Это очень вежливое объяснение.

МЕРКУЦИО
Да ведь я настоящая гвоздика вежливости.

РОМЕО
Гвоздика в смысле цветка вообще?

МЕРКУЦИО
Именно.

РОМЕО
Но ведь и мои башмаки хорошо убраны розетками.

МЕРКУЦИО
Верно. Продолжай так шутить со мною, пока не износишь своих башмаков, так чтобы когда у них отвалятся их единственные подошвы, шутка твоя осталась одна-одинешенька.

РОМЕО
Вот так остро! Единственная по своему одиночеству.

МЕРКУЦИО
Разними нас, добрый Бенволио; мое остроумие слабеет.

РОМЕО
Бей свое остроумие хлыстом, прищипь его, не то — я провозглашу: партия моя!

МЕРКУЦИО
Нет, если твое и мое остроумие погонятся за дикими гусями, то я пропал, потому что у тебя в одном из чувств больше дичи, чем у меня во всех пяти. Не принимаешь ли ты меня за дикого гуся?

РОМЕО
Да ты никогда и не был для меня ничем иным, как гусем.

МЕРКУЦИО
Я укушу тебе ухо за эту насмешку.

РОМЕО
Не кусайся, добрый гусь.
МЕРКУЦИО

У тебя горько-сладкое остроумие, а это очень острый соус.

РОМЕО
А разве горько-сладкие яблоки — дурная приправа к хорошему гусю?

МЕРКУЦИО
Ну, твое остроумие растягивается, точно лайка; из одного дюйма можно его расширить до локтя.

РОМЕО
Я растягиваю его до слова «ширина»: присоедини это понятие к слову «гусь» — выйдет, что ты в ширину и длину огромный гусь.

МЕРКУЦИО
Ну, не лучше ли так шутить, чем стонать из-за любви? Теперь ты общителен, теперь ты — Ромео, теперь ты — тот, что ты на самом деле, такой, какой ты по своим врожденным и приобретенным качествам. А эта слоняная любовь похожа на шуту, что мечется туда и сюда, чтобы спрятать свою шутовскую палку в какую-нибудь дыру.

БЕНВОЛИО
Стой, стой, довольно!

МЕРКУЦИО
Ты останавливаешь меня; это называется — гладить против шерсти.

БЕНВОЛИО
Не останови тебя, так ты будешь говорить без конца.

МЕРКУЦИО
Ты ошибаешься. Я не стал бы распространяться, так как дошел уже до самой сути моей речи и намеревался кончить ее.

Входят кормилица и Пьетро.

РОМЕО
Вот славный наряд!

МЕРКУЦИО
Парус! Парус!

БЕНВОЛИО
Целых два: мужская рубаха и юбка.

КОРМИЛИЦА
Пьетро!

ПЬЕТРО
Слушаю.

КОРМИЛИЦА
Мой веер, Пьетро!

МЕРКУЦИО
Добрый Пьетро, прикрой веером ей лицо; он красивей ее лица.

КОРМИЛИЦА
Доброго утра, синьоры.

МЕРКУЦИО
Доброго вечера, прекрасная синьора.

КОРМИЛИЦА
Да разве теперь вечер?

МЕРКУЦИО
Да, не менее того, уверяю вас. Бесстыдная стрелка солнечных часов указывает уже на полдень.

КОРМИЛИЦА
Убирайтесь! кто вы такой?

РОМЕО
Это, милая женщина, человек, который сотворен Богом во вред себе самому.

КОРМИЛИЦА

Ну, право же, это хорошо сказано! Во вред себе самому, — так, что ли? Синьоры, не может ли кто из вас сказать мне, где мне найти молодого Ромео?

РОМЕО

Я могу сказать. Но когда вы найдете его, он будет старше, чем теперь, когда вы его ищете. Я самый младший из людей с этим именем, если не худший.

КОРМИЛИЦА

Вы хорошо говорите.

МЕРКУЦИО

Вот как! Да разве худшее может быть хорошим? Очень удачно, очень умно!

КОРМИЛИЦА

(к Ромео)

Синьор, если вы и есть Ромео, то мне нужно поговорить с вами по секрету.

МЕРКУЦИО

Сводня, сводня, сводня! Ату ее!

РОМЕО

Кого ты там травил?

МЕРКУЦИО

Не зайца, синьор, а если и зайца, то это заяц в постном пироге, который несколько зачерствел и выдохся прежде, чем его съели.

Старый заяц хоть сед, но беды в этом нет:

Заяц в постный пирог пригодится;

Если ж этот пирог зачерствел и засох,

Старым зайцем легко подавиться.

Ромео, не пойдешь ли ты в дом своего отца?

Мы думаем там обедать.

РОМЕО

Я приду туда вслед за вами.

МЕРКУЦИО

Прощайте, старая синьора! прощайте, синьора, синьора, синьора!

*(Напевая.)**Меркуцио и Бенволио уходят.*

КОРМИЛИЦА

Скатертью дорога! Скажите, пожалуйста, синьор, кто этот дерзкий купчишка, что наговорил так много пошлостей?

РОМЕО

Это господин, который любит слушать себя самого и может наговорить в одну минуту больше, чем другой кто-нибудь в целый месяц.

КОРМИЛИЦА

Если он скажет что-нибудь против меня, то я ему задам, хоть бы он был сильнее, чем он есть на самом деле; я справлюсь и с двадцатью такими нахалами, а если нет, то я найду людей, которые его образуют. Подлый негодяй! Я не гуляющая какая-нибудь, я не товарищ ему, шалопаю.

(Обращаясь к Пьетро.)

Да и ты хорош: стоишь себе и позволяешь каждому негодяю надругаться надо мной в свое удовольствие.

ПЬЕТРО

Я не видал ни одного человека, который бы надругался над вами в свое удовольствие, а если бы увидел, то сейчас выхватил бы свое оружие, уверяю вас. Я обнажаю меч так же проворно, как всякий другой, когда подвергается случай для хорошей драки и когда закон на моей стороне.

КОРМИЛИЦА

Клянусь богом, он так разобидел меня, что я вся, как есть, дрожу. Подлый негодяй! — Синьор, мне нужно сказать вам два слова. Моя молодая госпожа приказала мне отыскать вас, а что она велела передать вам, об этом я пока помолчу. Прежде всего позвольте мне сказать вам, что если вы намерены ее одурачить, то это будет, как говорится, скверная штука, так как синьорина молода, и потому, если вы будете играть с нею в двойную игру, то это будет неладно и низко относительно такой благородной девушки.

РОМЕО

Няня, поклонись от меня своей госпоже, я заявляю тебе...

КОРМИЛИЦА

Вот добрая душа! клянусь, я скажу ей это. Господи, Господи! как она будет рада!

РОМЕО

Да что же ты ей скажешь, няня? Ты ведь не дослушала меня.

КОРМИЛИЦА

Я скажу ей, синьор, что вы заявляете; а это я понимаю так, что вы делаете ей предложение, как благородный человек.

РОМЕО

Скажи ей, чтоб она нашла предлог

Отправиться на исповедь сегодня;

И в келье у Лоренцо будем с нею

Обвенчаны мы. Вот тебе за труд.

КОРМИЛИЦА

Нет, нет, синьор, не нужно ничего.

РОМЕО

Да полно же, бери.

КОРМИЛИЦА

Сегодня, значит?

Ну, хорошо, она туда придет.

(Хочет уйти.)

РОМЕО

Постой еще. Так через час, не дольше,

Ты моего слугу найдешь у стен

Монастыря; он принесет веревки,

Что связаны, как лестница: по ней

Я в тьме ночной взойду на верх блаженства.

Прощай, да будь верна: за труд

Я заплачу. Поклон мой синьорине.

КОРМИЛИЦА

Благослови вас Бог! — Но вот что, —
Послушайте...

РОМЕО

Что, дорогая няня?

КОРМИЛИЦА

Ваш человек надежен? Вы слышали

Пословицу такую: тайны нет,

Когда двоим известен ваш секрет?

РОМЕО

Надежен он, как сталь, — не беспокойся.

КОРМИЛИЦА

Ну, так вот что, синьор. Моя госпожа — самая милая девушка в свете. Господи, Господи! когда она была еще крошечной болтуней... О! Тут в городе есть один граф, некто Парис, который очень желал бы подмазаться к ней, да она, голубушка, не хочет и смотреть на него, она отворачивается от него точно от какой-нибудь жабы. Я иногда дразно ее: говорю, что Парис хороший человек, и уверяю вас, что она

тогда бледнеет, как полотно. — Скажите, пожалуйста, ведь, слова «Ромео» и «розмарин» начинаются с одной и той же буквы?

РОМЕО

Да, няня; а что? Оба слова начинают с буквы Р.

КОРМИЛИЦА

Какой вы насмешник! Да ведь это Р-р-р — собачья буква! Она годится для... — Нет, я уверена, что ваше имя начинается с какой-нибудь другой буквы. Моя госпожа подбирает к нему такие хорошенькие присказки — к вашему имени и к розмарину, — что вы бы заслушались.

РОМЕО

Клянись от меня твоей госпоже.

КОРМИЛИЦА

Буду клясться тысячу раз.

Ромео уходит.

Пьетро!

ПЬЕТРО

Слушаю.

КОРМИЛИЦА

Идем скорей, ступай вперед.

Уходит.

СЦЕНА V

Сад Капулетти.

Входит Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Я нянюшку послала ровно в девять,
И мне она вернуться обещала
Через полчаса. Иль не нашла его?
Не может быть. Да! ведь она хромая.
Послами у любви должны быть мысли, —
Они летят вдесятеро быстрее,
Чем солнца свет с холмов сгоняет тени.
Вот почему любви богиня ездит
На голубях, амур имеет крылья,
И носится быстрее ветра он.
Уж поднялось до высшей точки солнце,
От десяти до полдня — три часа,
А няни нет. Когда б в ней были чувства
Сердечные и молодая кровь,
Тогда б она, как мяч, перелетела,
Чтоб передать мои слова ему,
А мне — слова Ромео дорогого.
Но многие из стариков похожи
На мертвцов, — медлительны и вялы,
И тяжелы, и мрачны, как свинец.
Входят кормилица и Пьетро.

А! вот она. — Какие вести, няня?
Голубушка, ты видела его?

(Показывая на Пьетро.)

Вели ему уйти отсюда.

КОРМИЛИЦА

Пьетро,

Уйди и жди там у ворот.

ДЖУЛЬЕТТА

Ну, что же,

Голубушка? О, Господи! что значит,
Что у тебя такой печальный вид?
Хотя б твои известья были грустны,
Ты весело их передай; когда ж
Ты с добрыми пришла ко мне вестями,
То музыки их сладкой не срами,
Играя их с такою кислой миной.

КОРМИЛИЦА

Устала я, дай мне передохнуть;
Смерть как болят все кости. Ну, прогулка!

ДЖУЛЬЕТТА

Желала б я отдать тебе мой,
Взамен вестей. — Да говори же, няня.
Ну, добрая, ну, милая, скорей!

КОРМИЛИЦА

О, Господи, какая спешка! Разве
Не можешь ты немножко потерпеть?
Ты видишь — мне дыханья не хватает.

ДЖУЛЬЕТТА

Вполне дыханья хватит у тебя,
Чтобы сказать, что ты вздохнуть не можешь.
Пока ты мне все это говоришь,
Свою ты весть давно б сказать успела.
Ну, хороша она, или дурна?

На это лишь ответь мне поскорее.

Подробностей я подожду. Ну, что ж?

КОРМИЛИЦА

Ну, неважный выбор ты сделала. Нет, не умеешь ты выбирать мужчин. Ромео! — нет, нет, не нужно его, хоть лицо у него красивей, чем у кого-нибудь, — также и руки, и ноги, и талия, впрочем, о них не стоит и говорить. Но они выше всякого сравнения. Нельзя сказать, чтоб он был отменно вежлив; но я поручусь, что он кроток, точно ягненок. С Богом, девочка! — Вы уж пообедали?

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, нет, не то: все это я уж знала.
Что говорит о нашем браке он?

КОРМИЛИЦА

О, Боже мой, как голова болит!
Как у меня слаба она, однако!
В висках стучит, как будто голова
Вся на куски готова разорваться.
Да и спина... ох, бедная спина!
Благодарю покорно, что старуху
Ты до смерти готова загонять!

ДЖУЛЬЕТТА

Мне право жаль, что ты страдаешь, няня;
Но, милая, что, что он говорит?

КОРМИЛИЦА

Он говорит, как честный человек
И вежливый, и добрый, и красивый —
И поручусь, что не обманщик он.
Где ваша мать?

ДЖУЛЬЕТТА

Где мать? конечно, дома,

И где ж ей быть? Какие, няня, право,
Ты странные ответы мне даешь:
«Он говорил, как честный человек»,
«Где ваша мать?..»

КОРМИЛИЦА

Владычица Святая!

Ты сердилась; ну, нечего сказать,
Большым костям хорошая припарка!
Теперь сама ты бегай себя.

ДЖУЛЬЕТТА

Поехала! — Что говорит Ромео?

КОРМИЛИЦА

Позволено тебе идти сегодня
На исповедь?

ДЖУЛЬЕТТА

Позволено.

КОРМИЛИЦА

Так вот:

Иди сейчас к отцу Лоренцо в келью;
Там жлет жених, который хочет сделать
Тебя женой. Ага! теперь и кровь

Прихлынула к твоим щекам; они,
Как жар, горят при этой сладкой весте.
Ты — в церковь, я ж за лестницей пойду,
Чтоб милый твой в гнездо своей голубки
Забраться мог, когда наступит ночь.
Работница я вашему веселью,
Но в эту ночь наступит твой черед,
Ну, я пойду обедать, ты же — в келью.

ДЖУЛЬЕТТА

Прощай! меня верх счастья там ждет.

СЦЕНА IV

*Келья монаха Лоренцо.**Входят Лоренцо и Ромео.*

ЛОРЕНЦО

Пусть Небеса священный ваш союз
Благословят, чтобы потом со скорбью
Нам за него себя не упрекать.

РОМЕО

Аминь, аминь! но никакая скорбь
Той радости не может перевесить,
Что мне одна минута лишь дает,
Когда свою я дорогию вижу.
Соедини лишь крепко руки нам
Священными словами; пусть приходит
Хоть смерть затем, когда угодно ей,
Лишь милую назвать бы мне моей.

ЛОРЕНЦО

Мой сын, восторг стремительный нередко
Имеет и стремительный конец,
И гибнет он в зените ликованья.
Такой восторг — то порох и огонь,
Что гибнут вдруг в минуту их лобзанья.
Сладчайший мед, в конце концов, претит:
Противен он от сластолюбия чрезмерной.
В своей любви умереннее будь:
Разумная любовь прочна и длится;
Не торопись пройти блаженства путь:
Кто слишком скор — с медлительным сравнится.

Входит Джульетта.

Вот и она. — Такою легкой ножкой
Нельзя стереть кремневых этих плит.
Влюбленные по тонкой паутине,
Что в воздухе летает в летний зной,
Могли б ходить, — так суета легка!

ДЖУЛЬЕТТА

Привет мой вам, духовный мой отец!

ЛОРЕНЦО

Пусть, дочь моя, тебя за твой привет
Благодарит от нас двоих Ромео.

ДЖУЛЬЕТТА

Я и его приветствую; иначе
Тут не за что ему благодарить.

РОМЕО

О, милая Джульетта, если счастья
В твоей душе так много накопилось,
Как и в моей; когда ты можешь радость
Передавать искуснее, чем я, —
То уследи своим дыханьем воздух
И музыкой богатой языка
Изобрази то счастье, что оба
Мы чувствуем, встречаясь тут.

ДЖУЛЬЕТТА

Любовь,

Что сущностью богаче, чем словами,
Горда собой, не требуя прикрас.
Кто сосчитать имущество свое
Способен, тот не более, как нищий;
Моя ж любовь так вышла из границ,

Что не могу я счесть и половину
Ее богатств.

ЛОРЕНЦО

Мы кончим все сейчас

Пойдемте же: святая церковь вас
Соединит обоих в плоть единую.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. СЦЕНА I

*Площадь.**Входят Меркуцио, Бенволио, паж и слуги.*

БЕНВОЛИО

Меркуцио, прошу тебя, уйдем:
День жарок, и нет дома Капулетти;
А встреть мы их — быть ссоре: в зной такой
Клокочет кровь, и так легко взбеситься.

МЕРКУЦИО

Ты похож на одного из тех молодцов, что,
войдя в trattorio, ударяют своею шпагой по
столу, и говорят: «дай Бог, чтобы ты мне не
понадобилась», но когда выпьют вторую чашку,
то ни с того ни с сего она обнажает эту шпагу
против прислужника.

БЕНВОЛИО

Так я похож на такого молодца?

МЕРКУЦИО

Ну да; когда ты в дурном расположении духа,
ты горяч, как любой забияка в Италии, а еще
так легко привести в подобное состояние, — и
тогда ты вспыхиваешь вдруг.

БЕНВОЛИО

Что же дальше?

МЕРКУЦИО

А то, что будь на свете двое таких людей, как
ты, скоро у нас не стало бы ни одного из вас:
вы убили бы друг друга. Ты!.. Да ты способен
поссориться с человеком из-за того, что у
него в бороде одним волосом больше или меньше,
чем у тебя; ты готов затеять ссору с человеком,
шелкающим орехи, на том основании, что у
тебя глаза орехового цвета. Ну, чей глаз,
за исключением твоего, может увидеть в
этом повод для ссоры? Твоя голова наполнена
ссорами, как яйцо жидкостью, хоть из-за этого
задора она и разбита у тебя, как негодное
яйцо. Ведь поссорился же ты с одним прохожим
за то, что он кашлял на улице и своим
кашлем разбудил твою собаку, спавшую на
солнце. Не ты ли обругал портного за то, что
он надел свой новый камзол, не дождавшись
Пасхи, а еще кого-то за то, что он свои новые
башмаки затянул старыми тесемками? И ты
поучаешь меня — избегай ссоры!

БЕНВОЛИО

Если б я был задорен, как ты, то продал бы
свою жизнь первому встречному, кто поручился
бы за нее на час с четвертью времени.

МЕРКУЦИО

Поручиться за нее! Как же, нашел дурака!

БЕНВОЛИО

Клянусь головой моей, сюда идут Капулетти.

МЕРКУЦИО

Клянусь моей пяткой, мне до этого нет никакого дела.

Входят Тибальдо и другие.

ТИБАЛЬДО

(своим спутникам)

Идите влед за мной, мне нужно с ними
Поговорить. — Синьоры, добрый день!
С одним из вас я обменяюсь словом.

МЕРКУЦИО

Словом — с одним из нас? Прибавьте к этому слову еще что-нибудь; скажите — словом и ударом.

ТИБАЛЬДО

Я готов, синьор, если вы подадите к этому повод.

МЕРКУЦИО

А сами вы разве не можете найти его и без меня?

ТИБАЛЬДО

Меркуцио, ты принадлежишь к хору Ромео.

МЕРКУЦИО

К хору! Да разве мы музыканты? А если мы музыканты, то ты не услышишь от нас ничего, кроме разноголосицы. Вот мой смычок — он заставит тебя плясать. Черт поberi! хор!

БЕНВОЛИО

Мы говорим на площади; зайдем
Куда-нибудь, чтоб обсудить спокойно,
В чем состоят обиды ваши, — или
Совсем уйдем: все тут глядят на нас.

МЕРКУЦИО

И пусть глядят, — на то глаза даны;
Ни для кого не тронуся я с места.

Входит Ромео.

ТИБАЛЬДО

Ну, хорошо, синьор, довольно; вот
Мой человек идет.

МЕРКУЦИО

Будь я повешен,

Когда твою ливрею носит он!
Ты вызови его на поединок,
И будет он готов тебе служить;
Твой человек он только в этом смысле.

ТИБАЛЬДО

Моя любовь к тебе, Ромео, может
Придумать лишь одно тебе название:
Ты — негодяй.

РОМЕО

Причина, по которой
Тебя любить, Тибальдо, должен я,
Мне не дает отдался взрыву гнева
За дерзкие слова твои. Я вовсе
Не негодяй. Итак, прощай; я вижу —
Не знаешь ты меня.

ТИБАЛЬДО

Мальчишка, это
Не извинит тех оскорблений, что
Нанес ты мне. Ну, вынимай же шпагу.

РОМЕО

Я никогда тебя не оскорблял;
Тебя люблю я больше, чем ты можешь
Вообразить, не зная о причине
Моей любви. Мой добрый Капулетти,
Чье имя мне так мило, как мое,
Не горячись.

МЕРКУЦИО

Позорное смирение!

Alla stoccata¹ устранил его.

Ну, крысолов Тибальдо, выходи.

(Внимает меч.)

ТИБАЛЬДО

Что тебе нужно от меня?

МЕРКУЦИО

Ничего, достойный царь котов, кроме одной
из ваших девяти жизней; а остальные я буду

выбивать из вас, смотря по вашему обращению со мной. Не угодно ли вам вытащить за уши ваш меч из кожаного футляра? Не то — мой меч еще прежде этого очутится возле ваших ушей.

ТИБАЛЬДО

Я к вашим услугам.

РОМЕО

Меркуцио, вложи свой меч в ножны.

МЕРКУЦИО

Пожалуйте, синьор, за вами выпад.

РОМЕО

Бенволио, меч обнажи и выбей
Оружие из рук их. Господа,
Не стыдно ль вам! Оставьте эту ссору.
Меркуцио! Тибальдо! Герцог драки
На улицах Вероны запретил.
Постой, Тибальд! Меркуцио!

Тибальдо и его приверженцы уходят.

МЕРКУЦИО

Я ранен;

Чума на вас, — на оба ваши дома!..
Покончено со мной... и он ушел!
И неужель совсем он цел остался?

БЕНВОЛИО

Ты ранен?

МЕРКУЦИО

Да, — царапина одна,
Царапина, но этого довольно.

Эй, паж, ступай и приведи врача.

Паж уходит.

РОМЕО

Ободришь, друг мой, эта рана не может быть
глубока.

МЕРКУЦИО

Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковная дверь, но и ее довольно: она делает свое дело. Приходи ко мне завтра, и ты найдешь меня покойным человеком. Я уже не гождусь для этого мира. Чума на оба ваши дома! Черт возьми! Чтобы какая-нибудь собака, кошка, мышь оцарапала меня до смерти! Хвастун, бездельник, негодяй, который дерется по правилам арифметики! И на кой черт ты сунулся между нами? Я ранен из-под твоей руки.

РОМЕО

Я хотел уладить все к лучшему.

МЕРКУЦИО

В какой-нибудь дом отведи меня,
Бенволио, не то — я упаду
Без чувств. Чума на оба ваши дома!
Я из-за них стал пищей для червей,
И мне конец. — Чума на оба дома!

Меркуцио и Бенволио уходят.

РОМЕО

Из-за меня смертельно ранен друг мой
И родственник столь близкий государя!
Ругательством Тибальда честь моя
Запятнана, — Тибальда, что за час
Тому назад был все равно, что брат мне.
О, милая Джульетта, красота
Твоя мой нрав железный умячила
И сделала изнеженным меня!

Бенволио возвращается.

БЕНВОЛИО

Ромео, о Ромео! умер храбрый
Меркуцио! дух доблестный его,

¹ Колошый удар (*ит.*).

Безвременно презревши эту землю,
На небеса подняться поспешил.

РОМЕО

Дня этого зловещая судьба
На много дней продлится; им беда
Лишь началась, а кончится с другими.

Тибальдо возвращается.

БЕНВОЛИО

Вот бешеный Тибальд идет опять.

РОМЕО

Он жив, свою победу торжествуя,
А между тем Меркуцио убит!
Прочь от меня, уступчивая кротость!
Пусть бешенство теперь ведет меня!
Тибальд, ты дал мне имя негодяя —
Возьми его; Меркуцио душа
Еще парит у нас над головами
И ждет твоей, чтоб вместе улететь.
Иль ты, иль я, иль оба мы должны
Сопутствовать ему.

ТИБАЛЬДО

Мальчишка жалкий,

Ты был его приятелем, и ты
С ним полетишь.

РОМЕО

Ну, это меч решит.

Они дерутся; Тибальдо падает.

БЕНВОЛИО

Беги, беги, Ромео!
Тибальд убит, и граждане в тревоге.
Чего ж ты здесь растерянный стоишь?
Приговорит тебя ведь герцог к смерти,
Когда тебя застанут здесь. Беги!

РОМЕО

Моя судьба глумится надо мною.

БЕНВОЛИО

Что ж ты стоишь? Беги, беги, Ромео!
Ромео уходит. Сбегаются толпа граждан.

1-Й ГРАЖДАНИН

Куда бежал тот, кто убил Меркуцио?
Куда ушел Тибальд, его убийца?

БЕНВОЛИО

Вот он лежит.

1-Й ГРАЖДАНИН

Вставай, иди за мной,
Я требую во имя государя.
*Входят герцог со свитой, Монтекки и Капулетти
с женами и другие.*

ГЕРЦОГ

Где подлые зачинщики резни?

БЕНВОЛИО

Я рассказать могу вам, государь,
Подробности несчастной этой ссоры.
Вот человек, которым был убит
Твой родственник Меркуцио. Лежит он
Убитый сам за то рукой Ромео.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Племянник мой Тибальдо, брата сын!
О, герцог, муж мой, дядя! пролилась
Кровь милого племянника! О, герцог,
О государь, когда ты справедлив,
За нашу кровь пролей ты кровь Монтекки!
Племянник мой!..

ГЕРЦОГ

Бенволио, кто был
Зачинщиком кровавой этой драки?

БЕНВОЛИО

Тибальдо, что убит рукой Ромео.
С ним ласково Ромео говорил,
Прося понять безумье этой ссоры;

Грозил ему и вашим гневом он;
Но это все, — хоть высказано было
С спокойствием во взглядах и словах
И с кроткою мольбою, — не могло
Взрыв бешенства Тибальда успокоить;
Остался он к внушениям мира глух —
И бросился с пронзающей сталью
На смелого Меркуцио; и тот,
Не менее горячий, чем Тибальдо,
С противником вступил в смертельный бой.
С воинственным презрением отражал он
Смерть от себя и отсылая обратно
Ее врагу, который, в свой черед,
Искусно отражал ее. Ромео
Вскричал: «Друзья, довольно, перестаньте!»
Быстрее слов была его рука —
И выбила клинки их роковые;
Но из-под ней успел уже Тибальд
Меркуцио нанести удар смертельный.
Тибальд бежал, но вслед за тем вернулся.
Тут бешенством Ромео закипел,
И в тот же миг они вступили в битву.
Еще меча я вынуть не успел,
Чтоб их разнять, как уж упал Тибальдо.
Убив его, Ромео убежал.
Вот истина, клянусь моею жизнью.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Он родственник Монтекки и, понятно,
Он, ради их, неправду говорит.
До двадцати сражавшихся тут было,
А между тем один Тибальд убит.
Прошу я вас о правосудии, герцог!
Обязаны вы правый суд свершить, —
Тибальд убит, его убил Ромео,
А потому и он не должен жить.

ГЕРЦОГ

Но он убил того, кто был убийцей
Меркуцио; за дорогую кровь
Меркуцио кто должен заплатить мне?

МОНТЕККИ

Конечно, не Ромео, государь!
Он другом был Меркуцио, и он
Убил того, кого б казнил закон;
Вот вся его вина.

ГЕРЦОГ

И за нее

Немедленно его мы изгоняем.
От ваших ссор и сами мы страдаем:
Тут пролилась родная кровь моя,
И накажу за это строго я,
Так что, неся тяжелую расплату,
Оплатите вы все мою утрату.
Ко всем мольбам останусь я глухим;
Ни слезы, ни мольбы, ни извиненья
Здесь искупить не могут преступленья,
И потому — не прибегайте к ним.
Пусть поспешит Ромео удалиться,
А если нет — он с жизнью простится.
Прощать убийц! да это все равно,
Что с ними быть в убийстве заодно.
Уходят.

СЦЕНА II

Комната в доме Капулетти.

Входит Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА

Вперед, вперед, на огненных ногах,
Неситесь быстрее, кони Феба,
К его дворцу. Когда б у вас взыщете
Был Фазтон, погнал бы он клоном
К закату вас, и ночь бы наступила

Немедленно. Любви подруга, ночь!
 Раскинь свое густое покрывало,
 Чтобы ничьи нескромные глаза
 Во тьме твоей Ромео не выдал;
 Чтоб кинулся в объятия он мой,
 Подкравшись неслышно и незримо.
 Влюбленные способны видеть все,
 Что нужно им, довольствуйся светом
 Их красоты; когда любовь слепа,
 То более всего ей ночь подходит.
 Приди же, ночь степенная, скорей, —
 Вся в черное одетая матрона, —
 И научи меня — как проиграть
 Мне в той игре, которую ведут
 Два девственных и непорочных сердца.
 Прикрой мою бунтующую кровь,
 Которая в лицо мне ударяет,
 Ты черною одеждою своей,
 Пока моя стыдливая любовь,
 Смелее став, не свыкнется с той мыслью,
 Что в истинной любви все — только
 скромность.

Приди же, ночь, скорей; приди, Ромео,
 Мой день во тьме; на крыльях этой ночи
 Ты явишься мне чище и белей,
 Чем первый снег у ворона на перьях.
 О, тихая, ласкающая ночь,
 Ночь темная, приди, дай мне Ромео.
 Когда же он умрет, возьми его
 И раздоби на маленькие звезды:
 Украсит он тогда лицо небес,
 Так что весь мир, влюбившись в ночь, не будет
 Боготворить спящий солнца свет.
 Купила я себе приют любви,
 Но не вошла еще я во владенье;
 Я продана сама, но покупщик
 Пока еще не пользуется мною.
 Мне этот день томителен, как ночь
 Пред праздником томительна ребенка,
 Который ждет и не дожидается дня,
 Чтобы надеть готовые обновки.

Входит кормилица с веревочною лестницей.

Но вот идет кормилица моя
 И весть несет. Небесным красноречьем,
 Мне кажется, владеет трот язык,
 Что имя лишь Ромео произносит.
 Что нового? Что у тебя там, няня?
 Веревки, что ль, которые тебе
 Велел принести Ромео?

КОРМИЛИЦА

Да, веревки.

(Бросает веревки на пол.)

ДЖУЛЬЕТТА

Ах, что с тобой? что ты ломаешь руки?

КОРМИЛИЦА

О, горе мне! Он умер, умер, умер!
 Пропали мы, погибли, синьорина!
 Злосчастный день! скончался, мертв, убит!

ДЖУЛЬЕТТА

Иль Небеса так злобны?

КОРМИЛИЦА

Зол Ромео,

А Небеса не могут злыми быть.

Ромео! о, Ромео! кто бы мог

Когда-нибудь себе представить это?

ДЖУЛЬЕТТА

Ты демон, что ль, что мучишь так меня?

Твои слова, ведь это — попытка ада!

Или убит Ромео сам себя?

Скажи лишь «да» — простое это слово,
 Простое «да» способно отравить
 Скорей, чем взгляд смертельный василиска.
 Я — уж не я, коль есть такое «да»,
 Когда глаза закрылись, о которых
 Ты скажешь «да». Так говори же «да»,
 Когда убит он; если ж нет, то — «нет».
 Ты порешишь одним коротким звуком,
 Блаженству мне отдаться или мукам.

КОРМИЛИЦА

Сама, сама я видела ту рану;
 Ужасный знак! — тут, на его груди...
 Несчастный труп, — и бледный точно пепел,
 Весь, весь в крови, в запекшейся крови!
 При виде том я в обморок упала.

ДЖУЛЬЕТТА

Разбейся же, о сердце: ты — банкрот,
 Разбейся вдруг; глаза мои, в темницу!
 Уж больше вам на воле не смотреть.
 Презренный прах, отдайся снова праху;
 Пусть кончится скитальчество твое
 Здесь на земле; ты и Ромео — оба
 Покойтесь вдвоем под крышкою гроба!

КОРМИЛИЦА

Тибальд, Тибальд, мой ласковый Тибальд,
 И лучший друг, какого я имела,
 Тибальд, такой честнейший господин!..
 И дожила я до его кончины!

ДЖУЛЬЕТТА

Какой на нас нанесся ураган?
 Ромео мой убит, Тибальдо умер!
 Мой дорогой кузен и мой супруг,
 Что мне еще дороже. Если так,
 Труби, труба, всеобщую гибель!
 Кто жив еще, коль этих двух уж нет?

КОРМИЛИЦА

Тибальд убит, его убил Ромео,
 И изгнан он.

ДЖУЛЬЕТТА

О, Боже, неужели

Тибальда кровь Ромео пролил?

КОРМИЛИЦА

Да.

Злосчастный день! да, да, он пролил, пролил!

ДЖУЛЬЕТТА

Цветущее лицо, с змеиным сердцем!
 Скрывался ли в таком прекрасном гроте
 Когда-либо дракон? Злодей-красавец!

Ты, ангелу подобный падший дух!

О, ворон злой, но в перьях голубицы!

Свирепый волк во образе ягненка!

Тварь гнусная с божественным челом!

Контраст всему, чем кажешься ты в виду!

Святой в грехах, в почете негодяй!

О, что ж тебе, природа, остается

Творить в аду, когда ты духу зла
 Дала приют в раю столь нежной плоти?

Видал ли кто столь чудный переплет

На книге с столь позорным содержанием?

Как мог обман подобный обитать

В таком дворце роскошном?

КОРМИЛИЦА

Нет в мужчинах

Ни совести, ни честности, ни правды;

И все они лгуны и лицемеры!

Никто из них не соблюдает клятв.

Где мой слуга? — Подай мне aqua vitae¹

Несчастье такое, это горе

¹ Живаявода (лат.). Здесь: водка.

До времени состарило меня...
Позор тебе, позор тебе, Ромео!

ДЖУЛЬЕТТА

Пусть волдыри покроют твой язык,
За эту брань. Не на позор Ромео
Родился в свет, и на его чело
Бессовестный позор взойти стыдится:
Оно есть трон, где восседает честь,
Единая властительница мира.
О, что за зверь была я, что его
Бранила так!

КОРМИЛИЦА

Но неужели хвалит
Того, кто был убийцею кузена?

ДЖУЛЬЕТТА

Могу ль о нем я дурно говорить?
Он мой супруг. — Мой бедный муж, кто имя
Твое добром помянет, если я,
Твоя жена не больше трех часов,
Его уже так истерзать успела?
За что ж убил, негодный ты, кузена?
За то, что он, негодный мой кузен,
Хотел убить тебя, мой муж. Прочь слезы
Безумные, вернитесь к своему
Источнику: вы — данники печали,
И счастьем дань ошибкой принесли.
Живет мой муж, которого Тибальдо
Хотел убить, а сам Тибальдо умер...
Все радость тут; из-за чего ж я плачу?
Но слово здесь я слышала одно,
Что хуже, чем Тибальда смерть: убило
Оно меня, и позабыть его
Желала б я; но в памяти моей,
Увы! оно настойчиво гнездится,
Как тяжкий грех у грешника в уме.
Тибальд убит, а мой Ромео изгнан!
И это «изгнан», только слово «изгнан»
Убило мысль о тысячах Тибальдо.
Тибальда смерть — достаточной горе,
Хотя бы все несчастье было в ней.
Но ежели, сообщество любя,
Беда с бедой должна соединяться,
То почему за вестью, что Тибальд
Убит, тотчас не сказано мне было,
Что мой отец, иль мать моя, иль оба
Скончались они? Такое горе
Я выплакать могла бы. Но сказать —
«Тибальд убит» и вслед за тем прибавить:
«Ромео изгнан» — значит умертвить
Отца и мать, Тибальдо и Ромео,
И самую Джульетту, — всех убит!
Ромео изгнан! Ужасу сих слов
Нет ни конца, ни меры, ни предела, —
Их бедствия нельзя изобразить.
Где мать, отец?

КОРМИЛИЦА

Рыдают над Тибальдом.
Ты к ним пойдешь? Я провожу тебя.

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, путь они слезами омывают
Там раны у покойника, а я
Об изгнанном Ромео буду плакать,
Когда уже просохнут слезы их.
Возьми веревки. — Бедные веревки,
Обмануты вы так же, как и я:
Ромео изгнан, путь к моей постели
Устроил он из вас, но я, девица,

Так и умру девицею-вдовой.
Кормилица, пойдём, возьми веревки,
Хочу я лечь на брачную постель.
Ромео мой не посетит ее,
Пусть смерть возьмет девицество мое!

КОРМИЛИЦА

Иди в свою ты комнату, а я
Найду его, чтобы тебя утешить.
Я знаю, где он. Слушай, твой Ромео
Здесь будет в эту ночь; пойду к нему —
Скрывается он в келье у Лоренцо.

ДЖУЛЬЕТТА

Иди, иди, отдай ему вот это
Кольцо; скажи, чтоб он пришел проститься.

Уходит.

СЦЕНА III

*Келья монаха Лоренцо.
Входят Лоренцо и Ромео.*

ЛОРЕНЦО

Ну, выходи, Ромео, выйди, трус;
Печаль в твои достоинства влюбилась,
И с бедствием повенчан ты.

РОМЕО

Отец,
Что нового? Чем герцог порешил?
Какое мне грозит знакомством горе,
Которого еще не знаю?

ЛОРЕНЦО

Мой милый сын, ты слишком хорошо
Знаком и так с угрюмою печалью.
Известие о приговоре принца
Тебе принес я.

РОМЕО

В чем он состоит?
Не в смерти ли?

ЛОРЕНЦО

Он не на столько строг:
Ты присужден не к смерти, а к изгнанию.

РОМЕО

К изгнанию? Будь милостив, скажи,
Что к смерти: мне страшной гораздо ссылка;
Не говори ты мне о ней, отец.

ЛОРЕНЦО

Ты изгнан лишь отсюда, из Вероны;
Не унывай: обширен Божий мир.

РОМЕО

Вне стен ее нет никакого мира;
Там мука лишь, чистилище и ад.
Изгнание отсюда есть изгнание
Из мира, а изгнание из мира
Есть та же смерть, с названием другим,
Неправильным; и, называя смерть
Изгнанием, ты голову мне рубишь
Секирою из золота, следя
С улыбкою за гибельным ударом.

ЛОРЕНЦО

О, смертный грех — твоя неблагодарность!
Проступок твой, по нашему закону,
Смерть заслужил, но добрый герцог наш,
Из милости к тебе, закон нарушил,
И приговор он смертный заменил
Изгнанием. Большая это милость,
И этого не понимаешь ты!

РОМЕО

Мученье, а не милость; небеса —
Здесь, где живет Джульетта. Каждый кот,

Собака, мышь, последнее творенье
 Ничтожное — живут здесь, в небесах, —
 Все на нее тут могут любоваться;
 Ромео — нет. У мух навозных больше
 Почетных прав, свободы для любви,
 Чем у него: они свободно могут
 К ее руке прекрасной припадать,
 Бессмертное блаженство похищать,
 По временам, с ее невинных губок,
 Что, в чистоте девической своей,
 Самих себя касался, краснеют.
 Дозволено все это делать мухам,
 Мне ж велено от этого бежать;
 Им — воля, мне — изгнание. И ты
 Мне говоришь, что ссылка лучше смерти!
 Иль у тебя нет яда под рукой,
 Иль острого ножа, или другого
 Готового орудия для смерти,
 Лишь бы не столь ужасного, как ссылка,
 Чтобы меня убить? — Я изгнан... О!
 Ведь это слово грешники в аду
 Со скрежетом и стоном произносят;
 Как у тебя, духовного лица,
 Врача души, решителя грехов
 И моего испытанного друга —
 Как у тебя теперь достало духом
 Меня терзать ужасным словом «изгнан»?

ЛОРЕНЦО

Помешанный, безумный человек!
 Дай мне сказать два слова.

РОМЕО

Чтоб опять

Заговорить о ссылке?

ЛОРЕНЦО

Я хочу

Оружье дать тебе, чтоб это слово
 Ты отразил. В беде услада — мудрость.
 Она тебя утешит и в изгнание.

РОМЕО

Опять оно, изгнание! — К черту мудрость!
 Не может, ведь создала она Джульетту,
 Переместить Верону, отменить
 Мой приговор. Когда она бессильна,
 То нечего о ней и говорить.

ЛОРЕНЦО

Я вижу, что нет слуха у безумцев.

РОМЕО

Как быть ему, когда у мудрецов
 Нет зрения?

ЛОРЕНЦО

Обсудим-ка с тобою

Твои дела.

РОМЕО

Как можешь ты судить
 О том, чего не чувствуешь? Когда бы
 Ты молод был, как я, любил Джульетту,
 Обвенчан был лишь час тому назад,
 Сведен с ума и умервил Тибальда
 И изгнан был, как я, — тогда бы ты
 Мог говорить; ты волосы бы рвал
 И на землю упал бы так, как я,
 Чтоб мерку снять для будущей могилы.

Стучат в дверь.

ЛОРЕНЦО

Вставай, уйди, Ромео! Милый, спрячься.

РОМЕО

Не спрячусь я, пока пары от вздохов
 Меня от глаз не скроют, как туман.

Стучат.

ЛОРЕНЦО

Кто там стучит? кто там? — Вставай, Ромео.
 Вставай; тебя здесь могут захватить.

Стучат.

Беги в мою мельницу. — Сейчас!
 О, Господи, как он упрям. — Илу!

Стучат.

Кто громко так стучится? Вы откуда?
 Что нужно вам?

КОРМИЛИЦА

Впустите, и тогда

Узнаете. Синьорою Джульеттой
 Я прислана.

ЛОРЕНЦО

О, если так, добро

Пожаловать.

КОРМИЛИЦА

Святой отец, скажите —

Где муж моей синьоры, где Ромео?

ЛОРЕНЦО

Вон, на полу, он опьянел от слез.

КОРМИЛИЦА

Как и моя синьора: с нею то же.
 О, горькое сочувствие! бедняжки!
 Как раз вот так лежит она и плачет
 Безудержно. — Да будьте же мужчиной;
 Ну, встаньте для Джульетты, для нее!
 Зачем вздыхать так глубоко?

РОМЕО

Ах, няня!

КОРМИЛИЦА

Синьор, синьор, ведь смерть — конец всему.

РОМЕО

Ты о Джульетте здесь упомянула?

Ну, что она? считает ли меня
 Она теперь убийцей закоснелым?
 Ведь колыбель счастливых наших дней
 Я запятнал столь близкою ей кровью!
 Что делает, что говорит она,
 Она, моя супруга в тайном браке, —
 Теперь, когда расторгнут наш союз?

КОРМИЛИЦА

Да ничего не говорит, все плачет;
 То упадет в постель, то вскочит снова,
 Зовет Тибальда, вскрикнет вдруг «Ромео!»
 И падает.

РОМЕО

Как будто это имя

Убьет ее внезапно, точно пуля,
 Подобно как ее кузен убит
 Проклятою рукой того ж Ромео!
 Скажи, монах, скажи мне, где та часть
 Презренная вот этой самой плоти,
 Где имя то гнездится, чтобы я
 Разрушить мог приют тот ненавистный!

(Вынимает меч.)

ЛОРЕНЦО

Мужчина ль ты? По виду — да, мужчина,
 Но женские ты проливаешь слезы
 И действуешь, как неразумный зверь.
 О, женщина, во образе мужчины,
 В двух видах зверь! меня ты изумляешь.
 Клянусь святым я орденом моим,
 Я думал, что характером ты тверже.
 Ты умервил Тибальда, а теперь
 Себя убить ты думаешь — и вместе
 Убить жену, живущую тобою,
 Проклятие обрушив на себя!
 Что восстаешь ты на свое рождение,
 На небо, землю, — так как все они

В тебе слились, и ты намерен разом
 Расторгнуть их тройной союз. Стыдись!
 Позоришь ты свой образ и свой разум,
 Свою любовь, — ты ими наделен
 С избытком, но, как ростовщик, не хочешь
 Извлечь из них ту истинную пользу,
 Которая украсила бы их.
 Что сделалось с твоею благородной
 Наружностью? На восковую куклу
 Ты стал похож, утратил твердость мужа;
 Твоя любовь — лишь клятвопреступление,
 Так как убить ты хочешь ту любовь,
 Которую покаялся ты лелеять;
 Твой ум, краса и тела и любви,
 В поступках их обоих исказился:
 Как порох у неловкого солдата
 В его суме: он вспыхнул вдруг, — и ты
 Разорван им, не зная — как владеть
 Орудием для собственной защиты.
 Ну, полно, встань, ободришь; ведь, Джульетта,
 Из-за которой чуть не умер ты,
 Жива, — и в этом случае ты счастлив.
 Тебя Тибальд хотел убить, но ты
 Убил его, — и здесь ты тоже счастлив.
 Закон, что смерть сулил тебе, смягчен:
 Ты не казнен, а изгнан, — снова счастье!
 Да, сыплются все блага на тебя,
 Фортуна льнет к тебе, облекшись в лучший
 Наряд, но, как сердитая девчонка,
 Ты дуешься на счастье свое
 И на любовь свою. Остерегайся, —
 Не то — дойдешь до жалкого конца.
 Ступай к своей возлюбленной, как было
 Условлено; к ней в комнату войди,
 Утешь ее; но там не оставайся
 До той поры, как ставят часовых, —
 Иль в Мانتую тебе уж не пробраться.
 Жди в Мантуе, пока мы не найдем
 Возможности всем объявить о браке,
 С ним помиришь друзей и испросить
 Прощения у герцога. В Верону
 Мы вызовем тогда тебя, — и радость
 Твоя сильнее в сто тысяч будет раз,
 Чем этот плач при отправлении в ссылку.
 Кормилица, ступай вперед, поклон
 Мой передай синьоре; пусть уложит
 Пораньше всех своих домашних спать, —
 Немудрено устроить это: все
 Утомлены своим тяжелым горем.
 Скажи ей, что идет Ромео.

КОРМИЛИЦА
 Боже!

Готова я остаться тут всю ночь —
 Разумные такие речи слушать.
 Ученость-то, ученость-то что значит!
 Я госпоже моей скажу, синьор,
 Что вы сейчас придете.

РОМЕО
 Хорошо.

Скажи, чтобы она была готова
 Меня бранить.

КОРМИЛИЦА

Вот вам кольцо от ней.
 Скорей, синьор, становитесь уж поздно.

Уходит.

РОМЕО

Как это все ободрило меня!

ЛОРЕНЦО

Иди, иди; спокойной ночи. Помни:
 Твоя судьба зависит от того,

Чтоб здесь не быть, как станут ставить стражу,
 Или чуть свет уйти переодетым.
 Жди в Мантуе: чрез твоего слугу,
 Которого я отыщу, ты будешь,
 По временам, известья получать
 О всем, что здесь в твою случится пользу.
 Дай руку мне; уж поздно; ну, прощай,
 Спокойной ночи.

РОМЕО

Если б эта радость,
 Что выше всех других, не призывала
 Меня теперь, то было б горько мне
 С тобою так поспешно разлучиться.
 Прощай.

(Уходит.)

СЦЕНА IV

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, синьора Капулетти и Парис.

КАПУЛЕТТИ

Синьор, у нас теперь такое горе,
 Что времени еще мы не нашли
 Поговорить с Джульеттой; ведь она
 Любила так Тибальда, да и я
 Его любил. Что делать, родились мы,
 Чтоб умереть. Теперь уж очень поздно,
 Сегодня уж она не выйдет к нам.
 Я сам уж был бы час назад в постели.
 Когда б не ваше общество.

ПАРИС

В такие
 Минуты горя не до сватовства.
 Синьора, доброй ночи; передайте
 Поклон мой синьорине.

СИНЬОРА
 КАПУЛЕТТИ

Передам

И спрошу Джульетту завтра утром,
 Что думает она на этот счет.
 Теперь она вся отдалась печали.

КАПУЛЕТТИ

Синьор Парис, решаюся поручиться
 Я за любовь к вам дочери мойей.
 Я думаю, — нет, я не сомневаюсь, —
 Она во всем послушна будет мне.
 Жена, сходи к ней, прежде чем ты ляжешь
 В свою постель, и сообщи ей точас
 О предложеньи сына моего
 Париса; и скажи ты ей, что в среду...
 Но что у нас сегодня?

ПАРИС

Понедельник.

КАПУЛЕТТИ

Ужели? Ну, так в среду слишком рано,
 А пусть в четверг. Скажи ей, что в четверг
 Венчается она вот с этим графом.
(Парусу)

Вы будете ль готовы к четвергу,
 И нравится ль такая вам поспешность?
 Отпразднуем мы свадьбу поскромней:
 Вот видите, Тибальд убит недавно,
 А так как он наш родственник, то скажут,
 Что смерть его нам ни по чем, когда
 Мы пировать уж слишком шумно будем.
 Поэтому, с подложники друзей —
 И только. Что же думаете вы
 О четверге?

ПАРИС

Синьор, желал бы я,
 Чтобы четверг был завтра!

КАПУЛЕТТИ

Хорошо.

Итак, в четверг. Жена, иди к Джульетте
И сообщи о дне венчания ей.
Синьор Парис, прощайте. — Эй, огня
Мне в комнату! Светите мне. Теперь
Так поздно, что сейчас нам будет можно
Сказать, что очень рано. — Доброй ночи!
Уходят.

СЦЕНА V

*Комната Джульетты.**Входят Ромео и Джульетта.*

ДЖУЛЬЕТТА

Как! хочешь ты уйти? Но далеко
Еще до дня. Не жаворонок это,
А соловей твой робкий слух встревожил;
Он по ночам всегда поет вон там,
На дереве гранатовом. Поверь мне,
Мой дорогой, ты слышал соловья.

РОМЕО

Не соловей, а жаворонок пел.
Смотри, моя любовь, как на востоке
Расходятся друг с другом облака
И полосы завистливые света
Подобно бахроме, охватывают их.
Светильники ночные догорели;
Веселый день на цыпочках стоит,
Смотря через туманные вершины
Высоких гор. Я должен уходить,
Чтоб быть живым; иль здесь еще остаться —
И умереть.

ДЖУЛЬЕТТА

Не утренний то свет,
А метеор; его послало солнце,
Чтоб он твоим факелоносцем был
И освещал до Мантуи дорогу.

РОМЕО

Пускай меня захватят и убьют;
Согласен я, когда тебе угодно.
Я признаю, что тот вон серый свет
Не утра луч, а только бледный отблеск
От Цинтии; не жаворонка песнь
Небесный свод над нами оглашает.
Приятней мне остаться, чем уйти.
Приди же, смерть! Джульетта так желает.
Не правда ли, моя душа? Мы будем
Беседовать, — теперь еще не день.

ДЖУЛЬЕТТА

День, день! Спеши, беги скорей отсюда!
То жаворонок фальшиво так поет, —
Противная, пронзительная песня! —
А говорят, мелодия в ней есть,
Приятные для слуха разделения;
Неправда все: он разделяет нас.
Слыхала я, что с жабою глазами
Он поменялся: как желала б я,
Чтоб голосом он поменялся тоже!
Встревожил нас он голосом своим;
Объятия он наши расторгает,
И, свой привет трубя лучам дневным,
Отсель тебя, мой милый, прогоняет.
Иди, иди, растет все больше свет.

РОМЕО

И вместе с ним — тьма наших мрачных бед.

Входит кормилица.

КОРМИЛИЦА

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА

Что ты, няня?

КОРМИЛИЦА

Ваша мать —

Идет сюда; смотрите, берегитесь —
Уже рассвет.

ДЖУЛЬЕТТА

Впусти же день, окно,
И жизнь мою ты выпусти отсюда.

РОМЕО

Прощай, прощай! Один лишь поцелуй,
И я спущусь.

(Спускается по веревочной лестнице.)

ДЖУЛЬЕТТА

Уж ты ушел, мой милый,
Моя любовь, мой муж, властитель, друг!
О, каждый день в течение часа
Должна иметь я о тебе известия:
Ведь для меня так много дней в минуте!
По этому расчету сильно я
Состареюсь до той поры, как снова
Увижу я Ромео моего.

РОМЕО

Прощай, мой друг; поверь, не пропущу
Ни одного я случая — послать
Тебе привет сердечный, дорогая.

ДЖУЛЬЕТТА

Ты думаешь, мы свидимся опять?

РОМЕО

Да, в этом я сомненья не имею;
И обо всех печалях этих нам
Со временем приятно будет вспомнить.

ДЖУЛЬЕТТА

О, Господи, к предчувствиям зловещим
Склонна душа моя: теперь, когда
Ты там, внизу, сдается мне, что вижу
Я мертвеца во глубине могилы...
Или глаза так изменяют мне,
Иль бледен ты.

РОМЕО

Поверь, что точно так же
Ты бледною мне кажешься отсюда.
Скорбь жадная пьет нашу кровь. Прощай!

Уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

Тебя зовут изменчивой, Фортуна;
А если ты изменчива, то что
Тебе до тех, кто верен? Оставайся
Изменчивой: тогда, надеюсь, ты
Вернешь его мне скоро.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

(за сценой)

Дочь, ты встала?

ДЖУЛЬЕТТА

Кто там зовет? Не мать ли? Неужели
Она еще спать не легла, до поздней
Такой поры, или так рано встала?
Зачем она идет в подобный час?

Входит синьора Капулетти.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Джульетта, как ты чувствуешь себя?

ДЖУЛЬЕТТА

Нехорошо.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Все плачешь о кузене?

Иль из земли его ты хочешь вырыть
Потоком слез? Когда б ты и могла,
То все ж его ты воскресить не можешь.
Оставь свой плач: печаль есть знак любви,
Излишество печали — безрассудство.

ДЖУЛЬЕТТА
Но дайте мне поплакать о такой
Чувствительной утрате.
СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Так ты будешь
Лишь чувствовать свою утрату: друга
Не воскресишь.

ДЖУЛЬЕТТА
Но, чувствуя утрату,
Я не могу не плакать и о друге.
СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Нет, девочка, не столько о Тибальдо
Ты плачешь, как о том, что жив мерзавец,
Что умертвил его.

ДЖУЛЬЕТТА
Какой мерзавец?
СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Да тот же все, Ромео.

ДЖУЛЬЕТТА
(в сторону)
Вот уж это
Название совсем нейдет к нему.

(Громко)
Прости ему Господь, а я прошоаю
От всей души, хотя никто, как он,
Не причинял еще мне столько горя.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Тем именно, что он, убийца, жив.

ДЖУЛЬЕТТА
И далеко от рук моих. Никто бы
Не мог отметить так хорошо, как я,
За смерть кузена!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
О, не беспокойся:
Мы отомстим, Джульетта. Полно плакать.
Там, в Мантуе, где этот подлый ссыльный
Теперь живет, есть некто у меня
Кому я поручу поднести такого
Питья ему, что и Ромео скоро
Отправится к Тибальду; и тогда,
Надеюсь, ты довольна будешь.

ДЖУЛЬЕТТА
Нет.

Не буду я довольна до тех пор,
Пока его я не увижу... мертвым...
Да мертвым стало сердце у меня,
Тоскуя о покойнике. Сеньора,
Найдите лишь такого человека,
Который бы отнес Ромео яд;
А я его так хорошо составлю,
Что тотчас же спокойно он заснет,
Приняв его. Как больно сердцу — слышать
Ромео имя и не обладать
Возможностью пойти к нему тотчас же,
Чтоб всю любовь, которую к Тибальдо
Питала я, обрушить на убийцу!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Готовь свой яд; такого человека
Я отыщу. Теперь же, дочь моя,
Скажу тебе я радостную новость.

ДЖУЛЬЕТТА
В столь грустные минуты радость к стати;
В чем эта новость состоит, сеньора?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Дитя мое, заботлив твой отец:
Чтобы тебя избавить от печали,
Он выбрал день для радости внезапной,
Нежданной для тебя и для меня.

ДЖУЛЬЕТТА
Какой же день? Какая это радость?
СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Дитя мое, в четверг, поутру, в храме
Петра тебя прекрасный граф Парис,
Достойный, благородный, назовет
Счастливою своей женой.

ДЖУЛЬЕТТА
Нет, храмом
Петра клянусь, святым Петром клянусь,
Что не назвать ему меня женою!
Да и притом, я так изумлена
Поспешностью такою. Как возможно,
Венчаться с тем, кто моего согласья
На этот брак не спрашивал? Сеньора,
Пожалуйста, скажите вы отцу,
Что выходить я замуж не желаю
Покуда; а когда пойду, клянусь,
Я выберу скорее уж Ромео, —
Которого так ненавижу я, —
Чем графа. Да, действительно, сказали
Вы новость мне!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Вот твой отец идет.
Скажи ему сама, и ты увидишь —
Как примет он решение твое.

Входят Капулетти и кормилица.
КАПУЛЕТТИ
С закатом дня роса на землю сходит,
Но моего племянника закат
Принес нам дождь. Что, девочка-фонтан?
Ты все в слезах, не унялся их ливень?

Теперь в твоём миниатюрном теле
И море есть, и ветер, и ладья:
Твои глаза, что я назвал бы морем,
Вздыхают приливом горьких слез;
Средь этого соленого потока
Плывет ладья — твое, Джульетта, тело;
А ветер, что с потоком этим спорит
Так бешено, изображают вздохи.
И если штиль внезапный не придет,
Твою ладью сломает эта буря.
Ну, что, жена, передала ты ей,
Что мы с тобой решили?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ
Да, сеньор;
Но ничего она не хочет слышать,
И вас она благодарит. Уж лучше б
С могилой ей, безумной, повенчаться!

КАПУЛЕТТИ
Постой, жена; дай мне понять, — ужели
Ломается и нам неблагодарна?
Иль гордости не чувствует она?
Или себя счастливой не считает
Тем, что в мужа мы выбрали для ней
Достойного такого человека?

ДЖУЛЬЕТТА
Я выбором подобным не горжусь,
Но за него я все ж вам благодарна.
Я не могу гордиться тем, что мне
Не нравится, но благодарной быть
Могу я и за ненавистный дар,
Придуманный любовьюю.

КАПУЛЕТТИ
Что за вздор!
Ты чересчур мудришь. Что это значит?
То я «горжусь», «и вас благодарю»,
То «не горжусь», «и все же благодарна»,
Но, госпожа причудница, оставь, —

Не нужно мне твоих благодарений,
Ни гордости, — а к четвергу говов
Прекрасные суставчики свои,
Чтобы идти во храм Петра с Парисом,
Иль я тебя насильно поташу.
Прочь с глаз моих, зеленый ты стерженок!
Вон, сволочь, дрянь, с безжизненным лицом!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Ну, можно ль так? Иль ты сошел с ума?

ДЖУЛЬЕТТА

Отец, молю вас выслушать меня
С терпением; сказать мне дайте слово.

КАПУЛЕТТИ

Прочь от меня, негодная девчонка,
Упрямая ты тварь! знай наперед:
Или в четверг отправившись ты в церковь,
Иль никогда являться мне не смей.
Молчи, не возражай, не отвечай мне;
Мои уж руки чешутся... Жена,
Считали мы благословением Бога,
Что Он нам дал одну лишь эту дочь;
Но вижу я теперь, что и одна —
Излишний дар, что в ней проклятье наше.
Прочь, подлая!

КОРМИЛИЦА

Спаси ее, Господь!

Стыд вам, синьор, так девочку позорить.

КАПУЛЕТТИ

А почему, моя синьора Мудрость?
Сдержи язык, благая Осторожность,
Ступай болтать с подобными себе.

КОРМИЛИЦА

Я ничего дурного не сказала.

КАПУЛЕТТИ

Проваливай!

КОРМИЛИЦА

Иль говорить нельзя?

КАПУЛЕТТИ

Молчи, молчи, бормочущая дура!
Побереги премудрость ты свою
Для болтовни за чаркою; а нам
Нужды в ней нет.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Ты слыхом горячишься.

КАПУЛЕТТИ

Но, Господи Владыка! это сводит
Меня с ума. Ведь я и днем и ночью,
Во всякий час, за делом, за игрой,
Наедине и в обществе — все думал,
Как мужа ей найти — и вот, наконец
Ей жениха из знатного семейства:
Он молод, и воспитан, и богат,
Красив, умен; он обладает всем,
Чего желать возможно человеку; —
И вдруг теперь — вот эта дура, плакса
Негодная, вот эта кукла, дрянь,
Когда само ей счастье лезет в руки,
Ломается и хнычет: «не пойду
Я замуж», «я еще так молода»,
«Я не могу любить его»; «простите,
Прошу я вас». Ну, хорошо, прошу;
Но если ты не выйдешь замуж, то
Питайся, где ты хочешь — ты не будешь
Со мною жить. Подумай же об этом
И вспомни, что шутить я не привык.
Коль ты мне дочь, ты выходи за графа.
Не выйдешь — так повесься, голодай,
Будь нищеню, на улице подохни, —
Но никогда — клянусь моей душой! —

Я дочью тебя уж не признаю,
Мое твоим не будет никогда.
Подумай же и знай: сдержу я клятву.

Уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

Иль в Небесах нет жалости? Ведь взор их
До дна моей печали проникает.
Мать милая, не прогоняй меня,
Прошу я вас отсрочить брак на месяц,
Хоть на неделю; если же нельзя,
Устройте мне вы брачную постель
В том темном склепе, где лежит Тибальдо.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Не говори: я отвечать не буду.
Что хочешь, то и делай; я с тобою
Покончила.

Уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

О Господи! ах, няня,
Что делать мне? как избежать мне брака?
Муж на земле, а клятва в небесах:
Возможно ль ей на землю возвратиться.
Пока мой муж сам не пришлет ее
Сюда с небес, оставив эту землю?
Дай мне совет, утешь меня. Увы,
Увы, зачем, с какою целью Небо
Устроило такую западню
Против меня, столь слабого создания?
Что скажешь ты? иль слова утешения
И радости нет, няня, у тебя?

КОРМИЛИЦА

Есть. Вот оно: Ромео твой — изгнанник;
Всем поручусь, что не посмеет он
Явиться здесь, чтоб требовать супругу;
Прийти сюда он может лишь тайком.
Итак, тебе, я полагаю, лучше
За графа выйти. Славный господин!
В сравнении с ним Ромео — просто тряпка.
Таких живых, прекрасных, светлых глаз,
Как у него, нет у орла, синьора!
Я думаю — и клятву я даю, —
Что счастлива ты будешь в этом браке.
Он первый брак твой превосходит всем.
Но если бы он даже был не лучше,
То первого теперь уж мужа нет:
Хоть он и жив, но для тебя он умер.

ДЖУЛЬЕТТА

Ты говоришь от сердца?

КОРМИЛИЦА

И от всей

Моей души. На сердце и на душу —
Проклятие, когда не так.

ДЖУЛЬЕТТА

Аминь.

КОРМИЛИЦА

Что?

ДЖУЛЬЕТТА

Ты чудно так утешила меня.
Теперь ступай и матушке скажи,
Что я ушла к духовнику, к Лоренцо.
Разогорчив отца, в моем грехе
Я принести желаю покаянье.

КОРМИЛИЦА

Сейчас иду. Вот это — так умно.

Уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

О, демон злой, проклятая старуха!
Что может быть преступней, как желать,
Чтобы свою нарушила я клятву,
Иль унижать так мужа моего,

Тем языкам, что столько тысяч раз
Превозносил его превыше меры?
Советница негодная, иди;
Отныне мы чужие друг для друга.
Пойду спрошу — что скажет мне монах:
Коль средства нет, то мужество и силу
Имею я — сама сойти в могилу.
Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. СЦЕНА I

*Келья монаха Лоренцо.
Входят Лоренцо и Парис.*

ЛОРЕНЦО

В четверг, синьор? Короткий это срок.

ПАРИС

Так хочет тесть мой, Капулетти; я же
Не думаю препятствовать ему.

ЛОРЕНЦО

Сказали вы, что мыслей синьорины
Не знаете: не гладкий это путь,
Не нравится мне это.

ПАРИС

О Тибальдо

Она так плачет, что не мог я с нею
Поговорить, как должно, о любви:
Ведь в доме слез Венера не смеется.
Ее отец опасность видит в том,
Что дочь такой печали предается,
И с свадьбою торопит он, чтоб слезы,
Что льет она средь одиноких дум,
Остановить сообществом супруга;
Вот почему спешит он.

ЛОРЕНЦО

(в сторону)

Я б желал

Не знать причин, препятствующих свадьбе.

(Прямо)

Вот и она идет сюда, синьор.

Входит Джульетта.

ПАРИС

Я счастлив, что вас встретил, синьорина,
Моя жена.

ДЖУЛЬЕТТА

Быть может, если только

Могу я быть женою.

ПАРИС

Вы должны

И будете моей женой в четверг.

ДЖУЛЬЕТТА

Что быть должно, то будет.

ЛОРЕНЦО

Это верно.

ПАРИС

На исповедь к духовному отцу
Пришли вы?

ДЖУЛЬЕТТА

Вам ответить — было б то же,

Что каяться пред вами во грехах.

ПАРИС

Не отрицайте перед ним своей
Любви ко мне.

ДЖУЛЬЕТТА

Пред вами я покаюсь,

Что я люблю его.

ПАРИС

Ну, а ему

Покайтесь, что любите меня.

ДЖУЛЬЕТТА

Когда я это сделаю, тогда

Признание мое ценнее будет,
Чем если б я призналась вам в глаза.

ПАРИС

Бедняжка, как лицо твое от слез
Поблекло!

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, вреда ему большого
Не сделали они: оно и так,
До этих слез, уж было некрасиво.

ПАРИС

Ты больше слез вредишь ему словами.

ДЖУЛЬЕТТА

Но истина — не клевета; притом,
Ведь о своем лице я говорю.

ПАРИС

Оно мое, ты ж на него клеветешь.

ДЖУЛЬЕТТА

Быть может — да, так как оно не мне
Принадлежит. Святой отец, теперь
Свободны ль вы, иль около вечерни
Прийти мне к вам?

ЛОРЕНЦО

К твоим услугам я.

Синьор, мы с ней должны одни остаться.

ПАРИС

Избави Бог, чтоб в деле покаянья
Я стал мешать. Джульетта, разбужу
Я рано вас в четверг. Теперь — прощайте,
Примите мой священный поцелуй.

Целует ее и уходит.

ДЖУЛЬЕТТА

О, дверь запри, и будем вместе плакать;
Нет помощи, спасенья для меня!

ЛОРЕНЦО

Известно мне твое, Джульетта, горе;
Как тут помочь — придумать не могу.
Я слышал, ты в четверг должна венчаться:
Ничем нельзя отсрочить этот брак.

ДЖУЛЬЕТТА

Не говори, что ты об этом слышал,
А научи — как это устроить.
Коль мудростью своей не в состоянья
Ты мне помочь, то назови хоть мудрым
Решение мое, — и этот нож
Сейчас меня от бедствия избавит.

Душой сам Бог соединил меня
С Ромео; ты соединил нам руки, —
И прежде чем вот этою рукой
Я договор скреплю о новом браке
Иль моему Ромео изменю,
Чтобы отдать другому это сердце, —
Погибнут пусть и сердце, и рука.

Пусть опытность преклонных лет научит
Тебя — подать мне тотчас же совет;
Не то — между моей бедой и мною
Посредником вот этот будет нож,
И он решит — там, где твой ум и опыт
Мне честного исхода не дадут.
Ну, говори скорее, не томи, —
Я без того томлюсь от нетерпенья:
Смерть, смерть скорей, когда уж нет спасенья!

ЛОРЕНЦО

Послушай, дочь: надежду вижу я,
Но тут нужна отчаянная смелость,
Настолько же отчаянная, как
То бедствие, что отвратить нам нужно.
Когда уж ты решилась умереть
Скорее, чем за графа выйти замуж,
То предпочтешь ты настоящей смерти
Притворную, чтоб избежать стыда,

Влекущего тебя к самоубийству.
Коль ты смела, то способ я найду.

ДЖУЛЬЕТТА

О, только бы не выходить за графа!
Вели ты мне с высокой башни прыгнуть,
Ийти к вора́м, с змеями пресмыкаться,
Или закуй меня с медведем на цепь,
Иль на ночь в склеп, наполненный костями
Смердящими и грудой черепов,
Меня запри, иль в свежую могилу
Вели мне лечь под саван мертвеца, —
Все, все, о чем и слышать не могу я
Без трепета, готова сделать я,
Без всякого сомнения и страха,
Чтоб милому Ромео моему
Остаться мне женою безупречной.

ЛОРЕНЦО

Так слушай же: иди теперь домой;
Будь весела и изъяви согласие
На этот брак. Ведь завтра среда, —
Так завтра в ночь одна останься в спальне.
Кормилице спать в комнате твоей
Не позволяй. Возьми вот эту склянку
И выпей всю. По жилам у тебя
Холодная тогда польется влага,
Твой пульс замрет; ни тела теплота,
Ни слабое дыхание не выдаст,
Что ты жива; румянец губ и щек
В безжизненный цвет пепла превратится,
Опустятся покровы глаз твоих,
Подобно как у мертвых при кончине,
И пролежишь ты сорок два часа,
Как будто бы в оцепенении смерти.
Затем как бы от сладостного сна
Пробудишься. Когда придет поутру
Жених, чтобы невесту разбудить,
Тебя найдут уж мертвою в постели;
В парадные одежды облекут,
И отнесут тебя в открытый гробе
В семейный склеп усопших Капулетти.
Я, между тем, Ромео извещу.
Он явится к назначенному сроку,
И вместе с ним я буду ожидать
Там твоего от смерти пробуждения.
И в ту же ночь он в Мантюю с тобой
Отправится; грозящего позора
Избегнешь ты, когда непостоянство
Иль женский страх тому не помешает.

ДЖУЛЬЕТТА

Дай склянку мне! Не говори о страхе.

ЛОРЕНЦО

На, вот, возьми и уходи; будь твердой
И счастливой в решении своем.
Я в Мантюю сейчас пошлю монаха
С моим письмом к супругу твоему.

ДЖУЛЬЕТТА

Любовь, пошли мне твердость! Только

твердость

Спасет меня. — Прощайте, мой отец.

Уходят.

СЦЕНА II

Комната в доме Капулетти.

Входят Капулетти, синьора Капулетти, кормилица и слуги.

КАПУЛЕТТИ

(одному из слуг)

Кто только здесь показан в этом списке,
Всех пригласи.

Слуга уходит.

(Другому слуге)

А ты ступай — найми

Десятка два хороших поваров.

2-й СЛУГА

Я не приведу ни одного плохого, синьор; я
испытаю их: посмотрю — облизывают ли они
свои пальцы.

КАПУЛЕТТИ

Да в чем же тут испытание?

2-й СЛУГА

А вот в чем, синьор: плох тот повар, который
не облизывает своих пальцев; значит, такого я
и не найму.

КАПУЛЕТТИ

Ступай, ступай!

2-й слуга уходит.

На этот раз мы сладим пир кой-как.

Где дочь моя? Пошла к отцу Лоренцо?

КОРМИЛИЦА

Так точно.

КАПУЛЕТТИ

Пусть; быть может, вразумит
Он дерзкую, капризную девчонку.

Входит Джульетта.

КОРМИЛИЦА

Смотрите, вот она идет сюда,
Веселая.

КАПУЛЕТТИ

Ну что, где ты шаталась,
Упрямца?

ДЖУЛЬЕТТА

Там, где меня учили
Раскаяться в сопротивлении вам.
Святой отец Лоренцо мне велел
Просить у вас прощенья на коленях.
Простите же, я умоляю вас;
Отныне вам я навсегда послушна.

КАПУЛЕТТИ

Послать за графом, известить его,
И завтра же скрепим мы этот узел.

ДЖУЛЬЕТТА

С ним встретилась я в келье у Лоренцо
И с ним была любезна, как мгла,
Приличия границ не нарушая.

КАПУЛЕТТИ

Я очень рад; прекрасно это; встань;
Давно бы так. — Мне нужно видеть графа.
Ступайте же, я говорю, — просите
Его ко мне. Клянусь я богом, это
Почтенный и святой монах; ему
Весь город наш обязан многим.

ДЖУЛЬЕТТА

Няня,

Иди со мною в комнату мою,
И помоги мне выбрать украшения,
Приличные для завтрашнего дня.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Для четверга; теперь еще не к спеху.

КАПУЛЕТТИ

Иди с ней, няня; завтра — в церковь мы.

Джульетта и кормилица уходят.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Не справится нам к завтрашнему дню:
Почти уж ночь.

КАПУЛЕТТИ

Молчи, я все улажу.

Ручаюсь я, все выйдет хорошо.
Иди к Джульетте, помоги ей выбрать
Себе наряд; я уж не лягу спать;

Оставь меня: на этот раз я буду Хозяйкою. Эй, вы! — Все разошлись. Ну, так я сам отправлюся к Парису. Сказать, чтоб он назавтра был готов. Как на сердце легко теперь, когда Опомнилась капризная девчонка.

СЦЕНА III

*Комната Джульетты.**Входят Джульетта и кормилица.*

ДЖУЛЬЕТТА

Да, лучше всех других вот эти платья. Но, милая, оставь меня одну. На эту ночь; мне нужно помолиться Усерднее, чтоб Небеса своей Улыбкою мне озарили душу, Которая, как знаешь ты сама, Исполнена греха и непокорства.

Входит синьора Капулетти.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Вы заняты? Не нужно ль вам помочь?

ДЖУЛЬЕТТА

Нет, мы уже все выбрали, что нужно И что идет для завтрашнего дня. Теперь одной позвольте мне остаться; Пусть няня с вами булет эту ночь: У вас теперь хлопот не оберешься.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Спокойной ночи; ляг в постель, усни: Ты так теперь нуждаешься в покое.

Синьора Капулетти и кормилица уходят.

ДЖУЛЬЕТТА

Прощайте. — Богу одному известно, Когда мы с ней увидимся опять. Холодный страх по жилам пробегает; Мне кажется, что жизни теплоту Он леденит. Я позову их снова, Чтобы они ободрили меня. Кормилица! — К чему? Что ей здесь делать? Должна одна я сцену разыграть Ужасную. Сюда, фиал!

Что, если не подействует микстура? Должна ль тогда венчаться завтра я? Нет, нет; вот в чем мое спасенье будет. Лежи вот здесь. А если это яд, Что мне хитро поднес монах, желая Меня убить, чтоб свадьбу устранить, Которую он был бы обещен, Так как меня с Ромео повенчал? Боюсь, что так. Однако, нет, едва ли, — Не допущу я этой мести злой: Он до сих пор был свястостью известен.

Что, если я проснусь в своем гробу До времени, когда придет Ромео, Чтоб выручить меня? Вот что ужасно! Не задохнусь ли в этом склепе я? — В смерлящий рот его не проникает Здоровый воздух... Не умру ль я прежде, Чем явятся Ромео мой? — А если Останусь я жива, — то мысль одна, Что смерть кругом и ночь, весь ужас места, Старинный склеп, где столько уж веков Всех Капулетти кости погребались И где лежит Тибальд окровавленный, Еще недавно так похороненный, Гниющий там под саваном своим; Где, говорят, умерших тени бродят, В известные часы ночной порой... Увы, увы! ужель невероятно, Что рано так проснувшись в этом смраде И слушая стенания кругом,

Похожие на стоны мандрагоры, Когда ее из почвы вырывают, — Возможно ли мне не сойти с ума? О, если я среди ужасов подобных Проснусь вдруг, то не лишуся ли я Рассудка, и в безумии моем Не стану ль я играть костями предков, Не вырву ль я Тибальда труп кровавый Из савана и, в бешенстве, схватив Кость одного из праделов моих, Не размозжу ль той костью, как дубиной, В отчаяньи я голову себе? О, это что? Мне кажется, я вижу Тибальда тень... Ромео ищет он, Пронзившего его своей рапирой. Остановись, Тибальд! Иду, Ромео! Иду! Я пью вот это для тебя.

(Бросается на постель.)

СЦЕНА IV

*Зала в доме Капулетти.**Входят синьора Капулетти и кормилица.*

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Возьми ключи и пряностей различных Достань еще.

КОРМИЛИЦА

Там требуют айвы

И фиников к паштету.

Входит Капулетти.

КАПУЛЕТТИ

Шевелитесь!

Живей, живей. Кричал второй петух, Три пробило уже на колокольне. Анджелика, присматривай за всеми Печеньями, да не съкуси.

КОРМИЛИЦА

Уйдите,

Уйдите вы, болтун, да лягте спать, Не то — вы завтра будете больны, Не спавши ночь.

КАПУЛЕТТИ

Ни крошечки не буду:

Случалось мне глаз не смыкать всю ночь Из-за причин и более серьезных, — И никогда я болен не бывал.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Ну да, ведь ты повеса был известный, Любил ловить мышей ты по ночам; Но я теперь не дам тебе проказить.

Синьора Капулетти и кормилица уходят.

КАПУЛЕТТИ

Ревнивица!

Входят слуги с веретелами, дровами и корзинами.

КАПУЛЕТТИ

(одному из слуг)

Что же это ты несешь?

1-й СЛУГА

Для повара; но что — не знаю сам.

Уходит.

КАПУЛЕТТИ

Скорей, скорей!

(2-му слуге.)

Поди-ка принеси

Посуше дров; спроси о них у Пьетро, — Он знает, где они.

2-й СЛУГА

И у меня

Есть голова, чтоб отыскать дрова,

Я из-за них не потревожу Пьетро.

Уходит.

КАПУЛЕТТИ

Ну, молодец; отлично. Весельчак — Собачий сын! тебя бы нужно сделать Начальником поленьев. Боже мой, Совсем уж день; граф явится сейчас, И с музыкой, как это обещал.

(Музыка за сценой.)

Да вот слышна и музыка; он близко. Кормилица! жена! да где же вы?
Входит кормилица.

КАПУЛЕТТИ

Кормилица, ступай, буди Джульетту, Одень ее, а я пока пойду Потолковать с Парисом. Ну, скорее, Поторопись: жених уже пришел.
Уходит.

СЦЕНА V

*Комната Джульетты.**Джульетта лежит в постели. Входит кормилица.*

КОРМИЛИЦА

Сударыня! — Синьора! — госпожа! — Джульетта! — встань! — Как крепко спит она. Ягненок! — Вставай же! — Что за соня! Ну, золото, сокровище! — невеста! Да полно спать! — Как мертвая, ни слова! Иль выпасться ты хочешь наперед, За целую неделю? Да и вправду Парис не даст тебе сегодня спать. О, Господи! вот спит! не добудиться! Но так иль сяк, а нужно разбудить. Синьора! ведь жених тебя застанет В постели; он спугнет тебя, смотри! Да это что? Она уже оделась И снова спать легла. — Проснись! Синьора!.. Ах, спасите, помогите! Скорей сюда! Джульетта умерла! Зачем на свете я родилась? — Подайте Мне aqua vitae!.. Ах! — Синьор! Синьора!
Входит синьора Капулетти.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Что тут за шум?

КОРМИЛИЦА

О, злополучный день!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

В чем дело?

КОРМИЛИЦА

Вот смотрите, поглядите.

Беда, беда!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

О, Боже! Горе мне!

Моя дитя, единственная дочь, Очнись, взгляни, иль я умру с тобою. Спасите! Помогите! Ну, зови!
Входит Капулетти.

КАПУЛЕТТИ

Ведь, это срам! Что не идет Джульетта? Жених уж здесь.

КОРМИЛИЦА

Джульетта умерла!

Скончалась! вот, — мертва она; о, Боже!

КАПУЛЕТТИ

Что? Дайте мне взглянуть. — Увы! о, горе! Совсем, как лед! — в ней кровь остановилась, Суставы все оконечили; — жизнь Оставила давно уж эти губы; Смерть на нее напала, как мороз Нежданный, что нежнейший из цветков До времени на поле побивает.

КОРМИЛИЦА

Несчастный день!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

О, горестное время!

КАПУЛЕТТИ

Смерть, дочь мою отнявшая, сковала Язык мой, — я не в силах говорить.
Входят монах Лоренцо и Парис с музыкантами.

ЛОРЕНЦО

Готова ли идти невеста в церковь?

КАПУЛЕТТИ

Идти она готова; только ей Уж никогда оттуда не вернуться. Сын, в эту ночь, пред самым днем венчанья, Смерть спать легла с невестою твоей, И вот она, цветок, убитый смертью, Лежит здесь; и отныне смерть — мой зять, Наследник мой, с которым дочь моя Повенчана. О, я умру и смерти Оставлю все, — имущество и жизнь!

ПАРИС

А я-то, я: не мог утра дожидаться, И вот что мне оно дает!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

Проклятый,

Несчастный, гнусный, ненавистный день! Час горестный, какой когда-либо В течении своем видало время! Одна, одна, единственная дочь, Одно дитя, единственная радость — И ту взяла безжалостная смерть!

КОРМИЛИЦА

Вот горе-то! О, злополучный день, Плачевный день, несчастнейший из всех, Какие мне случилось в жизни видеть! Проклятый день!

ПАРИС

Обманут, разведен,

Поруган я, оплеван я, убит! Смерть гнусная, тобою я обманут, Низвергнут в прах. Любовь моя! о, жизнь! Не жизнь, любовь моя убита смертью!

КАПУЛЕТТИ

Поруган я, истерзан, проклят, свергнут В отчаянье, убит! О, время скорби, Зачем пришло ты праздник наш разрушить? Дитя мое! — нет, не дитя, душа!.. Ты умерла! — увы, она скончалась! С ней умерли все радости мои.

ЛОРЕНЦО

Довольно вам; стыдитесь! Исцеления Для бедствия в отчаянии нет. И Небеса, и вы владели ею, — Теперь ее всю взяли Небеса. Тем лучше для нее. Ту часть Джульетты, Которая принадлежала вам, Вы не могли предохранить от смерти, Но Небеса другую сохранили И вечную ей даровали жизнь. Первейшим из желаний ваших было — Чтоб счастье Джульетты возросло; Ваш рай был в том, чтобы его возвысить; И вот, когда превыше облаков До глубины небесной воспарила Ее душа, вы плачете о ней! Не слишком-то вы любите Джульетту, Сходя с ума, когда ей хорошо. Счастливей не та, что долго в браке

Живет, а та, что умирает рано.
Утрите же вы слезы; это тело
Прекрасное осыпьте розмарином
И, в лучшую одежду нарядив,
Покойницу, как требует обычай,
Ее несите в церковь: хоть рыдать
Нам всем велит безумная природа,
Но разум слез таких не признает.

КАПУЛЕТТИ

Все то, что мы велели приготовить
Для праздника, послужит погребенью.
Пусть музыку заменит грустный звон
Колоколов; пусть брачное веселье
В печальные поминки превратится;
Торжественные гимны перейдут
В унылые напевы панихиды;
Венчальные цветы покроют труп, —
И все, что здесь, пусть примет вид обратный.
Капулетти, синьора Капулетти, Парис и Лоренцо
уходят.

1-й МУЗЫКАНТ

Приходится нам спрятать наши трубы
И уходить.

КОРМИЛИЦА

Да спрячьте, спрячьте! Ах!
Вы видите, какой печальный случай.
Уходит.

1-й МУЗЫКАНТ

Да, подлинно, и дела не поправишь.
Входит Пьетро.

ПЬЕТРО

Музыканты, а музыканты! «Усладу сердца!»,
«Усладу сердца!» Если вы хотите меня оживить,
сыграйте мне «Усладу сердца»!

1-й МУЗЫКАНТ

Почему «Усладу сердца»?

ПЬЕТРО

Ах, музыканты! потому, что мое сердце играет
арию: «Мое сердце исполнено горя». О, сыграйте
мне какую-нибудь веселую жалобу,
чтобы меня утешить.

2-й МУЗЫКАНТ

Никакой тебе жалобы не будет: теперь не до
игры.

ПЬЕТРО

Так вы не хотите?

МУЗЫКАНТЫ

Нет.

ПЬЕТРО

Ну, так я вам здорово отплачу.

1-й МУЗЫКАНТ

А чем ты отплатишь?

ПЬЕТРО

Разумеется, не деньгами, а я назову вас сопел-
ками и скоморохами.

1-й МУЗЫКАНТ

А я тебя назову холопским отродьем.

ПЬЕТРО

Ну, так я стукну тебя холопским кинжалом по
башке. Я не буду шутить, задам вам и ге и фа,
на все лады! Замечаете?

1-й МУЗЫКАНТ

Если ты хочешь ге и фа задать нам на все лады,
то значит, пожалуй, что твои дела пойдут на
лад.

2-й МУЗЫКАНТ

Пожалуйста, спрячь свой кинжал и яви свое
остроумие.

ПЬЕТРО

Ну, так берегитесь! Я явлю вам такое остро-
умие, что зарежу без ножа! Ну-те-ка, отвечай-
те мне:

Если сердце страдает от мук,
Если душу печаль подавляет,
То серебряный музыки звук...

Почему «серебряный звук»? Почему музыка
имеет серебряный звук? Что скажешь ты на
это, Симон Струна?

1-й МУЗЫКАНТ

Да просто потому, что серебро обладает при-
ятным звуком.

ПЬЕТРО

Очень мило. — Ну, а что скажешь ты, Гуго
Скрипица?

2-й МУЗЫКАНТ

Я скажу «серебряный звук» потому, что музы-
канты играют за серебро.

ПЬЕТРО

Тоже очень хорошо сказано. Ну, а ты что ска-
жешь, Джокобо Дудка?

3-й МУЗЫКАНТ

Право, не знаю, что сказать.

ПЬЕТРО

Ах, извини меня: ведь ты певец. Я отвечу вме-
сто тебя: «Музыка имеет серебряный звук»,
потому что музыканты никогда не получают
за нее золота:

То серебряный музыки звук
Скоро эту печаль прогоняет.

Уходит.

1-й МУЗЫКАНТ

Что это за ядовитая каналья!

2-й МУЗЫКАНТ

Черт с ним, с этим шутом! Пойдем-ка в дом.
Подождем возвращения провожающих гроб и
останемся обедать.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ. СЦЕНА I

Улица в Мантуе.

Входит Ромео.

РОМЕО

Когда могу я верить лести сна,
То грезы мне предсказывают радость.
Весельем полна моя душа,
Какой-то дух, на крыльях светлых дум,
Весь этот день меня высоко носит.
Приснилась мне Джульетта: здесь она
Нашла меня умершим... (странный сон,
Где мертвец приписано сознание!)
Она в меня лобзанием вдохнула
Такую жизнь, что я воскрес и стал
Властителем вечным. О, как сладко
Любовию самою обладать,
Когда лишь тень любви, мечта о ней
Вливает нам такую радость в душу!

Входит Бальтазар.

Вот вести из Вероны. — Бальтазар,
Что нового? Привез ли от монаха
Ты мне письмо? Ну, что моя жена?
Здоров ли мой отец? Ну, как Джульетта?
Вторично я спросил тебя о ней,
Так как ничто не может быть дурным,
Когда она счастлива.

БАЛЬТАЗАР

Так дурного

Нет ничего; она счастлива: тело
Ее лежит в гробнице Капулетти,

А часть ее бессмертная живет
Средь ангелов на небесах. Я видел —
Как прах ее снесли в семейный склеп
И поспешил вас известить об этом.
Простите мне мою дурную весть:
Я поступил по вашему приказу.

РОМЕО

Возможно ли! — Проклятие вам, звезды! —
Ты знаешь — где живу я: принеси
Бумаги и чернил мне, и найми
Почтовых лошадей, — я ночью еду.

БАЛЬТАЗАР

Синьор, молю вас, будьте терпеливы;
Вы бледны, взгляд ваш дик — и я боюсь
Несчастья.

РОМЕО

Не бойся, ты ошибся.

Оставь меня и делай, что тебе
Я приказал. — А от Лоренцо писем
Нет у тебя?

БАЛЬТАЗАР

Нет, добрый мой синьор.

РОМЕО

Ну, все равно. Найми же лошадей.
Ступай; и я приду сейчас.

Бальтазар уходит.

Джульетта,

Я в эту ночь с тобою лягу в склепе;
Подумаю — как это совершить.
Злой замысел, как быстро ты приходишь
На ум людей в отчаяньи! Я вспомнил
Аптекаря, — он где-то здесь живет,
Недавно я его еще тут видел.
Оборванный, с нахмуренным челом,
Он разбирает лекарственные травы.
Голодный вид имел он; нищета
Жестокая беднягу иссушила.
В его лавчонке жалкой, по стенам
Висели аллигатор, черепаха
Да кожи рыб каких-то безобразных;
На полках же — пустых коробок ряд,
Зеленые горшки и пузыри,
И семена негодные, остатки
От нитяных клубков, шнуры, лепешки
Засохшие — убогий, жалкий хлам,
Разложенный единственно для вида.
Заметив эту скудость, я подумал,
Что если бы кому был нужен яд,
Которого продажа смертной казнью
Карается здесь в Мантуе, то вот
Бедняк тот жалкий, что его бы продал.
И эта мысль пришла мне прежде, чем
Нуждаться стал я в яде... Этот
Измученный нуждою человек
Продает его... Мне помнится, аптекарь
Живет вот здесь. Но лавка заперта, —
Сегодня праздник. — Эй, аптекарь! Эй!

Входит аптекарь.

АПТЕКАРЬ

Кто там зовет так громко?

РОМЕО

Сюда скорей.

Ты беден... вот тут сорок золотых:
Возьми их и продай мне драхму яду, —
Такого, чтоб все жилы отравлял;
Чтоб человек, уставший жить на свете,
Приняв его, тотчас же мертвым пал;
Чтоб дух его из тела отлетел
Мгновенно, как из дула пушки порох.

АПТЕКАРЬ

Есть у меня такие яды; но
Их продавать закон наш запрещает
Под страхом казни.

РОМЕО

Неужели ты,
Такой бедняк, измученный несчастьем,
Боишься умереть? Вот — щеки у тебя
Ввалилися от голода; унынье,
Подавленность видны в твоих глазах,
И жалкими лохмотьями покрыта
Твоя спина; мир и его закон —
Тебе враги; мир не создал закона,
Который бы тебя обогатил.
Нарушь закон — и перестань быть бедным,
Взяв эти деньги.

АПТЕКАРЬ

Нищета моя,

А не мое желанье принимает.

РОМЕО

И я даю их нищете твоей.

АПТЕКАРЬ

Вот этот яд вы в жидкость опустите
И выпейте. Хотя бы ваших сил
Для двадцати людей довольно было,
Но этот яд тотчас бы вас убил.

РОМЕО

Вот золото... Оно для душ людей
Сильнейший яд и в этом гнусном мире,
Убийств гораздо больше совершает,
Чем эти все убогие отравы,
Которых ты не смеешь продавать.
Я продал яд тебе; ты никакого
Не продал мне. — Прощай; на эти деньги
Купи себе ты пищи и толстей. —
Идем со мной, крепительный состав,
А не отравы, в склеп к моей Джульетте:
Лишь там тобой воспользуюся я.

Уходят.

СЦЕНА II

Келья монаха Лоренцо.

Входит монах Джiovанни.

ДЖИОВАННИ

Святой монах Франциско, брат мой, эй!

Входит Лоренцо.

ЛОРЕНЦО

По голосу — Джiovанни это. — Здравствуй.

Что говорит Ромео? Или он
Прислал письмо? Так дай его сюда.

ДЖИОВАННИ

Отправился я спутника искать,
Из нашего же ордена, монаха
Босого, но его я не застал:
Он навещал какого-то больного.
Когда же я нашел его, то нас
Блостители обоих задержали,
Вообразив, что в зачумленный дом
Входили мы. Печати приложили
Они к дверям, не выпуская нас,
Так что не мог я в Мантую уехать.

ЛОРЕНЦО

Но кто ж отвез письмо мое к Ромео?

ДЖИОВАННИ

Письма послать не мог я; вот оно.
И не нашел я никого, чтобы
Письмо вернуть тебе: так все боялся
Заразы.

ЛОРЕНЦО

Злополучная судьба!
Клянусь, письмо-то очень, очень важно,
И велика опасность от того,
Что не дошло оно по назначению.
Найди мне лом железный, брат Джованни,
И тотчас же мне в келью принеси.

ДЖИОВАННИ

Иду сейчас.

Уходит.

ЛОРЕНЦО

В склеп должен я один
Отправиться; там через три часа
Пробудится прекрасная Джульетта.
Как будет клясть она меня за то,
Что не успел я известить Ромео!
Но в Мантую я снова напишу,
Ее ж держать в своей я буду келье,
До той поры, как явится и он.
О, бедное живое существо,
Сокрытое в гробнице с мертвецами!

Уходит.

СЦЕНА III

Кладбище со склепом фамилии Капулетти.

Входит Парис с пажом, который несет цветы и факел.

ПАРИС

Дай факел мне и отойди подальше;
Иль нет, задуй его: я б не желал,
Чтобы меня кто-либо здесь увидел.
Приляг вон там, под тисами и, ухом
Припав к земле, прислушивайся к шуму.
На кладбище, могилами изрытом,
Ты каждый шаг услышишь. Свистни мне;
То будет знак, что кто-то к нам подходит.
Дай мне цветы и сделай, что тебе
Я приказал.

ПАЖ
(про себя)

Мне, правда, страшновато

На кладбище остаться одному;
Но, так и быть, рискну.

Уходит.

ПАРИС

Цветок мой нежный!

Твой брачный одр, где, вместо балдахина —
Увы! — лишь прах и мрачных камней свод,
Осыплю я вот этими цветами,
И по ночам их буду поливать
Душистою водою и слезами,
И долг тебе последний отдавать
Ночь каждую, сюда, к гробнице милой,
Нося цветы и плача над могилой.

Паж свистит.

Паж подает сигнал мне. Чья нога
Проклятая здесь этой ночью бродит,
Мешая мне обряд мой совершать?
И с факелом! — Ночь, скорой меня покида.

Уходит.

Входят Ромео и Бальтазар, с ломом и другими орудиями.

РОМЕО

Дай мне кирку и лом. Вот это
Письмо возьми и моему отцу
Вручи его пораньше завтра утром.
Дай факел мне, и что б ты ни услышал
Иль увидал — не подходи ко мне.
Стой вдалеке, иль жизнью мне ответить,
Коль вздумаешь мне в чем-нибудь мешать.

Я в этот склеп спускаюсь с тем отчасти,
Чтоб на лицо жены моей взглянуть,
Но, главное, затем, чтоб дорогое
Кольцо там снять с ее руки, на память.
Итак, уйди. Но если ты вернешься
Подсматривать — что буду делать я, —
Клянусь, тебя в куски я растерзаю,
И члены я твои здесь разбросаю
По кладбищу голодному. Теперь
Взволнован я, неукротим и дик,
Свирепей и лютей, чем тигр холодный
Иль океан ревущий.

БАЛЬТАЗАР

Я уйду,

И вас, синьор, не буду беспокоить.

РОМЕО

И дружбу мне покажешь этим. Вот,
Возьми себе.

(Дает ему деньги.)

Затем, прощай, мой милый,

Будь счастлив и живи.

БАЛЬТАЗАР

(про себя)

А все же я

Поблизости тут где-нибудь укроюсь:

Страшит меня его ужасный взгляд,

В намереньях его я сомневаюсь.

Уходит.

РОМЕО

Ты, гнусный зев, утроба жадной смерти,

Пожравшая бесценный прах, твои

Я челюсти гнилые отворяю...

(Разламывает дверь склепа.)

И новый корм вбиаю в я тебя.

ПАРИС

А! изгнанный заносчивый Монтекки,

Тот, кто убил двоюродного брата

Возлюбленной моей, — и это горе,

Как думают, и в гроб ее свело. —

И он пришел — покойников позорить!

Схвачу его. Остановись, Монтекки!

Брось подлое оружие свое.

Возможно ль мстить умершим и по смерти?

Тебя я арестую. Повинуйся,

Иди со мной, преступный негодяй;

Ты должен умереть!

РОМЕО

Да, правда, должен;

Для этого я и пришел сюда.

Но, юноша мой добрый, человека

Безумного в отчаяньи своем

Не ищущий; беги, беги отсюда!

Оставь меня, подумай об умерших:

Пусть мысль о них тебя отгонит прочь.

О, юноша, тебя я умоляю:

Не прибавляй мне на душу греха,

Безумный гнев напрасно вызывая.

Уйди, уйди, клянусь я небесами, —

Люблю тебя я больше, чем себя:

Ведь я пришел сюда вооруженный

Против себя же самого. Живи,

Чтоб говорить впоследствии, что милость

Безумного заставила тебя

Бежать отсель.

ПАРИС

Заклятия твои

Не страшны мне. Тебя я арестую.

РОМЕО

А, если так, то берегись же, мальчик!

(Сражаются.)

ПАЖ
Дерутся! — Я за стражей побегу.
ПАРИС

О, я убит! —

(Падают.)

Когда ты милосерд,
Ты положи меня с Джульеттой вместе.
(Умирает.)

РОМЕО

Я положу, честное слово. — Дай,
Взгляну ему в лицо... А! граф Парис,
Меркуцио родня. — Что же поведал мне
Мой человек, когда я ехал с ним
Из Мантуи? Я слишком был расстроен,
И слушать я внимательно не мог.
Мне кажется, сказал он, что Парис
С Джульеттою был должен повенчаться...
Он говорил мне это, или нет?
Иль это мне приснилось? Или я
Сошел с ума, при имени Джульетты,
И это мне почудилось? Дай руку
Ты, кто со мной записан в мрачной книге
Несчастия! Я схохорно тебя
В торжественной могиле... Как? в могиле?
О, нет: ведь здесь покоится Джульетта —
И красота ее утрюмый склеп
В сияющий чертог преобразила.
Спи ж здесь мертвец, похороненный мертвым!
(Кладет тело Париса в склеп.)

Не часто ли пред самой смертью люди
Веселыми становятся? Сиделки
То «молнией предсмертной» зовут.
Могу ль назвать я молнию это?
О, милая жена, любовь моя!
Смерть выпила дыхание твое,
Но красотой твоей не овладела
До сей поры, — и знамя красоты
Еще вот здесь в румянце щек и губок;
Не подошел к ним смерти мрачный флаг.
Не ты ли там покоишься, Тибальдо,
Завернутый в кровавый саван свой?
Что для тебя могу я больше сделать,
Как то, чтобы та самая рука,
Что жизнь твою пресекала молодую,
Пресекала жизнь убийцы твоего?
Прости меня, кузен! О, дорогая
Джульетта, отчего ты так прекрасна
До сей поры? Не должен ли я думать,
Что смерть, бесплотный призрак, влюблена;
Что гнусное чудовище тебя
Здесь в этой тьме могильной заключила,
Чтоб ты была любовницей ее?
Но я с тобой останусь здесь, — не выйду
Из этого чертога мрачной ночи
Я никогда; здесь, здесь останусь я
С могильными червями; здесь найду
Я вечное себе успокоенье,
И сброшу гнет моих зловещих звезд
С измученной и истомленной плоти.
Смотрите же в последний раз глаза;
Раскройте рук последние объятия;
Вы, губы, дверь дыханья моего,
Запечатлейте честным поцелуем
Со смертью мой бессрочный договор.

(Вынимает склянку.)

Сюда, сюда, мой горький проводник,
Противный мой руководитель, кормчий
Отчаянный; об острую скалу
Разбей ладью, поломанную бурей!
Вот это в честь моей любви я пью.
(Выпивает яд.)

Да, скор твой яд, о честный мой аптекарь.

(Умирает.)

С другого конца кладбища показывается монах Лоренцо с фонарем, ломом и прочие.

ЛОРЕНЦО

Святой Франциск, споспешествуй мне ныне!
Уж много раз я старыми ногами
Споткнулся о могилы в эту ночь. —
Кто там?

БАЛЬТАЗАР

Ваш друг, что хорошо вас знает.

ЛОРЕНЦО

Благослови тебя Господь! Скажи мне,
Мой добрый друг, что это там за факел,
Который свет напрасно проливает
На червяков и черепа без глаз?
Мне кажется, что в склепе Капулетти
Он светится?

БАЛЬТАЗАР

Да, там, святой отец,

И господин мой там же, человек,
Которого вы любите.

ЛОРЕНЦО

Кто это?

БАЛЬТАЗАР

Ромео.

ЛОРЕНЦО

А давно он там?

БАЛЬТАЗАР

Не меньше

Чем полчаса.

ЛОРЕНЦО

Иди со мною в склеп.

БАЛЬТАЗАР

Не смею я: мой господин уверен,
Что я ушел; под страхом смерти он
Мне запретил у склепа оставаться,
Следить за ним.

ЛОРЕНЦО

Так оставайся здесь,

А я пойду один; мне стало страшно:
Не вышло бы какой-нибудь беды!

БАЛЬТАЗАР

Когда я спал под этим тисом здесь,
Приснилось мне, что господин мой с кем-то
Сражался и противника убил.

ЛОРЕНЦО

(подходя к склепу)

Ромео! ах, что это тут за кровь,
Которую покрыты камни входа?
Зачем лежат здесь два меча в крови,
Здесь, у дверей обители покоя?

(Входит в склеп.)

Ромео! — Как он бледен! — Кто ж другой?
А, и Парис! и весь облитый кровью!
О, Господи, что за недобрый час
Причиной был такого злополучья?

(Джульетта просыпается.)

Джульетта шевелится.

ДЖУЛЬЕТТА

А, монах,

Мой утешитель! где мой муж? Я помню,
Где очутиться я должна была:
Я там теперь. — Но где же мой Ромео?

Шум за сценой.

ЛОРЕНЦО

Я слышу шум. — Синьора, уходите
Из этого гнезда заразы, смерти,
Оцепенения. Власть, которой мы

Противиться не можем, наши планы
 Расстроила. Иди же, дочь моя,
 Твой муж лежит здесь мертвый так же, как
 И граф Парис. Идем скорей, тебя
 Я помещу к монахиням в обитель.
 Не спрашивай: подходит стража к нам.
 Идем, идем же, добрая Джульетта —

Шум сна.

Нельзя мне дольше оставаться здесь.

ДЖУЛЬЕТТА

Уйди, уйди; я — не пойду.

Лоренцо уходит.

Что это

У милого в руке? А! склянка с ядом!
 Вот как с собой покончил он... О, жадный!
 Ты выпил все, ни капли не оставил,
 Что помогла б мне за тобою вслед
 Отправиться. — Прильну к твоим губам:
 Быть может, есть на них довольно яда,
 Чтобы меня убить. — Они теплы!

1-й СТОРОЖ

(за сценой)

Веди нас, мальчик. Где? Куда идти?

ДЖУЛЬЕТТА

Шум! Ну, так я потороплюсь. О, счастье:
 При нем кинжал!

(Выхватывает кинжал Ромео из ножен.)

Вот где твои ножны,

Заржавей там, а мне — дай умереть.

Входит стража с ножом Париса.

ПАЖ

Вон это место, — там, где факел светит.

1-й СТОРОЖ

Земля в крови... Ищите по кладбищу;
 Хватайте всех, кого найдете там.

Несколько человек из стражи уходят.

Плачевный вид! вот граф Парис убитый,
 Джульетта, вся в крови, — она тепла:

Покойница, которая лежала

Здесь уж два дня, теперь лишь умерла.

Бегите за Монтекки, Капулетти,

Да герцога уведомьте; другие

Пусть кладбище осмотрят.

Еще несколько человек из стражи уходят.

Видим мы

Лишь место происшествия, — причину ж

Всех этих бед понять нам невозможно,

Пока мы не расследуем всего,

В подробности.

Стража приводит Бальтазара.

1-й СТРАЖ

Слугу Ромео мы

На кладбище нашли.

Не выпускать,

Пока сюда не явится сам герцог.

Входит Лоренцо, под стражей.

3-й СТРАЖ

Схватили мы монаха; он дрожит,

Вздыхает, плачет; эту вот лопату

И этот лом нашли мы у него;

Шел с кладбища он.

1-й СТРАЖ

Важная улика,

Не выпускать!

Входит герцог со свитой.

ГЕРЦОГ

Какой несчастный случай

Нас разбудил так рано?

Входят Капулетти, синьора Капулетти и другие.

КАПУЛЕТТИ

Что за крики

Там слышатся? Что за причина их?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

На улице кричат: «Парис!» — «Ромео!» —

«Джульетта!» — Все на кладбище бегут,

К гробнице нашей, с воплями и шумом.

ГЕРЦОГ

Из-за чего тревога?

1-й СТРАЖ

Государь!

Вот здесь лежат: убитый граф Парис,

Ромео мертвый и Джульетта тоже;

Она была уже мертва, теперь же

Убита вновь: она еще тепла.

ГЕРЦОГ

Расследовать — как это избиенье

Ужасное случилось!

1-й СТРАЖ

Вот монах

И с ним слуга умершего Ромео;

Орудия при них мы захватили,

Пригодные для вскрытия гробниц.

КАПУЛЕТТИ

О, Господи! — жена, взгляни сюда:

Как льется кровь из раны у Джульетты!

Кинжал ошибся: вот его футляр

Висит пустой на поясе Монтекки,

А он в груди у дочери моей!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ

О, страшный вид! Как похоронный звон,

О смерти он меня предупреждает.

Входит Монтекки.

ГЕРЦОГ

Поди сюда, Монтекки; встал ты рано,

Чтоб увидеть, что сын твой раньше встал.

МОНТЕККИ

О, государь, от горести по сыне

Жена моя скончалась в эту ночь.

Какое же несчастье еще,

На старости моей, мне угрожает?

ГЕРЦОГ

Взгляни — и ты увидишь.

МОНТЕККИ

О, негодный!

В могилу лечь до своего отца!

ГЕРЦОГ

Оставь свои ты жалобы на время,

Покамест мы всего не разьясним,

Покуда мы причины не узнаем,

Источника, начала этих бед.

Тогда вождем я вашей скорби буду,

Я первый в ней участие приму.

А до тех пор пусть горе покорится

Терпению. — Пусть подойдут сюда

Те, на кого упало подозренье.

ЛОРЕНЦО

Из лиц таких я главный. Меньше всех

Способен я убийство совершить,

Но больше всех меня подозревают.

Улики все против меня; и вот

Стою я здесь, готовый оправдаться,

Иль обвинить себя же самого.

ГЕРЦОГ

Так расскажи сейчас — что знаешь ты.

ЛОРЕНЦО

Я передам все вкратце, — для рассказа

Подробного не хватит сил моих.

Ромео, что лежит здесь мертвый, мужем был Джульетты, а она была женою.
 Я их венчал; день тайной свадьбы их
 Был роковым для юного Тибальда,
 Которого безвременная смерть
 К изгнанию Ромео присудила.
 И вот о нем-то, а не о Тибальде
 Так плакала Джульетта. Чтоб унять
 Ее печаль, вы дочь свою решили
 Насильно выдать замуж за Париса.
 Тогда она, в отчаянии, пришла
 Ко мне, прося придумать средство —
 Как устранить вторичный этот брак;
 Не то — она грозила тут же, в келье,
 Убить себя. И я, руководясь
 Познаниями моими, предложил ей
 Напиток усыпляющий, который
 Подействовал, как я того желал:
 Он дал ей вид умершей. Между тем,
 Я написал к Ромео, чтоб он прибыл
 В ночь эту злополучную сюда
 И мне помог освободить Джульетту
 Из временной могилы: в эту ночь
 Как раз она должна была проснуться.
 Но человек, с которым я послал
 Мое письмо к нему, монах Джiovанни,
 Случайно был задержан, и вчера
 Мне, под вечер, письмо обратно отдал.
 Тогда один отправился я в склеп,
 Чтоб выручить ее, когда проснется,
 И скрыть ее на время у себя,
 Пока за ней не явится Ромео,
 Которого я думал известить.
 Когда ж сюда, пред самым пробуждением
 Джульетты, я пришел, то увидел
 Я мертвыми Париса и Ромео.
 Она проснулась. Я молил ее —
 Уйти со мной, перенести с терпением,
 С покорностью решение Небес,
 Но, услышав какой-то шум, был должен
 Уйти; она ж, в отчаянии своем,
 Идти со мной отсюда не хотела,
 И умерла от собственной руки,
 Как видно. Вот все то, что мне известно;
 А что до брака этого — о нем
 Кормилища Джульетты тоже знает.
 Когда в таком несчастье чем-либо
 Я виноват, пусть жертвою закона
 Строжайшего погибнет жизнь моя
 За несколько часов до срока.

ГЕРЦОГ

Мы

Тебя всегда святым считали. — Где
 Слуга Ромео? Что сказать он может?

БАЛЬТАЗАР

Я господину моему привез
 Известье, что жена его скончалась.
 Он поспешил из Мантуи сюда,

На кладбище, к гробнице Капулетти.
 Здесь это вот письмо он мне велел
 Отдать его отцу пораньше утром;
 И, в склеп идя, он смертью мне грозил,
 В том случае, когда я не уйду
 И одного его там не оставлю.

ГЕРЦОГ

Дай мне письмо, я на него взгляну.
 Где графа паж, сюда призванный стражу?
 Что делал здесь твой господин?

ПАЖ

Пришел он

Цветы на гроб невесты положить,
 А мне велел он отойти подальше
 От склепа; я исполнил приказанье.
 Вдруг с факелом какой-то человек
 Пришел сюда, стал отпирать гробницу;
 И на него тотчас мой господин
 Напал; тогда я бросился за стражей.

ГЕРЦОГ

Письмо слова монаха подтверждает.
 Ромео в нем историю любви
 И смерть жены описывает; тут же
 Он говорит, что яду он купил
 У бедного аптекаря, чтоб в склепе
 Здесь умереть и лечь с Джульеттой вместе.
 Но где они, заклятые враги?
 Монтекки, Капулетти, посмотрите,
 Как Небо вас карает за вражду:
 В самой любви оно находит средство —
 Все радости безумцев умертвить.
 А я за то, что на раздоры ваши
 Смотрел сквозь пальцы, потерял двух близких.
 Наказаны мы все.

КАПУЛЕТТИ

О брат Монтекки!

Дай руку мне, — то вдовья часть Джульетты,
 А большего я не могу просить.

МОНТЕККИ

Но я могу дать больше: я воздвигну
 Ей статую из золота. Покуда
 Вероною наш город будут звать,
 Не будет в нем другого изваяния,
 Которое, по ценности своей,
 Сравнилось бы со статуей Джульетты.

КАПУЛЕТТИ

Не менее богатый и Ромео
 Покоиться с супругой будет... О,
 Несчастные две жертвы нашей злобы!

ГЕРЦОГ

Пришел рассвет, и мир печальный с ним.
 От горести и солнце не явилось;
 Пойдем отсель, еще поговорим
 О бедствии, что в эту ночь случилось.
 Джульетта и Ромео юный с ней...
 Что может быть их участи грустней?
Uxodum.

СОНЕТЫ

1

От избранных существ потомства мы желаем,
Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
На смену возникла такой же юный всход.
А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
Его огонь живишь из недр своих же благ,
И, где обилие, там голод порождая,
Нешаден к прелести своей, как лютый враг.
Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный
Ликующей весны, — хоронишь от людей
В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
И разоряешься от скуности своей:
Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
Чтоб все его добро не унести в могилу.
В. Лихачев

2

Когда глубокие следы сорокалетья
Цветущий дол твоей красы избородят
И нищенский покров из жалкого веретя
Заменит юности блистательный наряд,
Тогда-то на вопрос: что сделал ты с красою?
Где все сокровища беспечно-добрых дней? —
Постыдной было бы, нелепой похвальбою
Ответить: все они во впадинах охай.
Не большею ли ты себя покрыл бы славой,
Когда б ответить мог: «Прекрасное дитя,
Мой долг вам уплатив, мне даст на старость
право», —
Кто возразил бы, вновь твой образ обретя?
Вот от чего твое воспрянуло бы тело;
Вот что остывшую бы кровь твою согрело.
В. Лихачев

3

Ты видишь в зеркале свое изображенье?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.
Где та красавица, чья девственная нива
Такого пахаря отвергла бы, как ты?
Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво
Во мраке гробовом наследье красоты?
Для матери твоей ты зеркало такое ж,
Она в тебе апрель свой дивный узнает:
Сквозь стекла старости в родных чертах
откроешь
Ты также золотой звезды своей восход.
Но, если хочешь ты посмертного забвенья,
То умирай тогда один — без отраженья.
В. Лихачев

4

О расточительный! Зачем в расцвете юном
На самого себя изводишь ты свой клад?
Природа не дарит, а в долг дает красу нам,
И торовата к тем, кто также тороват.
Прекрасный скопилком, зачем добро чужое,
Тебе врученное, считаешь ты своим?
Безумный ростовщик, зачем тебе такое
Богатство, если жить ты не даешь другим?
Ведь в ростовщичество с самим собой играя;
Красавец, ты себя обманываешь сам:
Наш бранный мир на зов природы покидая,
Какой, скажи, итог ты завещаешь нам?
Краса твоя пойдет в один с тобою ящик,
А не останется, как твой душеприказчик.
В. Лихачев

5

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела, —
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждаться! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,
Чтоб сохранить следы весны в стекле, —
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен, — и есть предел утрате:
Хоть нет цветов, — есть жизнь в их аромате.
Н. Холодовский

6

Спеши सबеречь для нас цветник
благоуханный,
Пока суровая зима не подошла:
Наполни сладостью сосуд, тобой избранный,
Пока в себе самой краса не умерла.
Ведь ты ростовщиком того де называешь,
Кому должник свой долг от сердца отдаст:
Другого лишь себя ты миру оставляешь,
А за добавочных — добавочный почет,
И счастье личное ты в десять раз умножишь,
Коль, вместо одного, создашь десятерых:
От смерти понести какой ущерб ты можешь,
Продолжив бытие в наследниках своих?
Так не упрямясь же: с твоею ли красою
Червям лишь кормом стать под сенью
гробовую!

В. Лихачев

7

Когда могучее светило нам с востока
Являет ясный лик, с восторгом на него
Взирает каждое в тот миг земное око,
Приветствуя лучей победных торжество;
Когда, как юноша в цвету, на холм небесный
Взбирается оно, все в золотом огне, —
Им ослепленные, мы клоним взор чудесный
Подъем его следя по синей крутизне;
Когда же с высоты полудня ковыляет
Оно по-старчески на отдых и покой, —
Вниманья нашего оно не привлекает
И одиноко путь доканчивает свой:
Вот так же и тебя на склоне мир забудет,
Коль старости твоей лелеять сын не будет.
В. Лихачев

8

Твой голос — музыка: так почему же внемлешь
Ты музыке с тоской? Ведь нега к неге льнет;
А ты приятно нерадостно приемишь
И не бежишь того; что скорбь тебе несет?
Аккорды стройные твой чуткий слух терзают;
Но их гармония — лишь ласковый упрек.
Они, звуча в одно, тебе напоминают,
Что вне гармонии земной ты одинок.
Ты слышал ли, как две струны в согласном строе
Свободно льющейся мелодией звучат?
Так и отец, и мать, и их дитя — все трое
Одну и ту же песнь в сердцах своих таят;
И говорят тебе немые звуки эти:
Кто одинок — того как будто нет на свете.
В. Лихачев

9

Не страх ли, что вдову ты здесь в слезах
покинешь,
Тебя принудил дать безбрачия обет?
Напрасно! Если ты от нас бездетным сгинешь,
Вдвоем по тебе останется весь свет.
Он, как вдова, о том скорбеть и плакать станет,
Что отпечаток твой утрачен для него;
Вдова же, в детские глазенки только взглянет,
Вновь обретет черты супруга своего.
Не разоряет мир добытых благ растрата:
Сам промотаешься — других обогатишь;
Но изжитой Красе нет на земле возврата:
Растратишь без толку — весь мир красоты
лишишь.

Движениям любви то сердце непокорно,
Которое себя изводит так позорно.
В. Лихачев

10

Сознайся — стыд и срам! — собою беззаботно
Пренебрегая, ты не любишь никого;
Другим себя любить позволишь ты охотно,
Но тешно ждать любви от сердца твоего.
Питаешь к людям ты такое отвращенье,
Что даже восстаешь на самого себя
И сокрушить готов прекрасное строенье,
Которое хранить обязан ты любя.
Одумайся, чтоб мог и я сказать иное,
Краса лишь для любви должна служить
жильем:

Где доброта в лице, там к стати ль сердце злое?
Хоть самому себе не будь лихим врагом!
Хоть для меня, прошу, создай еще такого,
В котором видеть бы я мог тебя второго!
В. Лихачев

11

Как вянуть будешь ты день ото дня, так
будешь
День ото дня цвести ты в отпрыске своем:
Ту кровью, что в юности отдале себя принудишь,
Своею назовешь, сам ставши стариком.
Вот в чем и разум наш, и красота, и сила;
А вне — безумие, бессилье, вечный мрак:
Тогда и время бы свой ход остановило,
И род людской тогда не в долге бы иссяк.
Кто на земле рожден не для продления рода,
Уродлив, груб, суров, — тот гини без следа;
Но, видя, как щедрка к избранникам природа,
Дары ее сберечь ты должен навсегда:
На то в тебе и знак ее печати явлен,
Чтоб миру в отгисках бы подлинник
оставлен.

В. Лихачев

12

Часов ли мирные удары я считаю,
За днем ли, тонушим во тьме ночной, слежу,
С земли увядшую ль фиалку поднимаю,
На кудри ль в седине серебряной гляжу,
Иль вижу с тощими, без зелени, ветвями
Деревья, в летний зной убежище для стад,
Иль, безобразными белея бородами,
Поблекших трав копны передо мной лежат, —
В раздумье о тебе исполнен я заботы,
Что и тебя в твой час раздвигает бремя лет:
Урочной смерти все обречены красоты —
И их напутствует других красот расцвет;
От Старца грозного, с его косой не сытой,
Одно потомство нам лишь может быть
защитой.

В. Лихачев

13

О, если б ты собою остался! Но, бесценный,
Не больше, чем живешь — ты можешь быть
собою;
Спеши, пока душа еще в одежде брэнной,
Другому передать прекрасный облик свой.
На срок лишь получил ты ссуду красотою;
В бессрочную б тогда ты обратил ее
И после смерти бы своей вновь стал собою:
Твой сын бы сохранил подобие твое.
Кто опрометчиво допустит до крушения
Свой дом, имея в нем надежнейший оплот
От деднящего безвременно вторженья
Губительной зимы? Кто ж больше, как не мог!
Был у тебя отец; мой милый, отчего же
И сыну твоему не говорить того же?
В. Лихачев

14

Я не из звезд свои познания почерпаю,
Хотя науку звезд я несколько и знаю,
Но только не затем, чтоб голод предвещать
Иль приближение бури по ним предугадать;
И о висящих злом над кем-нибудь невзгодах
Не в состоянии я его предупредить,
И что б ни ждало нас в бегущих встрече годах,
Я не могу того властителям открыть.
Все знание мое в глазах твоих, с тобою —
И в этих лишь звездах сумел я прочитать,
Что будут красота и правда процветать,
Когда оставишь ты потомство за собою.
Иначе предскажу тебе я, милый мой,
Что в гроб с тобой сойдут и правда с красотой.
Н. Гербель

15

Когда я вижу, — каждое растенье
Лишь краткое мгновение цветет,
И высший миг прекрасного цветенья —
Влияние звезд и внешний переход;
Когда я вижу, — род людской живет,
Как злак полей, исполнен самоменья,
И падает с обманчивых высот
В пустую пропасть смерти и забвенья;
Тогда от них с томительною думой
Я на тебя переношу свой взор.
Ты юн, а время с тлением, как вор,
Готово ночью мрачной и угрюмой
Сменить твой день. Но я стремлюсь, любя,
Отвоевать у времени тебя.
А. Федоров

16

Но почему в борьбе с слепым тираном
Не ищешь ты надежного пути?
Тебя летучим рифмам не спасти.
Ты чувствуешь себя теперь тираном:
Ты счастлив; ты в саду благоуханном
Цветы души заботливо взрасти;
В них образ твой; в портрете не найти
Такого сходства с обликом желанным.
Вся жизнь твоя волеется в те черты,
Ее нельзя перед глазами света
Ни передать в созвучных сонета,
Ни в красках, полных дивной красоты.
Но, жертвуя собою, воскреснешь ты
В своих творениях с славою поэта.
А. Федоров

17

Поверят ли когда моим стихам,
Тебе хвалу поющим вдохновенно?

Они — лишь склеп, где хороню я сам
 То, что в тебе сияет неизменно.
 Когда б я мог сложить свой гимн смиренно
 Твоей красе и пламенным очам, —
 Сказало бы потомство: «Лжет он сам:
 То лик небес, а на земле все тленно».
 И желтые от времени листки
 Возбудит только смех, как старики
 Болтливые, в которых толку мало.
 Мой стих сочтут за строфы мадригала.
 Но будь твоё создание в живых, —
 Ты в нем бессмертен и в стихах моих.
А. Федоров

18

Я с летним днем сравнить тебя готов,
 Но он не столь безоблачен и краток;
 Холодный ветер, не шадит цветов,
 И жизни летней слишком срок короток:
 То солнце нас палившим зносом жжет,
 То лик его скрывается за тучей...
 Прекрасное, как чудный сон пройдет,
 Коль повелит природа или случай.
 Но никогда не может умереть
 Твоей красы пленительное лето,
 Не может смерть твои черты стереть
 Из памяти забывчивого света.
 Покуда кровь кипит в людских сердцах,
 Ты не умрешь в моих живых стихах.
С. Ильин

19

О время! Когти льва, чуть стар, тупи нещадно,
 Земные существа земле и предавай,
 У тигра зубы рви из пасти кровожадной
 И феникса в крови его же сожигай;
 Чредоху лет и зим над миром пролетая,
 Будь миру вестником и радостью и бед,
 Рази красу, когда поникнет, увядая, —
 На преступленье лишь одно тебе запрет:
 Попутно не клейми зловещими чертами
 Прекрасное чело любимца моего:
 Как образец красы, грядущим вслед за нами
 В наследие оставь нетронутым его.
 А повредишь ему — я этот вред поправлю
 И друга юношей в стихах своих прославлю.
В. Лихачев

20

Тебе девичий лик природой дан благою —
 Тебе, что с ранних пор владыкой стал моим,
 И нежный женский пыл, но незнакомый с тою
 Податливостью злой, что так присуща им,;
 И боле страстный взор и менее лукавый,
 Златящий все; на что бывает устремлен;
 Но цвет лица мужской; со всей своею славою,
 Опасный для мужей и милый для их жен;
 Ты б должен был, мой друг, быть женщиной
 наружно,
 Но злой природы власть, увы, тебе дала,
 Мой ненаглядный, то, что вовсе мне не нужно,
 И тем меж нами нить любви перервала.
 Но если создан ты для женского участия,
 То мне отдай любовь, а им — тревоги счастья.
Н. Гербель

21

Нимало не влечет меня к себе та лира,
 Что вдохновляется искусственной красой
 И, ослепленная сиянием кумира,
 Поет избранницу восторженной хвалой,
 В порыве дерзостном ее уподобляя

То солнцу, то луне, то первенцам-цветам,
 И все прекрасное на помощь призывая,
 Что небо и земля являют щедро нам.
 Тому, кто в песнях лжи, как и в любви,
 не знает,
 Поверьте, что его прелестный друг ни в чем
 Прелестнейшим сынам земли не уступает —
 Хотя небесного сиянья нет на нем;
 Пускай усердствуют лжецы напропалую,
 А я ведь песнями своими не торгую.
В. Лихачев

22

Что стар я, зеркало меня в том не уверит,
 Пока ты с юностью ровесник; но, когда
 Свой путь крылатое морщинами отмерит
 И на твоём лице, — поверю я тогда.
 Твоею прелестью одел, как пеленою,
 Я сердца своего заветные мечты;
 Оно — в твоей груди, твоё же взято мною:
 Могу ли постареть я ранее, чем ты?
 Побереги ж себя, и обо мне радея,
 Как буду я беречь себя из-за тебя,
 Сокровище, в груди хранимое, деля
 С меньшей нежностью, чем нянюшка —
 дитя.
 Не думай, что, когда мне смерть закроет веки,
 Ты сердце сохранишь: я взял его навеки.
В. Лихачев

23

Как роль свою, робея, забывает
 Актер, на сцену первый раз вступив,
 Как в гневе нас невольно сил лишает
 Чрезмерно сильный ярости прилив, —
 Так я, из страха, что не дашь ты веры
 Словам любви, сам забываю их,
 И речь моя слабеет, хоть без меры
 Сильна любовь: превыше сил моих!
 Дозволь же книг моих цветистой речи
 Быть толмачом немым любви моей:
 Она достойна, верно, лучшей встречи,
 Чем речь из уст, столь бледная пред ней!
 Пойми, что в книге страсть безмолвно пишет:
 Разумная любовь очами слышит!
Н. Холодковский

24

Художником мой глаз внезапно стал, в груди
 На сердце начертав твоё изображение.
 Я рамой для него служу, — и, погляди,
 Какое полное даёт он впечатление!
 Коль хочешь ты взглянуть на точный свой
 портрет,
 Чрез самого творца проникни в мастерскую;
 Она в груди моей как в окна яркий свет
 Шлет солнце чрез глаза твои во тьму ночную.
 Обязаны глаза услугою глазам:
 Моими — в сердце лик начертан твой, — и там
 Твои глаза глядят мне в грудь, и, как в оконце,
 Увидя образ твой, сквозящих смеется солнце.
 И все ж рисует глаз лишь то, что видит он, —
 А душу познавать возможности лишен.
В. Мазуркевич

25

Пускай обласканный счастливо звездою
 Гордится титулом и блеском славных дел,
 А мне, лишенному даров таких судьбою,
 Мне почесть высшая досталась в удел.
 Любимцы королей, как ноготки, хвастливо
 Под солнцем царственным вскрывают лепестки,

Но в их гордыне — смерть... Один лишь
взгляд — и живо
Теряют пышный вид минутные цветки.
Герои многих битв, увенчанные славой,
Из книги почестей исчезнут без следа,
И блеск былых побед утратят навсегда,
Разбитые хоть раз врагом в борьбе кровавой.
Но я люблю, любя, и жребий мой ценю:
Он не изменит мне, и я не изменю.
В. Мазуркевич

26

У совершенств твоих я в рабском подчиненье,
И вот пишу письмо тебе, владыка дум,
Затем, чтоб доказать мое расположение,
А вовсе не затем, чтоб выказать мой ум.
Привязанность моя так велика, что словом
Не выразить ее; рассудок бедный мой;
Любовь моя нага, — одень ее покровом,
И, снисходя ко мне, в душе своей укрой;
Придет пора, когда звезда моя в сиянье
Опустит на меня свой благосклонный взгляд
И этим привлечет ко мне твое вниманье,
Даря нагой любви приличный ей наряд.
Тогда-то прозвучат любви моей признанья!
До тех же пор бежать я буду испытанья!
В. Мазуркевич

27

Я в мирном сне ищу успокоенья
От будничных забот и суеты, —
Напрасно все. Не спит воображенье;
Спокойно тело, — бодрствуют мечты.
Они к тебе стремятся, друг далекий,
Широкою и властною волной.
Застлал мне взор полночи мрак глубокий,
Как взор слепого черной пеленой.
Но я не слеп. Передо мной витает
Твой милый образ. Освещая ночь,
Он как звезда во тьме ее блистает,
С ее лица морщины гонит прочь.
Итак, днем члены отдыха не знают,
А ночью мысли к другу улетают.
С. Ильин

28

Могу ли я теперь изведать счастье снова,
Лишенный отдыха и благостного сна,
Коль ночью бремя дня гнетет меня сурово,
А днем — ночной тоской душа удручена.
Враждуют с давних пор и день и ночь друг
с другом,
Но в разговор они вступили меж собой,
Чтоб истерзать меня томительным недугом
Один — работою, другая же — тоской.
Тоской о том, что я стремлюсь к тебе напрасно,
И говорю я дню, — коль солнца в небе нет,
То, вместо солнца, ты средь туч сияешь ясно,
А ночи, — что во тьме звездой ты льешь свой
свет.
Но ежедневно день гнетет меня работой,
И еженощно ночь томит меня заботой.
В. Мазуркевич

29

Отвергнутый людьми, отвергнутый судьбою,
Оплакиваю я удел печальный мой,
Тревожу небеса бесплодною мольбою
И, глядя на себя, кляну свой жребий злой.
Завидую тому, кто полон упования,
Я жажду хоть на миг зажечь в душе моей
Стремленья одного, другого пожеланья,

Иметь черты того или этого — друзей.
За эту мысль порой себя я презираю,
Но греза о тебе бодрит тогда меня,
И с песней радостной душой я улетаю,
Как жавронок, с земли в лазурь, к сиянию дня.
И не отдам любви, тобою вдохновенной,
За долю светлую властителя вселенной.
В. Мазуркевич.

30

Когда наедине я мыслью пробегаю
Тяжелый длинный ряд пережитых потерь,
О скольких близких мне я тяжело вздыхаю,
О скольких радостях, несбыточных теперь.
И плачу я о тех, кто в холоде могилы
Нашел себе покой от жизненных скорбей,
И снова предо мной, исполненные силы,
Встают знакомые мне образы людей.
И снова предо мной мои воспоминанья,
И бесконечный ряд пережитых невзгод,
И слезы прошлые, и прошлые страдания,
Я с вами вновь свожу наш позабытый счет.
И если в этот миг тебя я вспоминаю,
Забыто прошлое, я слезы отираю.
Граф Ив. Мамуна

31

Твоя прияла грудь все мертвые сердца;
Их в жизни этой нет, я мертвыми их мнил;
И у тебя в груди любви их нет конца,
В ней все мои друзья, которых схоронил.
Надгробных пролил я близ мертвых много
слез,
Перед гробами их как дань любви живой!
Благоговейно им, умершим, в дань принес;
Они теперь в тебе, они живут с тобой.
И смотришь ты теперь могилу живой,
На ней и блеск, и свет скончавшихся друзей,
Я передал их всех душе твоей одной,
Что многим я давал, то отдал только ей.
Их лики милые в себе объедини,
Имеешь также ты своим — всего меня!
К. Случевский

32

Когда в блаженный час от жизни отойду,
И ты переживешь меня и невзначай
Прочтешь мои стихи, что в рифму я кладу,
Ты неумелости стиха не замечай!
С годами уровень людских умов растет;
Писанья лучшие в законный срок придут!
Но ты люби мой стих; ведь в нем любовь
живет,
Любовью, мнится мне, меня не превзойдут!
И в благосклонности к нему скажи скорей,
Что если б я, твой друг, я был еще в живых
И дожил до иных, намного лучших дней —
То стал бы я писать не хуже всех других.
Когда б не умер я, твой друг, я лучше б стал —
Они стихом берут, а я любовью взял.
К. Случевский

33

Не раз я видел, как восход багряный
Вершины гор властительно ласкал,
И целовал зеленые поляны,
И в бледных речках золотом сверкал;
Иль солнца лик блестящий, ярче злата,
Покрову туч давал себя затмить
И, крадучись, незримый, до заката
Старался взор свой недовольный скрыть.
Так для меня в час утренний, ликуя,

Сияло солнце сердца моего, —
Увы, на краткий час! С тех пор, тоскуя,
За мглою туч не вижу я его...
Что ж! Солнце неба меркнет столь бесславно
Пред тучами: земное — и подавно.
Н. Холодковский

34

Зачем обещан был мне светлый, ясный день
И без паша тобой я послан был в дорогу?
Затем ли, чтобы туч суровых злая тень
Затмила образ твой, будя в душе тревогу?
Мне мало, коль твой взор обсушит сквозь туман
Дождь на лице моем; омоченном грозою...
На что лекарство мне, полезное для ран,
И все ж бессильное над скорбью и тоскою!
Раскаянье твое, участие и стыд
Не могут даровать желанное забвенье...
Тем, кто несет, как я, тяжелый крест обид,
Печаль обидчика — плохое утешенье.
Но плачешь ты, любя, и жемчуг этих слез
Искупит все, что я, страдая, перенес.
В. Мазуркевич

35

О том, что сделано, напрасно не тоскуй!
У розы есть шипы, есть тучи в небе чистом,
Есть тина в глубине речных, прозрачных
струй,
Гнездится гадкий червь порой в цветке
душистом.
Ошибки всем сродни — и ошибаюсь я,
Стараясь подыскать подобные сравнения.
Чтоб только как-нибудь мне оправдать тебя, —
И большие готов простить я прегрешенья.
Я чувственность хочу рассудком объяснить;
Твой обвинитель стал твоим же адвокатом,
И в тяжбу сам с собой я вынужден вступить.
Так в сердце, горечью и злобою объят,
Любовь и Ненависть ведут немолчный спор,
Ограбивший меня, — любимый, милый вор.
В. Мазуркевич

36

Позволь мне сознавать, что мы с тобой
вдвоем
Любовью связаны и чувствами едины;
Но пусть пятно стыда лежит на мне одном,
А ты храни себя от горя и кручины.
Хотя враждебный нам неумолимый рок
Не в силах наложить на чувства наши пути,
Но все же крадет он, — безжалостно жесток,
У счастья любви блаженные минуты.
Я буду молчалив: сумею уберечь
Любовь мою к тебе от вражеского взора,
И ты скрывай ее от всех, чтоб не навлечь
Напрасно на себя упреков и позора.
Я так тебя люблю, что даже мысль одна
О том, что свет тебя осудит, мне страшна.
В. Мазуркевич

37

Подобно старику, глядящему с отрадой
На сына бодрого в расцвете юных лет,
Униженный судьбой, считаю я усладой
Привязанность твою и дружеский привет.
Ум, знатность, красота, богатство — все с
тобою!
Все то, что называл я, и даже, может быть,
Я большие в тебе достоинства открою,
Чтоб и любовь мою к ним также приобщить.
Тогда не буду я ни беден, ни унижен;
Заметен и богат защитой твоей,

Как к солнцу, к твоему величию приближен,
Я буду озарен огнем твоих лучей.
Вот почему в тебе иду я совершенства, —
Оно послужит мне источником блаженства.
В. Мазуркевич

38

У музыки ли моей не хватит для стихов
Предмета, если ты даруешь им дыханье,
Настолько чудное, что для простых листов
Бумаги тягостно такое содержание?
О, благодарна будь тебе, тебе одной,
(Когда в моих стихах ты что-нибудь отметишь;
И кто настолько нем, чтобы не петь со мной,
Когда сама) как мысль высокая, ты светишь?
Десятой музыкой будь, будь выше в десять раз
Тех старых девяти, знакомых всем поэтам;
И песни чудные внуши им в добрый час,
Чтобы не старились те песни в мире этом.
Пусть с музыкой слабою стяжал успех и я,
Здесь труд создания мой, а слава вся твоя.
Лейтенант С.

39

О, как же я тебя достойно воспою,
Когда ты часть моя, и лучшая, я знаю?
И как я оценить могу хвалу мою,
Когда, хваля тебя, себя я восхваляю?
Хотя бы для того нам лучше врозь дышать,
Чтоб не смыкались мы любви единым кругом;
Разлука, может быть, поможет мне воздать
То, что воздать тебе невозможно по заслугам.
Каким мучением была б, разлука, ты,
Когда бы твой досуг безмолвный и унылый
Не оставлял в душе свободу для мечты?
С ней чаша невидимо проходит легкокрылый.
И ты, разлука, вновь двоих разделяя,
О том даешь мне петь, что не вблизи меня.
Лейтенант С.

40

Возьми себе все то, что я люблю, мой друг!
Но к прежнему всему не много ты прибавит:
Ведь все, что мог бы дать тебе любви досуг,
Уже давно тебя и нежит, и забавит.
Я не могу сердиться на тебя,
Что ты в делах любви владеешь лучшей долей;
Но грех тебе, когда, влекомый злою волей,
Берешь, что после прочь бросаешь от себя.
Я извиню тебе покражу, похититель,
Когда ты обернешь и всю мою обитель,
Хотя шипки любви бывают тяжелей
Всей желчности людской и ярости их всей.
О сладострастье, зло златящее лучами,
Убей меня, но быть не можем мы врагами!
Н. Гербель

41

Грехи любви, что совершаешь ты,
Из сердца вырвав образ мой влюбленный,
Естественны для юной красоты,
Со всех сторон соблазном окруженной.
Красив ты: ласки нравятся твои;
Ты нежен — ты поддашься обольщению,
И если ищет женщина любви,
Сын женщины ль ответит ей презрением?
Но все-таки будь сдержанной порой.
Брани красу и сердца легковерность;
Ты вовлечен ведь ими в грех двойной
И знай, ты дважды нарушаешь верность:
Ее — красивой своею соблазна,
Свою же тем, что позаблел меня.
Пл. Краснов

42

Она твоя — я не о том горюю,
Хотя люблю ее я горячо.
Что ты ее, — об этом слезы лью я:
Тебя утратить мне больней еше.
Изменники! Вас все ж я извиняю.
Ты полюбил ее за то, что я
Ее люблю, — она ж, тебя лаская,
Нежна к тебе, конечно, для меня.
Тебя утрачу — выигрыш подруги;
Утрачу ли ее — ты приобрел.
Теряю я; но вы нашли друг друга,
И ради вас мне крест мой не тяжел.
Ведь друг и я — одно, и я лелею
В душе мечту, что я люблю лишь ею.
Пл. Краснов

43

Закрыв глаза мои, мир лучший вижу я:
Я целый день людей лишь чуждых мне
встречаю,
Во сне же, дивном сне, гляжу я на тебя
И взор мой пламенный в мрак ночи устремляю.
О ты, чьей тенью тьма ночей озарена,
Чья тень невидящим очам блистит приветом,
Какой счастливый блеск придала бы она
Снянью дня своим могучим светом!
О, как бы восхитил меня твой яркий свет,
Когда бы на тебя взглянул я в день веселый,
Коль и во тьме ночей твой легкой силуэт
Рисуется слепым очам сквозь сон тяжелый!
Мрачнее ночи день, пока ты не со мной,
И ночь светлее дня, коль снится образ твой.
Н. Брянский

44

Когда бы мыслью плоть была моя —
Не знал бы я преграды расстоянья!
Назю ему тогда к тебе бы я
Из дальних стран примчался на свиданье!
Пусть от тебя в далекой стороне
Я отделен морями и землею:
Проворна мысль! И ей легко вполне
Лететь туда; где хочет быть с тобою.
Но мысль, что я не мысль, — меня гнетет,
Что не могу я в даль переноситься,
Но, как дитя, увь! земли и вод,
Я обречен лишь плакать и томиться.
И, кроме горьких слез, нет ровно ничего
От грубых тех стихий для горя моего.
Н. Брянский

45

Другие две стихии, где бы я
Ни находился — те, всегда с тобою:
То воздух — мысль моя, огонь — любовь моя;
Они, свободные, несутся с быстротою.
Когда же от меня они умчатся в даль,
К тебе, красавица, с приветом страсти нежной,
Без этих двух стихий одна печаль
Мне суждена, да гнет тоски безбрежной.
И я — мертвец; но лишь они назад
Вернутся вновь — и с ними жизнь вернется!
Весть добрую о милой сообщат —
И сердце радостью зажжется.
Но я спешу к тебе ей снова отослать,
И грустен, и уныл вмиг становлюсь опять.
Н. Брянский

46

Глаза и сердце полны пререканья —
Как совершить дележ красы твоей:
От сердца очи право созерцанья
Хотят отнять, а сердце от очей.

Твой образ сердце сохранять желает.
Чтоб в тайнике от глаз скрывался он,
Противник же то право отрицает!
Твердя, что в нем твой образ отражен!
Чтоб спор решить, свершенны приговора
Я поручил собранью Дум моих;
Вот что присуждено, согласно мненью их,
На долю сердца и на долю взора:
Во власть глазам твой внешний отдан вид,
А сердце — внутренний твой мир принадлежит.
Н. Брянский

47

Союз с глазами сердце заключило —
Всегда, во всем друг другу помогать,
Коль алчет взор увидеть образ милый
Иль сердце от тоски начнет вздыхать.
Коль твой портрет глаза мои чарует,
То сердце делит с ними этот мир.
У сердца очи в свой черед пируют,
Как полн тобой его мечтаний мир.
Так, твой портрет, моя любовь связала
Нас цепью неразрывною с тобой.
Ведь не уйдешь моих ты мыслей дале;
Ты, значит, в них; они ж всегда со мной.
И даже если сплю, твой образ дивный
Чарует взор и сердце непрерывно.
Пл. Краснов

48

Сбираясь в путь далекий, я убрал
Все вещи, что не взял с собою вместе,
И чтобы вор их дерзкий не украл,
Их запер под замок в надежном месте.
Ты ж лучшее сокровище мое, —
Мое блаженство и мое мученье, —
В сравненьи с чем все прочее ничто,
Оставлено вора на расхищенье.
Не запер я на ключ, в сундук, тебя...
Лишь там, где нет тебя и все ж ты вечно, —
В груди моей, — храню тебя любя.
И можешь ты уйти отсель бесечно...
Ах, могут у меня тебя украсть;
Из-за тебя и честный может пасть.
Пл. Краснов

49

С порою той — не дай ей Бог настать! —
Когда, мои увидев недостатки,
Меня начнешь ты строго осуждать,
Любовь свою истратив без остатка;
С порою той, когда ты отвратишь
Свой солнцез-взор, когда-то благосклонный,
Любовь свою в презренны обратишь.
Найдешь к холодности предлог законный, —
С порою тою ныне я борюсь,
Грехи свои заране признавая.
На суд тебе охотно отдаюсь
И правоту твою благословляю.
Имеешь право ты меня забыть:
Ведь нет причин тебе меня любить.
Пл. Краснов

50

Свой дальний путь свершаю я лениво,
Ведь отдых, что меня в конце его
Манит, — я знаю, — мне шепнет тоскливо:
«Ах, сколько миль до друга твоего!»
Едва плетется конь, моей печалью,
Как тяжестью какой-то, утомлен.
Как будто чувствует он, что этой далью,
Что между нас растет, — я удручен.
В бока его и шпоры не возваю,
И если сгоряча толкну ногой,

То стону тяжкому коня внимаю
С такою же болезненной тоской.
Напомнит он, что ждет меня томление,
Что позади и жизнь, и наслажденье...
Пл. Краснов

51

Любовь прощает медленность коня,
Когда с тобой я должен различаться;
Зачем спешить? Что может гнать меня?
Спешить пора, как буду возвращаться.
Тут извинений конь мой не найдет...
Все будет мне медлительным казаться.
От шпор моих и ветер не уйдет,
Когда б я на спине его мог мчаться.
Коню ль мои желания догнать?
Должно меня нести любви стремленье;
Не может плоть за нею поспевать, —
И вот коню находит извиненье
Любовь: едва плелся он от тебя;
Пушу его и полечу любя.
Пл. Краснов

52

Я — как богач, которого приводит
К сокровищу заветного из ключей;
Смотреть свой клад не каждый час он ходит,
Чтоб радость сделать реже, но сильней.
Так праздников торжественных веселье
Разделено по редким дням в году;
Так лучшие из перлов в ожерелье
Нанизаны не сплошь в одном ряду,
Так часто время и тебя скрывает,
Как редкий перл иль праздничный наряд:
Тем слаще видеть мне тебя бывает!
Благодарить за все тебя я рад.
С тобою быть — блаженство обладанья;
Тебя не видеть — счастье ожиданья!
Н. Холодковский

53

Скажи мне, из чего ты, друг мой, сотворен,
Что целый рой теней причудливых кидаешь?
Ведь каждый лишь одной здесь тенью наделен,
А ты вокруг себя всех тени совмещаешь.
Адониса ль фигуру начертать —
Получим бедное подобие с твоєю;
Елену ли как перл искусства изваять —
В одежде греческой ты будешь сходен с нею!
Ты в образе твоём весну с собой несешь,
А пышной зрелостью ты лето представляешь;
В красе всех внешних форм черты твои
найдешь,
Во всяком образе благом тебя узнаешь, —
Но не сравниться никому с тобой
Ни постоянством сердца, ни душой.
Н. Брянский

54

О, красота еще прекраснее бывает,
Когда огонь речей в ней искренность являет!
Прекрасен розы вид, но более влечет
К цветку нас аромат, который в нем живет.
Пышна царица гор, лесов, садов и пашен,
Но и шиповник с ней померится на вид:
Имеет он шипы и листьями шумит
Не хуже, чем она, и в тот же цвет окрашен.
Но так как сходство их в наружности одной,
То он живет один, любяясь сам собой,
И вянет в тишине; из розы же добывают
Нежнейшие духи, что так благоухают.

Так будешь жить и ты, мой друг, в моих
стихах,
Когда твоя краса и юность будут — прах.
Н. Гербель

55

Ни гордому столпу, ни царственной гробнице
Не пережить моих прославленных стихов,
И имя в них твое надежней сохранится,
Чем на дрянной плите, игралище веков.
Когда война столпы и арки вокруг низложит
И памятники в прах рассыплется в борьбе,
Ни Марса меч, ни пыл войны не уничтожат
Свидетельства, мой друг, живого о тебе.
И, вопреки вражде и демону сомнений,
Ты выступишь вперед — и похвала всегда
Сумеет место дать тебе среди поколений,
Какие будут жить до страшного суда.
Итак, покамест сам на суд ты не предстанешь,
В стихах твоих и в глазах век жить
не перестанешь.
Н. Гербель

56

Восстань, любовь моя! Ведь каждый уверяет,
Что возбудит тебя трудней, чем аппетит,
Который, получив, сегодня все молчит,
А завтра — чуть заря — протест свой заявляет.
Уподобись ему — и ныне же мой друг,
Скорей насыть глаза свои до пресыщения,
А завтра вновь гляди и чувством охлажденя
Не убивай в себе любви блаженной дух.
Пусть промежутков тот на то походит море,
Что делит берега, куда с огнем во взоре
Является, что день, влюбленная чета,
Чтоб жарче с каждым днем соединять уста.
Иль уподобься ты дням осени туманным,
Что делают возврат весны таким желанным.
Н. Гербель

57

Твой верный раб, я все минуты дня
Тебе, о мой владыка, посвящаю.
Когда к себе ты требуешь меня,
Я лучшего служения не знаю.
Не смею клясть я медленных часов,
Следа за ними в попытке ожиданья,
Не смею и роптать на горечь слов,
Когда мне говоришь ты: «До свиданья».
Не смею я ревнивою мечтой
Следить, где ты. Стою — как раб угрюмый —
Не жалуюсь и полн единой дугой:
Как счастлив тот, кто в этот миг с тобой!
И так любовь безумна, что готова
В твоих поступках не видать дурного.
Валерий Брюсов

58

Избави Бог, судивший рабство мне,
Чтоб я и в мыслях требовал отчета,
Как ты проводишь дни наедине.
Ждать приказаний — вся моя забота!
Я твой вассал. Пусть обречет меня
Твоя свобода на тюрьму разлуки:
Терпение, готовое на муки,
Удары примет, голову склоняя.
Права твои свободы — без предела.
Где хочешь будь; располагай собой
Как вздумаешь; в твоих руках всецело
Прощать себе любой проступок свой.
Я должен ждать, — пусть в муках изнывая, —
Твоих забав ничем не порицая.
Валерий Брюсов

59

Быть может, правда, что в былое время, —
 Что есть, — все было; нового — здесь нет,
 И ум, творя, бесплодно носит бремя
 Ребенка, раньше видевшего свет.
 Тогда, глядящие в века былые,
 Пусть хроники покажут мне твой лик,
 Лет за пятьсот назад, в одной из книг,
 Где в письмена вместилась мысль впервые.
 Хочу я знать, что люди в эти дни
 О чуде внешности подобной говорили.
 Мы стали ль совершенней? иль они
 Прекрасней были? иль мы те ж, как были?
 Но верю я: прошедшие года
 Таких, как ты, не знали никогда!
Валерий Брюсов

60

Как волны набегают на камни,
 И каждая там гибнет в свой черед,
 Так к своему концу спешат мгновенья,
 В стремлении неизменном — все вперед!
 Родимся мы в огне лучей без тени
 И в зрелости бежим; но с той поры
 Должны бороться против злых затмений,
 И время требует назад дары.
 Ты, время, юность губишь беспощадно,
 В морщинах искажаешь блеск красоты,
 Все, что прекрасно, пожираешь жадно,
 Ничто не свято для твоей косы.
 И все ж мой стих переживет столетья:
 Так славы стоит, что хочу воспеть я!
Валерий Брюсов

61

Твоей ли волею тяжелые ресницы
 Я не могу сомкнуть во мгле немых ночей?
 Ты ль прерываешь сон, посылая мне вереницы
 Похожих на тебя пленительных теней?
 И твой ли дух ко мне летит в ночи безмолвной,
 Сторяя ревностью, не знающего сна,
 Что бред подслушать мой, измены скрытой
 полный?
 О нет, твоя любовь на это не властна.
 Моя, моя любовь лишила сновидений
 Усталые глаза, умчала мой покой;
 Могучая, она как благодатный геній,
 Как зоркий сторож твой — везде, всегда со мной.
 Твой мир она хранит. А ты — по воле рока, —
 Так близко ты к другим, так от меня далеко!
Ф. Червинский

62

Владеет мной порок самовлюбленье,
 Мой дух и плоть равно повинны в нем;
 И нет тому пороку исцеленья,
 Так в сердце вкоренился он в моем.
 Мне кажется, что нет лица чудесней
 И что никто так дивно не сложен,
 Что в мире всех я лучше и прелестней —
 Вот до чего я сам в себя влюблен.
 Когда же в зеркале увижу я случайно
 Себя изношенным под бременем годов,
 Пойму тогда, в чем этой страсти тайна,
 Что не ко мне относится любовь,
 Что не себя во мне, тебя я восхваляю,
 Красой твоей весны мой возраст украшаю.
Н. Брянский

63

Чтоб никогда предмет моей любви
 Не стал таким, как я, годами истомленный,
 В морщинах на челе и с холодом в крови,
 Чтоб, совершив свой путь определенный,

Не стали бы зимой весны его года.
 Чтоб солнце чар его не потускнело
 И не зашло, похитивши с собой
 Его весны сокровища, — я смело
 Борном иду, поры противник той,
 Навстречу старости сухой и беспощадной,
 Чтоб не скосить ничем, ни даже смертью
 жадной,
 Красы твоей, мой друг, из памяти людской.
 Она средь этих строк, как скачная фея,
 В сонетах будет жить, цвета и зелена.
Н. Брянский

64

Когда я вижу, как волшебные уборы
 Срывает время с древности седой,
 И башни рушатся, высокие как горы,
 И в рабстве медь у ярости слепой;
 Когда я вижу как, в береговое царство
 Врываюсь, океан бушует и ревет,
 Как алчная земля, исполнена коварства,
 Захватывает сонм необозримых вод,
 Как распадается могучие народы,
 Как царства пышные в развалинах лежат, —
 Я скорбно думаю, что мстительные годы
 Ее, мою любовь, отнимут и умчат.
 О, эта мысль — как смерть! Не плакать я не
 в силах,
 Что все мне близкое — все скроется в могилех.
Ф. Червинский

65

Ни море, ни земля, ни камень и ни сталь
 Не в силах отразить твою, о смерть, угрозы —
 И красота ли их сильнее — красота ль,
 Чья так же власть слаба, как ландыша и розы?
 Как может устоять весенний ветерок
 Пред гибельной волной слепого урагана?
 Пожрет и сокрушит седых времен поток
 И сумрачный гранит, и влагу океана.
 Мучительная мысль! Бессилен человек
 Спасти единый перл от вас, немые годы!
 Какою силою остановить ваш бег?
 Кто помешает вам губить красу природы?
 На чудо лишь, мой друг, ничтожно
 их влияние:
 Чернила вечное дадут тебе сиянье.
Ф. Червинский

66

Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный.
 Устал я видеть честь поверженной во прах,
 Заслугу — в рубище, невинность —
 оскверненной,
 И верность — преданной, и истину — в цепях.
 Глушцов, гордящихся лавровыми венками,
 И обесславленных, опальных мудрецов,
 И дивный дар небес, осмеянный слепцами,
 И злое торжество пустых клеветников.
 Искуство — робкое пред деспотизмом
 власти,
 Безумья жалкого надменное чело,
 И силу золота, и гибельные страсти,
 И Благо — пленником у властелина Злою.
 Усталый, льнул бы я к блаженному покою,
 Когда бы смертный час не разлучал с тобою.
Ф. Червинский

67

О, для чего он будет жить бесславно
 С бесчестием, с заразой и грехом!
 Вступая в союз и им служить шитом?
 Зачем румяна спорить будут явно

С его румянцем нежным и тайком
 Фальшивых роз искать себе тщеславно,
 Когда цветут живые розы в нем?
 Зачем теперь живет он своенравно,
 Когда природа, обнищав, ему
 Дала всю кровь, живет с него доходом
 И бережно лелеет потому,
 Что хвастаться желяет пред народом,
 Каких богатств хранилищем была,
 Когда во дни счастливые цвела.

А. Федоров

68

Его лицо — рисунок благородный
 Минувших дней, когда краса жила
 И умирала, как цветок природный:
 Подделка ей неведома была,
 Сребристых кос с покойниц не брала
 Себе она, чтобы прической модной
 Украсить жизнь чужого им чела.
 Но воскресил мой друг красую сродной
 Дух древности. Он из весны чужой
 Не создавал фальшивого расцвета,
 Он не творил над мертвыми разбой,
 Храня его для гниющего света.
 Природа всем показывает в нем,
 Что красотой считалось в былом.

А. Федоров

69

В глазах людей, то, что в тебе сияет,
 Не требует добавочных красот.
 Уста — душа народа, и народ
 Тебе хвалу правдивую слагает.
 Твоей красоты и враг не отрицает.
 Но этот хор, что гимн тебе поет,
 Глядит во глубь души твоей, и вот
 Ее твоим дням измеряет.
 И пышному цветку, казня его
 За то, что встречен лаской благосклонной,
 Лишь запах плевел душный и зловонный
 Они придать стремятся, оттого
 Что пред красой твоей аромат бесспорно
 Ничтожен: ты ведь вырос беспризорно.

А. Федоров

70

Пускай тебе сопутствует глумление, —
 За красотой злословье вслед идет,
 За прелестью, как ворон злой, с высот
 Следит зловещим оком подозренье.
 Чем лучше ты, — злословье, без сомненья,
 Язвит сильней: червь любит нежный плод,
 А твой расцвет прекрасен. Ты вперед
 Отважно шел чрез бездны искушенья
 В дни юности и победил. Но все ж
 Твоя победа гордая не может
 У зависти преступный вырвать нож!
 Пусть подозренье мир твой не встревожит,
 Тогда прими властительный венец
 И будь владыкой царства всех сердец.

А. Федоров

71

О, если я умру, не долгие слезы лей,
 Чем длиться будет звон суровый погребальный,
 Когда он возвестит, что злобный мир
 печальный
 Покинул я, уйдя в обитель злых червей.
 При виде этих строк — покинь воспоминанье
 О дружеской руке, что начертала их.
 Я так тебя люблю, что и в мечтах твоих

Я не желаю жить, коль принесет страданье
 Тебе мысль обо мне. О да, скажу я вновь:
 При виде строк моих — когда навеки угасну —
 Ты друга имени не называй всечасно!
 Пусть с жизнью моей уйдет твоя любовь,
 Не то наш мудрый свет зло смехом покарает
 Тебя за то, что нас и смерть не разлучает.

И. Гриневская

72

О, друг мой, чтобы мир не жадал объясненья,
 За что ты любишь так, и мертвого, меня,
 Меня ты позабудь, забудь без сожаленья,
 Во мне нет ничего, чтоб мог при свете дня
 Ты миру показать. Прибегнуть к лжи
 прекрасной
 Придется, друг, тебе, чтоб мне хвалу воздать,
 Что правда в скуности воздать мне не согласна.
 В уборе чуждом мне я не хочу предстать!
 Чтобы любовь твоя, мой друг, пред светом
 целым
 За все хвалы твои неправой не слыла —
 Пусть имя бедное мое угаснет с телом,
 Чтобы позора мгла меня не стергла.
 Я дел моих стыжусь! как я — ты их осудишь.
 Что низкое ты чтил — стыдиться вечно будешь.

И. Гриневская

73

Во мне ты видишь, друг, то время года,
 Когда рвет ветер желтый лист ветвей,
 Когда уныло стонет непогода,
 Где прежде пел так сладко соловей.
 Во мне, мой друг, ты видишь свет
 прощальный
 На западе погаснувшего дня.
 Тот свет предвестник полночи печальной,
 Угрюмой смерти близкая родня.
 Во мне огня ты видишь угасенье...
 Он умереть не хочет под золой,
 Но вырваться смешны его старанья:
 Его залудит пепла мертвый слой.
 Во мне ты это видишь, и разлуку
 Предчувствуешь, и крепче жмешь мне руку...
С. Ильин

74

Но примиришь с моей безжалостной судьбой:
 Пусть смерть меня сразит, тогда исчезну я,
 А песни все мои останутся с тобой,
 И ты поймешь их смысл, что в них вся жизнь
 моя.
 И что я посвятил тебе в моих стихах,
 Отыщешь в Песнях все — и усладишь
 твой слух.
 Владей моей душой. Отходит к праху прах,
 Но лучшее — твое, и лучшее — мой дух.
 Итак, утратишь ты осадок бытия,
 Добычею червей напрасно дорожа:
 Для памяти твоей плоть низменна моя,
 Негоднейший трофей злодейского ножа.
 И то, что в ней жило, вот чем ценна она:
 То песнь моя, тебе навеки отдана.
Петр Быков

75

Ты, друг, для дум моих, что пища для живых,
 Иль внешние дожди для жаждающих полей.
 Чтоб твой покой сберечь, в борьбе я не затих,
 Воюю, как скупец, из-за казны своей.
 Сокровищем кичась, страшится он порой,

Чтоб хищник-время вдруг богатства
не раскрал, —
И я то жажду быть наедине с тобой,
То рад, чтоб целый свет мое блаженство знал.
Чуть вижу я тебя — насыщена душа,
Отсутствием — томлюсь, чтоб на тебя

взглянуть,
Не ведая других блаженств, лишь тем дыша,
Отрадой той, что мне ты проливаешь в грудь.
Вот так то я томлюсь, то пресыщен теперь,
То дожираю все, то стражду от потери.
Петр Быков

76

Зачем от новизны далека мой скромный стих,
Не ищет перемен и смены в жизни дня?
Зачем я не хочу ни слов, ни форм иных,
Хоть время и летит, лишь старое хрюпя?
Зачем пишу одно, все вымыслы любя
Облечь в знаковый всем наряд или язык?
И каждую строкой я выдаю себя,
И открываю слов и смысла их родник?
О, знай, друг дорогой, лишь о тебе пишу,
Вся суть моих стихов одна — ты и любовь.
И в новом старый стих опять преподношу,
И новый пересказ даю о старом вновь.
Как старей солнца луч сверкает новизной,
Так и мой стих твердит слова любви одной.
Петр Быков

77

Ты в зеркале узишь всю убыль красоты,
Часы подскажут счет растрченных минут,
Из книжки записной урок получишь ты,
Когда ее листки твой дух передадут.
То зеркало, твои морщины отразив,
Зияющих могил тебе напомнит ряд.
А тень часов следа, поймешь времен призыв,
Что, крадучись как вор, дни к вечности летят.
Что в памяти своей не можешь удержать,
То книжке этой вверх, ее пустым листкам —
И вскормленных детей, что бросил мозг, опять
Тогда призывает здесь и примет дух твой сам.
И вот, когда листки задумаешь прочесть,
Ты пользу обретешь — и это книжке честь.
Петр Быков

78

Ты музой был моей. Тойбой одним согретый,
Такую красоту обрел мой легкий стих —
Что вслед за мной идут другие все поэты
И по моим следам несутся перья их.
Твой взор немым давал способность
песнопенья,
Недвижного глупца ввысь уносил твой взор,
Ученые окрылял и, с властью Провиденья —
Талант он облекал в величия убор.
Гордьясь мной более, чем прочими певцами,
Им дал ты лишь твой блеск. Созданье я твое;
Твоими чистыми, горячими лучами
Проникнуто насквозь все существо мое.
Искусство ты мое, а я твое создание;
Мне невежество вознес ты в сферу знания.
И. Гриневская

79

Когда я звал тебя один, тогда звучали
Одни мои стихи чудесно, дорогой!
Но муза в недуге моя, полна печали,
Теперь принуждена здесь место дать другой.
Для песен в честь тебя, о друг мой, я согласен,
Должно бы взять перо победное в борьбе:
Ты полон нежных чар, пленителен, прекрасен.

Поэт твой лишь крадет все, что дает тебе.
О, в добродетель, друг, тебя он наряжает.
Но слово то он взял из добрых твоих дел
И красоту со щек твоих же похищает,
Всем обладаешь ты, что он в стихах воспел.
О друг мой, не нужна ему твоя уплата:
Все, что тебе он дал — все от тебя же взято.
И. Гриневская

80

Нет, не могу я петь. Мой дух изнемогает!
Сильнейшего твое пленит красота.
Иной в хвалу тебе стихи теперь слагает,
Пред силою его — немые мои уста.
Но чары все твои, как океан, безбрежны.
В стихии мощной их и судно, и ладья
Свободно могут плыть. И челн мой безмятежно
Направлю по волнам глубоком смело я.
Мне помоги; пушусь вперед я, как бывало,
Как он, что носится в бездонных глубинах.
О, если разобьюсь — так что ж? — челнок
я малый,
Великий он корабль в бесчисленных снастях.
Пусть к цели он придет. Пусть погрузит
в пучину.
Случится худшее: друг, от любви я спину.
И. Гриневская

81

Рука моя ль тебе над гробом строфы сложит,
Иль будешь ты в живых, когда сгнию в земле —
Но славу, друг, твою смерть унести не может,
Хотя б исчезнул я навек в могильной мгле.
Век имя будет жить твое здесь в поднебесной,
Когда же я умру — умру я навсегда.
Я лягу, как и все — в могиле безывестной,
Твой гроб найдет привет в грядущие года!
И памятник над ним — то будет стих мой
нежный!
Грядущих в мир людей глаза его прочтут!
И о тебе уста гармонией безбрежной
Заговорят, когда все сущие умрут.
Ты вечно будешь жить. Перо мое могуче!
Где мощней дышит грудь — слышней мое
созвучье.
И. Гриневская

82

Ты с музою моей не скован браком вечным;
Иных «певцов хвалы свободен слушать ты.
Пускай дано воспеть стихам их бесконечным
Труды твои, твои прекрасные черты.
Как ты красив умом, так ты прекрасен телом,
Ты выше всех моих похвал, и вновь искать
Ты должен строф таких, чтобы в полете
смелом
Могли бы на крылах они тебя поднять.
Ищи. Но в час, когда поблекнут выраженья,
Что дух риторики твоим певцам дает,
В простых словах моих, правдивых, —
отраженье
Вся красота твоя, как в зеркале, найдет.
Румяна грубые их бледным лицам годны,
А для тебя они не нужны, друг, бесплодны.
И. Гриневская

83

Я видел: не нужны щекам твоим румяна;
На красоту твою я их не налагал.
И выдумок певцов, красивого обмана
Не ищешь ты, мой друг, — всегда я полагаю —
И потому всегда я мелил похвалами;
Ты жизнь свою то можешь показать,

Что ни одно перо звучнейшими строфами
 Не в силах было бы достойно описать.
 Молчанье ставишь в грех мне. В нем я вижу
 силу.

Молчаньем красоте обид не наношу,
 Желая дать ей жизнь — все роют ей могилу,
 И потому я нем. Похвал ей не пишу.
 Есть больше чар в одном из глаз твоих
 прекрасных,

Чем в строфах двух твоих поэтов
 сладкогласных.

И. Гриневская

84

Красноречивей кто? Кто выразить сумеет
 Хвалу превыше той, что ты, о друг мой, ты?
 В тебе одном все есть, в тебе одном то зреет,
 Что служит мерою твоей же высоты.
 Перо, что возности предмет свой не сумело,
 Как жалко то перо! Но тот, кто каждый раз
 Расскажет о тебе, что ты — все ты — тот смело
 Возвысит до небес правдивый свой рассказ.
 Пусть рабски снимет он, что в чистом
 очертаньи

Написано в тебе. Природы ясных слов
 Пусть он не затемнит, и это воссозданье
 Поднимет стиль его превыше облаков.
 Одно есть зло в тебе: напрасные заботы
 Умножить тьмой похвал твоих же все красоты.
И. Гриневская

85

Взгустнув, молчит моя задумчивая Муза,
 В виду всех тех похвал стесняющего груза
 И громких фраз, каких наслушался я круг
 Из уст певцов, тебя хваливших, милый друг.
 Я мыслю хорошо, пока другие пишу
 И, как дьячок, «аминь» кричу на весь народ
 В ответ на каждый гимн, в котором звуки
 дышат,

А содержание в нас так мудростью и бьет.
 И, слыша похвалы, «о, правда!» я взываю
 И к похвалам тем лишь немного прибавляю,
 Но если мой язык и мало говорит,
 То мысленно любовь у ног твоих лежит.
 Так уважай других за их слова благие,
 Меня же, милый друг, за помыслы немые.
Н. Гербель

86

Его ли гордый стих, прекрасный и могучий,
 Возвышенный мечтой награду получить,
 Сковал в мозгу моем паренье мысли жгучей,
 Где прежде рок судил родиться ей и жить?
 Его ли дух, толпой злых духов наученный
 Стал выше смертных всех в творении своем
 Сражать меня? О нет! Ни дух тот благодный,
 Который над его господствует умом,
 Заставил замолчать мою святую лиру;
 Ни он, певец любви, ни дух его благой,
 Взносящий ум его к налзвездному эфиру,
 Не в силах наложить печать на голос мой!
 Но если с уст твоих хвала к нему слетает,
 То муза дум моих мгновенно умолкает.
Н. Гербель

87

Прощай — ты для меня уж слишком дорога;
 Да и сама себе ты, верно, знаешь цену.
 Нажив достоинств тьму, ты сделалась строга;
 Я ж, став твоим рабом, нейдю на перемену,
 Чем, кроме просьб, тебя могу я удержать,
 И чем я заслужил такое совершенство?

Нет, не по силам мне подобное блаженство,
 И прав я на него не вправе заявлять.
 Ты отдала себя, цены себе не зная,
 Иль — может — как во мне, ошиблась ты в себе.
 И вот, случайный дар мне милый возвращая,
 Я вновь его дарю, прекрасная, тебе.
 Да, ты была моей, но долго ль это было?
 Я спал — и был царем, проснулся —
 и все сплыло.

Н. Гербель

88

Когда тебе придет охота пренебречь
 И обо мне повесть презрительную речь,
 Я сам, друг, на себя готов с тобой подняться
 И, про грешки забыв, тобою восхищаться.
 Привыкнувши свои проступки сознавать,
 Тебе на пользу я могу порассказать
 Кой-что про жизнь свою, что так меня
 бесславит,
 И — верь — измена мне лишь честь тебе
 доставит.

Но это может быть и к выгоде моей,
 Затем что я тебе весь пыл мой посвящаю
 И, тем вредя себе для выгоды твоей,
 Все ж пользу и себе при этом извлекаю.
 Я так люблю тебя и счастлив так тобой,
 Что для тебя готов пожертвовать собой.
Н. Гербель

89

Скажи, за что меня покинула, родная —
 И оправдать себя сумею я, кланяясь!
 Скажи мне, что я хром, — и я смолчу,
 смирюсь,
 На доводы твои ничем не возражая.
 Настолько, друг, тебе меня не пристыдить,
 Чтоб оправдать свою жестокою измену.
 Я сам устрою все, смягчая перемену,
 И, став чужим, к тебе не стану уж ходить.
 Да и встречать тебя в прогулках уж не буду,
 Не буду имя я твое произносить,
 Чтоб этим как-нибудь тебе не повредить.
 А там и о любви взаимной позабуду.
 Я на себя восстать из-за тебя готов,
 Затем что не могу любить твоих врагов.
Н. Гербель

90

Когда моим врагом быть хочешь — будь
 теперь,
 Когда передо мной захлопывают дверь.
 Низвергни в грязь меня, соединишь
 с судьбою,
 Но не карай потом последствий мезтью злою.
 Когда душа моя печали сбросит гнет,
 Не приходи вонзять мне в грудь шипы забот!
 Пускай за ночи тьмой не следует несчастье,
 Чтоб отдалить — не дать померкнуть солнцу
 счастья!
 Когда ж настанет час разлуки, пусть борьба
 Не длится, чтобы рок усилился ей не дал
 И дух мой поскорей все худшее изведаль,
 Что может мне послать суровая судьба, —
 И я не назову тогда несчастьем, знаю,
 Того, что я теперь несчастьем называю.
Н. Гербель

91

Иной гордится тем, что в золоте родился,
 Тот — родом, силой мышц, игрою острых слов,

Тот — бархатным плащом, в который
 нарядился;
 Тот — своєю собак, тот стаей соколов —
 И радость в том они тем большую находят,
 Чем кажется она заманчивей других;
 Но так как их мои избытки превосходят,
 То нет им и цены большой в глазах моих.
 Любовь твою ценю я выше, чем рождение,
 А взор дороже мне пурпуровых одежд,
 Затем что в мире всем, исполненном надежд,
 С тобой одной, мой друг, возможно наслаждение.

Одно меня страшит, что можешь ты притом
 Меня лишитъ всего и сделать бедняком.
Н. Гербель

92

Как ни желала б ты укрыться от меня,
 Пока я жив — моей ты быть не перестанешь;
 Я ж буду жить, пока жива любовь твоя,
 Которою давно меня к себе ты манишь.
 Итак, мне нужды нет страшиться новых бед,
 Которых уж ничто на свете не повысит;
 К тому ж в моей судьбе чуть виден бури след,
 А от твоих она капризов не зависит.
 Но ты не огорчишь неверностью своей
 Того, кто пережить ее не в состоянии.
 Да, я вдвойне счастлив в любви к тебе моей
 Еще тем, что она живет в моем дыханье.
 Но все же есть и тут дурная сторона:
 Ведь я могу не знать, что ты мне неверна.
Н. Гербель

93

Я буду мыслью жить, что ты еще верна,
 Как позабытый муж, не видя перемены
 В любимом им лице, не чувствует измены.
 Глазами лишь со мной, душой — разлучена,
 Ты мне не дашь в себе заметить перемену,
 Затем что в них таить те можешь ночи мглу.
 В ином лице легко по хмуromу челу
 Прочтешь на дне души созревшую измену;
 Но небеса, тебе плоть давшие и кровь,
 Решили, что в тебе должна лишь жить любовь,
 И как бы ни была зла мыслей неизбежность,
 В чертах твоих должны сиять лишь страсть
 и нежность.
 Как облик твой с плодом запретным Евы
 схож,
 Когда характер твой на внешность не похож!
Н. Гербель

94

Кто властен делать зло, в ком есть к нему
 стремленье
 И кто порыв к нему способен заглушить,
 Чья воля — сталь, пред кем бессильно
 искушение —
 Все милости небес тот вправе получить.
 Он многоценными дарами обладает,
 Не расточая их. Он сам свой властелин,
 Не слабый раб страстей. Живет и умирает
 Лишь для себя цветок — и все ж он перл
 долин.
 Но чуть подкрадется к нему недуг
 нежданный —
 И плевел кажется свежее, чем цветок.
 Роняет красота венец свой златотканый,
 Чуть прикоснется к ней предательски порок.
 И роза пышная и лилия лесная
 Красу и аромат теряют, увядая.
Ф. Червинский

95

В какие прелести свой грех ты заключаешь,
 Каким чарующим ты делаешь порок,
 Которым честь свою беспечно ты пятнаешь,
 И гадкий червь грязнит раскрывшийся
 цветок...

Но кто бы мог, скажи, с усмешкой
 и презреньем
 Позорить жизнь твою и дни твоих утех?
 Лишь назовут тебя — и смолкнет осуждение,
 И привлекательным казаться станет грех...
 О замок прелести! Как сердце он пленяет,
 Хотя внутри его порок и пустота.
 Так грязное пятно мгновенно превращает
 В очарование живая красота.
 Но бережно владей сокровищем твоим —
 В дурных руках и нож становится тупым.
Г. Галина

96

Одни тебя за пыл и молодость бранят,
 Другие же за них тебя боготворят,
 И каждый ради них лобуется тобою,
 Скрывающей грехи свои под красотой.
 Как бриллиант в венце царицы молодой
 Способен возбудить в сердцах восторг живой,
 Так и грехи твои вид правды принимают
 И ложное считать за правду заставляют.
 Немало б обманул разбойник-волк ягнят,
 Когда б судьба дала ему ягненка взгляд.
 О, скольких увлекла б ты смертных

на страданье,
 Сумей лишь в ход пустить свое очарованье!
 Ну что ж, когда тебя люблю так крепко я,
 Что честь твоя близка мне так же, как своя!
Н. Гербель

97

Какой студеной, хмуromою зимою,
 Какой завесой непроглядной тьмы
 Я окружен был в дни, когда с тобою
 Разлучены, друг нежный, были мы.
 Пора меж тем стояла золотая:
 Сменяя лето, осень плод несла,
 Обильный плод, что от красавца мая
 Она весной веселой зачала.
 Но сиротливой, жалкой нищетою
 Казалась мне вся эта благодать.
 Всю жизнь, всю радость ты унес с собою,
 И даже птицы громко щебета
 Не смели в рощах, иль печальным пеньем
 Листву пугали стужи приближеньем.
С. Ильин

98

Весна цвела, — был от тебя вдали я;
 Апрель нарядный красками сверкал,
 Во все вливалась юности стихия
 И сам Сатурн смеялся и плясал.
 Но песни птиц, цветов благоуханья,
 Краса лугов, — все было чуждо мне;
 Я сладкого не ощущал желанья
 Сорвать цветок, воспеть хвалу весне;
 Я презирал красу лилии бледной,
 Румяных роз я не ласкал, любя!
 Вся прелесть их, — я знал, — лишь список
 бедный

С их образца единого — тебя!
 Казалось мне, что вокруг — зима! Мечтами
 С тобою весь, я лишь шутил с цветами.
Н. Холодковский

99

Я раннюю фиалку так бранил:
 «О милый вор! Как смел ты ароматы
 С любимых уст украсть? Из милых жил
 Как смел взять кровь, которой так богаты
 Твои ланиты в цвете юных сил?»
 В честь рук твоих я порицал лицею,
 Бранил душицу в честь твоих кудрей;
 Из роз одна краснела; перед нею
 Другая снега сделалась белей,
 А третий цвет ни красный был, ни белый:
 Румянец твой похитила она
 И белизну! Но за грабеж столь смелый
 Червяк ее всю источил до дна.
 И все цветы, так думал я в печали,
 Красу иль сладость у тебя украли.
Н. Холодковский

100

Забыв свои мечты, куда ты скрылась, муза?
 Нельзя молчать о том, в чем для тебя же
 власть!
 Теряя сердца пыл для низкого союза,
 Ты светишь лишь тому, чего алкает страсть...
 Опомнись и вернись к забытым

песнопеньям!
 Пусть слаше зазвучит напевов нужный строй!
 К испытанной любви с воскресшим
 вдохновеньем
 Мы вместе поспешим прибойною волной.
 На милый взглянем лик, которым сердце
 полно:
 Не виден ли на нем упорный след забот?
 О муза, — если да, то ты не будь безмолвна
 И едкою строфой осмей судьбины гнет!
 И друга ты прославь, пока еще есть время,
 Пока не налегло плиты могильной бремя.
Кн. Эспер Ухтомский

101

О муза, не ленись! И так виновна ты,
 Чуждаясь истины, красою облеченной...
 Любовь моя одна живет твои мечты
 И вещие слова у песни открыленной.
 Напрасно скажешь ты: началам неземным
 На что созвучий строй, пленительные сказки?
 На что резец и кисть красотам вековым?
 Суровой истине не нужны блеск и краски.
 И другу моему ничто — твоя хвала,
 Но обессмерть его певучим величаньем,
 Чтоб в будущих веках воспетого чела
 Не смел коснуться рок жестоком увяданьем.
 ...Но как нам сохранить бесценные черты
 В зарницах истины и звучной красоты?
Кн. Эспер Ухтомский

102

Чем глубже любим мы, тем чаще страсть таю,
 И крепнет с каждым днем привязанность
 немая;
 Но людям прокричать, что нежит грудь твою,
 Способна только чернь холодная, слепая.
 Лишь на заре любви я звал тебя порою
 К душистым цветникам весенних
 песнопений,
 В томительной ночи, насыщенной грозой,
 Все реже говорит любви призывный гений.
 Так падает напев средь знойной темноты
 У любящей леса, грустящей Филомелы,
 Когда гуляет в роях бессонные кусты
 И всюду аромат свои вонзает стрелы.

...Да, как она молчит, — молчать хочу и я,
 Боясь, что досадит тебе любовь моя.
Кн. Эспер Ухтомский

103

Волшебных красок мало у тебя,
 О муза бедная! Воспетая тобою
 Так властно хороша, что сознаю, скорбя,
 Твое бессилие пред этой красотою:
 Не порицай меня — я смолкну навсегда:
 Ты в зеркало взгляни — там блещет образ
 юный

Такою прелестью, что полон я стыда
 За бледные стихи — и обрываю струны.
 Так было бы грешно твой образ исказить!
 Ведь цель одна вдали мерцает предо мною —
 Твои черты, твой взгляд и дух твои отразить
 В стихах, сияющих нетленной красотою.
 Но больше красоты, чем я даю в стихах,
 Ты видишь каждый день в безмолвных
 зеркалах.

Ф. Червинский

104

Ты старым для меня не можешь быть, мой друг.
 Теперь, как прежде, ты приковываешь взоры.
 Холодных три зимы, опустошивши луг,
 Стряхнули трижды с рощ их летние уборы,
 Осенним сумраком сменялись три весны,
 И были три живых и цветоносных мая,
 Тремя июнями нещадно сожжены,
 С тех пор, как свежестью и прелестью блистая,
 Ты встретился со мной. Таким остался ты...
 Но красота — увы! — все ж движется незримо,
 Как стрелка на часах. Быть может, лгут мечты,
 Что лишь твоя краса с годами недвижима.
 Внеми ж, грядущее: еще ты не родилось,
 А лето красоты померкло и затмилось.
Ф. Червинский

105

О, пусть не назовут моей любви к нему
 Служеньем идолу за то, что те же вечно
 Хвалы в стихах моих. Ведь это потому,
 Что он, мой верный Друг, добр так же
 бесконечно
 Сегодня, как вчера. Так неизменен он,
 Что стих мой, образа любимого эмблема,
 Поет все об одном, одним лишь вдохновлен:
 Прекрасен, добр, правдив — вот строк
 певучих тема

Правдив, прекрасен, добр. Порядок этих слов,
 Оттенки смысла их слегка я изменяю —
 Тогда какой простор созвучиям стихов!
 О истина, добро и красота, я знаю,
 Вы дружны не всегда здесь, в сумраке земном —
 Но ныне вы все три венцом сплелись в одном.
Ф. Червинский

106

Когда я занят древних хроник чтеньем
 И нахожу хвалу красавиц там
 Читью старый стих читаю, с восхваленьем
 Красы умерших рыцарей и дам, —
 Я вижу, как тогда хваляли умели
 Красу рук, ног и все лица черты,
 И мнится мне: достойно бы воспели
 Они красу, какой владеешь ты.
 Так, о тебе пророчествуя сладко,
 Поэзия красу превознесла!
 Но гимны те — лишь слабая догадка:
 Ты выше все ж, чем древних вся хвала.

Когда умели петь, — тебя не знали;
Пришел твой век, — и песни слабы стали!
Н. Холодковский

107

Ни собственный мой страх, ни дух, что мир
тревожит,
Мир, замечтавшийся о будущности дел,
Любви моей года определить не может,
Хотя бы даже ей готовился предел.
Смертельный месяц мой прошел свое
затмение,
И прорицатели смеются над собой,
Сомнения теперь сменило уверенье,
Оливковая ветвь приносит мир благой.
Благодаря росе, ниспавшей в это время,
Свежей моя любовь и смерть мне не страшна,
Я буду жить назло в стихе, тогда как племя
Глушцов беспомощных похитить смерть должна,
И вечный мавзолей в стихах, тобой

внушенных,
Переживет металл тиранов погребенных.
К. Фофанов

108

Что может мозг создать, изобразить чернила,
Как может передать мой дух восторг любви,
Что нового сказать; где творческая сила,
Чтоб выразить любовь и качества твои?
Ничто, мой юноша прекрасный, — но порою
Счастливо повторять я каждый день готов
Все то же самое молитвенно святою:
Твоя любовь во мне, в тебе моя любовь.
То вечная любовь, ее не разрушает
Стремление времени завистливым серпом,
Перед морщинами она не отступает
И старость делает навек своим пажом,
Предчувствуя, что мысль любви родится там,
Где внешнею любовью подобна мертвецам.
К. Фофанов

109

О нет, не говори, что сердцем пред тобою
Я изменил, хотя слабей в разлуке пыл.
Скорей расстануся без страха сам с собою,
Но не с душой, что я в тебе похоронил.
Любовь моя — очаг, и если я скитаюсь,
То возвращаюсь вновь к нему, как пилигрим;
Сам приношу воды, с дороги омываюсь,
стирая пятна, пыль, — и греюсь перед ним.
И если есть во мне те слабости, так трудно,
Так горячо у всех волнуешься кровь,
То и тогда не верь, чтоб мог я безрассудно
Растратить без тебя всю страсть и всю
любовь, —
И верь — вселенную я ни во что не ставлю,
Тебя, о роза, я одну люблю и славлю.
К. Фофанов

110

В исканье новизны бродя то здесь, то там,
Я обесценил все, что сердцу было свято,
Противоречил я поступками словам
И променял друзей, любимых мной когда-то.
Да, заблуждался я! От правды был далек,
Но молодость мою вернули заблужденья.
Конец ошибкам! В них мне жизнь дает урок;
Люблю тебя сильней за все мои мученья!
Прими мою любовь и ею завладей!
Клянусь тебе, она продлится бесконечно,
И друга, верного как бог, в любви моей
Не стану больше я испытывать беспечно.

Так приюти ж меня, чтоб мог я отдохнуть,
Склонись порой к тебе на любящую грудь.
В. Мазуркевич

111

Вини мою судьбу за все, в чем я неправ,
За все, что есть во мне презренного и злого!
Корысть публичности мой воспитала нрав,
Судьба же не дала мне ничего другого.
Поэтому-то я презренным заклеймен;
Как краскою маляр, отметила позором
Меня судьба моя, и путь мой омрачен...
О, жалься надо мной и не терзай укором!
Дай обновиться мне. Готов я, как больной,
Из укуса питья принять для излечения, —
Мне горечь не страшна, и кары нет такой,
Которой бы не снес я ради исправления.
О, пожалей меня! Достаточно, мой друг,
Лишь жалости твоей, чтоб облегчить недуг.
В. Мазуркевич

112

Отмечен я клеймом злословья и позора,
Утехой служит мне одна любовь твоя,
И не боюсь я людского приговора,
Уверенный вполне, что ценишь ты меня.
Ты для меня — весь мир! Хвалы и порицанья
Мне дороги тогда, коль сказаны тобой;
Нет в свете никого, кто б силой увещанья
Склонил мой гордый дух иди стезей иной.
Для лести и хулы закрыт мой слух змеинный,
О мнении других забота мне чужда;
К ним в сердце у меня презренья и вражда!
Полн мыслью о тебе, живя мечтой единой,
Всем существом моим сроднился я с тобой!
Мир без тебя — ничто, окутанное тьмой.
В. Мазуркевич

113

С тех пор, как я тебя покинул, не гляжу
Я более на мир телесными очами;
Мой взор в душе моей; он, правивший шагами,
Теперь почит потух, и я во тьме брожу.
Не может вызвать глаз в уме изображенья
Того, что видит он; ни птица, ни цветок
Не оставляет в нем хотя б на краткий срок,
Как мимолетный сон, живого впечатленья.
Что б ни увидел я: вершины снежных гор,
Ворону, голубя, красу или уродство,
День, ночь и даже то, в чем нет ни капли
сходства

С тобой, к твоим чертам мой приурочит взор:
Сочувствием к тебе полна нелицемерном,
Так верность делает мой зоркий глаз неверным.
В. Мазуркевич

114

Ужели же мой ум, живущий лишь тобой,
Впивать способен лести, властителей отраву?
Иль должен я признать, что глаз мой лжет
по праву,
Тобою научен алхимии такой,
Чтоб чудил превращать в небесные созданыя,
Подобные тебе по красоте своей,
Зло превращать в добро волшебной силой
знанья,
Чуть попадет оно под быстрый луч очей.
Да, это верно; лести умело взор мой ловит,
Пить склонен эту лести мой ум, как царь,
подчас,
Наклонности его прекрасно знает глаз
И в чаше вкусное питье ему готовит.

Пускай в напиток яд, — не так велик уж грех!
Отраву эту глаз сам выпьет раньше всех.
В. Мазуркевич

115

Написанные мной когда-то строки лгали,
Что будто бы нельзя любить тебя сильней,
В неведение своем я думал, что едва ли
Способен пыл души гореть еще сильнее.
Страхася времени, я знал, что обещанья
Покорствуют вполне случайности простой,
Что время губит все, — красу и упованья,
Колелеблет мощь царей, меняет мыслей строй;
И впряме был тебе сказать я без обмана:
«Сильнее, чем теперь, я не могу любить».
Ведь будущность тогда скрывалась средь
тумана,
О настоящем лишь я в силах был судить.
Мой друг! Любовь — дитя, питаемое нами.
Она растет по дням и вырастет с годами.
В. Мазуркевич

116

Ничто не может помешать слиянью
Двух сродных душ. Любовь не есть любовь,
Коль поддается чуждому влиянию,
Коль от разлуки остывает кровь.
Всей жизни цель, любовь повсюду с нами,
Ее не сломят бури никогда,
Она во тьме, над углыми судами
Горит, как путеводная звезда.
Бегут года, а с ними исчезает
И свежесть сил, и красота лица;
Одна любовь крушенья избегает,
Не изменяя людям до конца.
Коль мой пример того не подтверждает,
То на земле никто любви не знает.
С. Ильин

117

Казни меня за то, что скуп я был во всем,
Чем мог бы отплатить за все твои заботы,
Что не было во мне старанья и охоты
Бережь любовь твою; виновен я и в том,
Что поверял другим все то, что сердцу мило,
И не было мне прав, тобою данных, жаль.
Навстречу буре злой поставил я ветрило,
Угнавшей от тебя челнок мой углый вдаль.
Сочти виной мое упрямство, заблужденья,
К ним недоверие ревнивое прибавь.
Под выстрелы очей разгневанных поставь,
Лишь не стреляй в меня словами возмущенья.
Раскаяньем своим доказываю я,
Как дорога душе моей любовь твоя.
В. Мазуркевич

118

Чтоб разбудить порой ленивый аппетит,
Закуской острою его мы возбуждаем,
Когда же чувствуем, что нам болезнь грозит,
Ее лекарством мы заране прогоняем.
Так точно пресыщен твоею красотой,
Я горьких соусов решил к блюдам прибавить,
И счастьем своим, как недугом, больной,
Болезнь вызванной здоровье поисправить
Но хитростью своей наказан я вдвойне:
Любовь нельзя лечить искусственным
недугом,
Злом заменив добро, и вижу я с испугом,
Что раньше был здоров, теперь же плохо мне,
Узнал я, что тому лекарство не поможет,
Кого болезнь, тобой внушенная, тревожит.
В. Мазуркевич

119

Со страхами в душе надежды чередуя,
Коварных слез сирен немало выпил я,
Перегоняя их в ретортах бытия,
И падал, поражен, победу торжествуя.
Как заблуждался я, когда мечтал порой,
Что счастье высшее дарует мне победа,
Как пламенел мой взор и тешился игрой
Видений призрачных болезненного бреда!
Благодеянье зла! Я убедился в нем!
Приносит зло добру нередко улучшенье;
Потухшая любовь, пылавшая огнем,
Прекрасней и сильней горит по возрожденье.
Так после мук вернул я счастье опять,
Чтоб трижды большее блаженство в нем
познать.

В. Мазуркевич

120

Меня влечет к тебе размовка прежних дней;
Страданья прошлые и прошлые печали
Мою вину дают мне чувствовать сильней,
Ведь сердце у меня не из каленой стали.
И если от моей страдаешь ты вины,
Как от твоей носил когда-то я мученья,
Познал ты, друг мой, ад; страдания сильны,
Но я, тиран, забыл об этом, без сомненья.
Напомни мне о них, моих терзаний ночь,
Тебе б отведать дал бальзама я бокал
Смирения, чтоб грусть ты мог бы превозмочь,
Как некогда ты сам мне сердце врачевал.
Но пусть искупит все взаимная вина!
Наш обоюдный грех смягчить она должна.
В. Мазуркевич

121

Уж лучше низким быть, чем слить им
и напрасно
Упреки в низости выслушивать порой,
Лишай себя забав невинных ежечасно,
Из страха, что грехом их может счесть другой.
Зачем же признавать судом непогрешимым
Случайный взгляд людей, ошибочный вполне?
Они грешат, как я, и мненьем нетерпимым
Привыкли очернять все то, что мило мне.
Нет, буду сам собой! А тот, кто судит строго
Деяния мои, грешит, наверно, сам;
К лицу ли подобный суд морали их убогой:
Они бредут кривясь, я ж строен, смел и прям.
Иль, может, доказать хотят они бесчестно,
Что люди все дурны и зло царит всеместно.
В. Мазуркевич

122

Твой дар, врученный мне, твое изображение
Произвело во мне такое впечатленье,
Что — светлый — навсегда останется он там
На удивленье всем и будущим векам. —
Пока природой ум и сердце позволены
Не будут лишены хотя существовать,
Они не отдадут тебя волнам забвенья
И восхвалят тебя все будут продолжая.
Но мог ли б долго так портрет существовать?
Тому не нужен он, что сердце оцениет.
Вот почему его решаюсь я отдать,
Вверяясь тому, что в сердце обитает.
Помощник же в делах, где надобно любить,
Лишь может дать намек, что я могу забыть.
Н. Гербель

123

Нет, время, не хвастнешь ты тем, что изменило
Меня. Для глаз моих не нов, не чуден вид

Твоих, воздвигнутых из праха, пирамид:
Они лишь видимость того, что прежде было.
Жизнь наша коротка, и восхищает нас
Печальное старье, и верим мы охотно,
Что создано для нас все это безотчетно, —
Меж тем, как повторен наскучивший рассказ.
Бросаю вызов я твоим страницам пыльным!
Я настоящее и прошлое бессильным
Считаю. Вся твоя слепая запись — ложь.
Течение времен величит то, что бrenно,
Но я клянусь в одном, и это — неизменно,
Что верности моей косою ты не снесешь.
А. Федоров

124

Когда б любовь моя была питомец трона,
Случайное дитя фортуны без отца,
И страсть и ненависть в ней были б
повременно,
Трава средь сорных трав, цветок среди венца.
Но нет, она стоит от случая далеко —
Ей роскошь льстивая и рабский гнет чужды;
Ей мод изменчивых неведомы следы,
Политики вельмож не страшно злое око,
Пустой политики, которая живет
Короткие часы, — любовь моя ведет
Свою политику: не гибнет от ненастья,
Не зреет от тепла. В свидетели зову
Я наших дней глупцов, во сени и наяву
Живущих для злодейств, для лжи, а не для
счастья.

А. Федоров

125

Зачем мне возносить нарядный балдахин,
Наружному почет наружный воздавая,
Иль строить сложный план на вечность,
забывая,
Что вечность может быть бедней, чем миг один.
Не видел разве я, как в бегстве замираем
Теряется что есть и то, чем мы живем.
Им смесь нужна, когда все счастье в простом.
О, жалкие рабы! Нет, ты мне верным стражем
Дай в сердце быть твоим. Мой бедный дар
прими,
Свободный, искренний, простой
и беззаветный:
Взамен своей любви — всего меня возьми!
Я слово честное даю за дар ответный.
Прочь, подлый клеветник! Чем ты гнусней,
губя
Невинность, — тем она все дальше от тебя.
А. Федоров

126

Прелестный юноша, ты ныне держишь
властно
И косу острую, и зеркало времен;
Ты рос и расцветал, заставя ежечасно
Стареть поклонников. Ты дивно сохранен
Природой, чтоб явить, как, мощная, способна
Смеяться над крылом губительных времен,
И вечный ход минут остановить, как сон.
Над разрушением царит она незлобно,
Но берегись ее, любимец, в свой черед.
Она сокровище задержит, но назначен
Ему законный срок; она затянет счет,
Но все же времени он должен быть уплачен,
И ради своего спокойствия, она
В уплату принести тебя ему должна.
А. Федоров

127

В былые времена смуглянка не считалась
Красавицею; ей название красоты
Присвоить никогда себе не удавалось,
Теперь она у ней заимствует черты.
С тех пор, как всякий стал рукой природы
право

Присваивать шутя, уродство украшать
Подделкой грубою, — красы не распознать,
Она опошлена и изгнана лукаво.
Поэтому глаза возлюбленной мой,
Как ворона крыло, черны и идут к ней —
То траур по тому, кто в свет родился черным,
Но не лишен красы в сиянии притворном.
Печаль так красит их, что все твердят одно:
Чтоб быть красивой, стать подобной ей должно.
А. Федоров

128

Порой, о музыка, когда играешь ты
На этом дереве благословенно-дивном,
Которое звучать заставили персты,
Чаруя слух своим аккордом переливным, —
Я клавишам тогда завидую, любя:
Они твою ладонь целуют то и дело.
Увы, уста мои, для коих жатва зрела,
За дерзость дерева краснеют близ тебя.
Всем существом своим они бы поменялись
С его кусочками, к которым прикасались
Твои персты; они блаженней уст живых,
Обрезки мертвые! Но пусть они счастливы;
Дай пальчики твои лобзать им шаловливо,
А губы нежные оставь для губ моих.
А. Федоров

129

Потворство похоти ведет к позорной трате
Души. Для своего каприза похоть всех
Ведет на подлость, ложь, убийство, лютость,
грех.

А чуть утолена — презрение в расплате.
За нею гоняется безумно, но поймав
Желаемое, — все безумно ненавидят.
Одну приманку в ней заброшенную видит,
Дабы лишить ума того, кто жлет забав.
Она в желании дика, как в обладаньи.
Имея, имея и готовая иметь,
Она до крайности доходит. Миг слиянья,
А после горести; миг радости, а впредь —
Ничтожная мечта. Для мира путь известный.
Но всех приводит в ад его соблазн небесный.
А. Федоров

130

Глаза ее сравнить с небесною звездой
И пурпур нежных уст с кораллом — не дерзну,
Со снегом грудь ее не спорит белизною,
И с золотом сравнить нельзя кудрей волну;
Пред розой пышной роскошного востока
Бледнеет цвет ее пленительных ланит,
И фимиама смол Аравии далекой
Амброзия ее дыхания не затмнит;
Я лепету ее восторженно внимаю
Хоть песни соловья мне кажутся милей,
И с поступью богинь никак я не смешаю
Тяжелой поступи красавицы моей.
Все ж мне она милей всех тех, кого толпою
Льстецы с богинями равняют красотой.
Граф Ив. Мамуна

131

Такая, как ты есть, тиран ты, как она,
Чья красота ведет к жестокости холодной;

Ты знаешь хорошо, как ты желанна мне.
Из лучших перлов перл ты самый благородный.
Сознаюсь, многие твердят, что образ твой
Не вызовет у них порыв любви глубокой.
Их мнение назвать ошибкою жестокой
Я не дерзну, хотя, клянусь в том головой,
Для подтверждения, что клятвы те святые,
При виде твоего прекрасного лица,
За вздохом вздох меня волнует без конца,
И вздохи тяжкие — свидетели прямые,
Что ты в моих глазах прекрасна чернотой.
Не образ, а дела клеймятся клеветой.
А. Федоров

132

Люблю твои глаза и грустный их привет.
Узнав, что ты меня казнишь пренебреженьем,
Они в знак траура оделись в черный цвет
И на печаль мою взирают с сожаленьем.
Востока бледного не красит так заря,
Так неба мирного не красит Весел ясный,
Один в вечерний час над западом горя,
Как эти грустные глаза, твой лик прекрасный.
Так пусть в твоей груди, беря пример с очей,
И сердце гордое исполнится печалью.
Печаль тебе к лицу. Все в красоте твоей
Прелестней быть должно под траурной
вуалью.

Я черной звать готов богиню красоты,
Уродливыми всех, кто создан не как ты.
Л. Вилькина

133

Да будет проклято то сердце, что мое
Заставило стонать от раны, нанесенной
И мне и другу. Ах, довольно бы с нее
И одного, так нет, еще закрепощенный!
Из-за жестоких глаз я потерял себя,
А ты еще сильней привязываешь друга.
Покинут я тобой и им и три недуга
Несу в одной груди. О, заточи, губя,
В тюрьму своей пустой железной груди это
Больное сердце! Пусть заложником оно
За сердце друга там навек заключено!
Кто б ни держал меня, оно, вдали от света,
Ему охраню. Не будь строга ко мне.
Увы! Я пленник твой со всем, что есть во мне.
А. Федоров

134

Да, вот теперь я сам сознался, что он твой;
Что я в залоге сам у твоего желанья,
Но жертвовать собой готов я, в воздаяние
Того, кто мне служил отрадою живой.
Он не согласна ты, а он не хочет воли.
Он добр, а ты жадна. Он только за меня
Ручался, но теперь он связан сам до боли.
Ты ж, красоту свою, как ростовщик, ценя,
Готова все взыскать за долг непоправимый.
Так опрометчиво воспользовавшись им,
Я друга потерял по промахам моим,
А ты обоих нас имеешь, ты любима —
Мы оба у тебя во власти, я и он —
Он платит за меня, и все же я пленен.
А. Федоров

135

Пусть обращаются ко всем ее желанья,
Есть у тебя твой Вилль; чтоб прославлять тебя,
Я с волею своей соединю тебя.
Не согласишься ль ты, чья воля приказанье,
Дозволить волю мне с твоею волей слить?

Неужто воля всех других тебе милее,
Мою ж не хочешь ты согласием почтить?
Ведь море от дождей становится сильнее.
Так волей награжден, не хочешь ли ты к ней
Прибавить имя Вилль. Одно мое стремление —
Усилить имя мощь лишь волею своею.
Не дай же осаждать твое уединенье
Простителям, равно хорошим и дурным,
И дай лишь имя Вилль желаньям твоим.
А. Федоров

136

О, если гнев в душе твоей лишь потому,
Что я — твой верный Билль — желанье, а ему
К душе доступен путь. Призыв любви горячей
Ей возметь, скажи, что Билль обогатит
Желаньями алтарь любви твоей; а с ними
Его желание в толпе других слетит
И тихо проскользнет украдкой меж другими.
Пусть я войду в толпе несчитанным, хотя
Я должен быть зачен в заветной книге тоже.
Считай меня ничем, но для тебя, дитя,
Я буду чем-нибудь. Тогда всего дороже
Покажется твое желанье для тебя.
Меня полюбишь ты, лишь имя полюбя.
А. Федоров

137

Безумная любовь! Слепец! Не ты ль затмила
Мои глаза! Они не видят, хоть глядят.
Открывши красоту, ты и приоткрыла,
Но с худшим лучшее смешала зауряд.
Когда глаза мои, обмануты пристрастно,
Бросают якорь в порт, где всякий люд снует,
Зачем из глаз моих ты делаешь привод,
Который сердца мысль опутывает властно.
Зачем для сердца то сияет алтарем,
Что — площадь для толпы. Зачем глаза, все
видя,

Твердят упорно «нет», и, ложь возненавидя,
Правдивость лживому лицу дают. Во всем
Пред истиной мои глаза и сердце грешны,
За то осуждены страдать во лжи крошечной.
А. Федоров

138

Когда клянется мне возлюбленная в том,
Что все в ней истина, — я верю ей, хоть знаю,
Что это ложь: пускаям сочтет меня юнцом
За то, что я притворств ее не понимаю.
Увы, напрасно я себе воображаю,
Что обманул ее, — мой возраст ей знаком;
Но солгала она, и стал я простаком.
Так Правду гоним мы. Но для чего скрываю
Я то, что постарел, она же — ложь свою?!
Любовь! Всего милей ей вид доверья нежный.
А старости в любви подсчет годов прилежный
Не нравится — и вот, я лгу. На ложь мою
Она мне также лжет, и с чувством

безрасудным

Мы ложью льстим своим порокам обоюдным.
А. Федоров

139

О, не тревожь меня напрасными мольбами!
Прошедших слез моих тебе не испустить
Доканчивай скорей, не взглядами — словами
И силою сражай: к чему тебе хитрить.
Скажи, что уж давно не мил тебе я боле,
Но на других при мне так нежно не гляди.
Нет, не лукавь со мной! Твоей я отдал воле

Свою судьбу; я слаб: скорее, не щади.
 Я все тебе прошу, и даже точно зная,
 Как трепетно твой взгляд ловил я каждый миг,
 Ты, от него меня заботливо спасая,
 Все им, жестокая, лелеяла других.
 Но только не томи тяжелью ожиданием,
 И разом ты убей меня с моим страданием.
Граф Ив. Мамуа

140

Будь столь же мудрою, как ты ко мне жестока.
 Пренебрежением терпенья не язви,
 Иль скорбь найдет слова для горестей любви,
 Поведать, как тобой истерзан я жестоко.
 О, если бы тебе, любовь моя, я мог
 Внушить, чтоб, не любя, ты о любви мне пела,
 Лгала, как мудрый врач больному жлет умело,
 Когда ему грозит могилкой близкой рок.
 Знай, я с отчаянья могу сойти с ума,
 В безумьи порицать тебя сурово стану.
 А злобный, лживый мир поверить рад обману
 И правдою сочтет злословье. Ты сама
 Скорей прерви его; гляди в глаза покорно,
 Хотя бы сердце вдале стремилось упорно.
А. Федоров

141

Я нежно вас люблю, но сердцем, не глазами:
 Лишь недостатки зрит мой неподкупный взор,
 А сердце любит их. Все то, что в вас, что с вами,
 Оно клялось любить глазами наперекор.
 Спокойный голос ваш мне слуха не чарует,
 Блаженства не сулит пожатье ваших рук,
 И чувственный восторг мне крови не волнует,
 Когда наедине вас жду, мой строгий друг.
 Но сердце ни уму, ни чувством не подвластно.
 Его желание — одной лишь вам служить.
 И, гордость позабыв, безропотно и страстно
 Любить я осужден, пока дано мне жить.
 В страданиях моих одна лишь есть отрада:
 Любовь — мой грех; в любви познал я муки ада.
Л. Вилькина

142

Любовь — мой грех. Твоя святая
 добродетель —
 Лишь ненависть к греху, с которым я любил.
 Сравни себя со мной — сама себе
 свидетель —
 И убедись ты, что я не заслужил
 Упрек; а если заслужил, то уж конечно, —
 Не от тебя. Свою пурпурную красу
 Не раз твои уста пятнали бессердечно,
 Несли такой же грех, какой и я несу.
 Моя любовь к тебе законна, как законна
 Твоя любовь к тому, кто в твой прикивал.
 Но в сердце жалость ты посеи, чтоб выростал
 Посев и жалость сам мог вызвать
 благосклонно.
 А если ты сама не дашь, что ждешь на веру,
 Откажут и тебе по твоиму примеру.
А. Федоров

143

Взгляни, хозяйюшка стремится торопливо
 Поймать вдали птенца, который ускользнул.
 Она оставила ребенка сиротливо,
 Гоняется за тем; но маленький всплакнул,
 За матерью бежит, остановиться молит;
 Она же ничего не слышит, занята
 Желанием поймать того, кто своеволит.
 Так гонишься и ты за тем, что, как мечта,

Летает пред тобой. Я ж за тобою, плача,
 Бегу, младенец твой, далеко позади.
 О, если ждет тебя в погоне той удача,
 Вернись ко мне тогда, прижми к своей груди
 И приласкай, как мать: за все твои желанья
 Молиться буду я — утешь мои рыдания.
А. Федоров

144

Отчаянье и радость утешений —
 Два духа, два любви моей крыла.
 Он — белокур, мужчина, добрый гений;
 Она — злой дух, лицом мрачна, смугла.
 Чтоб в ад меня скорей увлечь, дух черный
 Склонил к разлуке доброго со мной
 И, соблазняя наглостью упорной,
 Старается, чтоб стал и он иной.
 Быть может, ангел мой уже незринул, —
 Не знаю, но могу подозревать.
 И если я обоими покинут,
 То ангел мой в аду. Увы, узнать
 Могу тогда ту правду, что хоронят,
 Когда злой демон ангела прогонит.
А. Федоров

145

«Я ненавижу», — тихо мне шептали
 Ее уста — любимые уста,
 Которые создать могла лишь Красота.
 Жестокие — они словами убивали,
 Но жалость нежная проникала в душу к ней,
 И сердце тронуло любви моей страданье.
 Тогда уста ее в порыве сострадания
 С обычной краткостью своей
 Прибавили еще два маленькие слова...
 И ночь души моей сменил прекрасный день,
 Исчезла темная тоскующая тень,
 И радость светлая ко мне вернулась снова.
 С улыбкой те уста поправили себя:
 «Я ненавижу — не тебя...»
Г. Галина

146

Зачем, душа, покорно ты страдаешь,
 Переноси позорный плен страстей,
 И дорогой ценою покупаешь
 Ты красоту земной тюрьмы своей?
 Ты тратишь жизнь на это украшенье,
 А жить, душа, так мало нам дано...
 Твой пышный дом не убежит от тленья
 Червям же, право, будет все равно.
 Нет, нет, душа, не будь рабою тела,
 Но от него богатство отнимай;
 На счет его красы питайся смело,
 Себе права на вечность покупай.
 Ты пиши тленной смерти не оставишь
 И смерть погибнуть с голоду заставишь.
С. Ильин

147

Моя любовь с горячкой злою сходна:
 Ей надо то, что только длит недуг.
 Что аппетит больной захочет вдруг,
 И это только ей всего дороже.
 Мой разум, врач любви моей, взбешен,
 Что не считалась с строгим предписанием.
 Беспомощным меня оставил он.
 Страсть — смерть, и ей врач не поможет
 знаньем.
 Утратив разум, я неизлечим,
 Безумен от тревоги постояяним.
 Мои слова и мысли — бред туманный,

Безумен я и дик, и чужд другим.
Ведь я клялся, что ты светла, красива,
А ты, как ад, как ночь, мрачна и лжива.
А. Федоров

148

О, горе! Для чего глаза такие мне
Поставила любовь! Их зрение фальшиво.
А если — нет, — ты, мой рассудок, слеп
на диво,
И ложно для него, что ясно им вполне.
Ведь если дивна ты, — о чем глаза твердят —
Как может свет сказать, что это не красиво.
Иль правы люди все, мое же зренья лживо?
Ах, может быть! Ведь их потоки слез слепят,
Томит бессонница? И солнца луч не светит,
Пока не сгонит туч. Лукавая любовь!
Ты ослепляешь взгляд слезой, и не заметит
Он, даже прояснев от слез тумана вновь,
Коварства твоего и низостей постылых.
Все видя, разглядеть он будет их не в силах.
А. Федоров

149

Как ты могла сказать, жестокая, что я
Уж не люблю тебя! Из-за тебя вражда
С самим собой, в тоске тирания сам себя —
Дружу ль я с тем, кого клеймишь ты, негодуя?
И угождаю ль тем, кто вызовет твой гнев?
Когда нахмуришься, — не мшу ль себе
сурово?

Мое достоинство услужливо готово
Упасть к твоим ногам, все, — гордость, стыд,
презренье,
Все сильное во мне склоняется послушно
Пред слабостью твоей; движеньем глаз одним
Ты мной повелевать способна равнодушно.
О, презирай меня! Я понял все! Любим
Тобою только тот, кто видит, что бесстрастен.
А я? Я ослеплен и должен быть несчастен.
А. Федоров

150

Кто одарил тебя такою силой властной,
Чтоб слабостью своей меня поработать
И делать лживым взор испытанный и ясный,
Заставив свету дня ночь — тьму предпочитать?
Откуда у тебя все зла очарованье,
Что худшим из твоих поступков придает
И привлекательность, и негу, и сиянье?
Все зло в тебе меня сильней добра влечет.
Кто научил меня любить тебя, заставить
За то, что ненависть должно бы пробудить,
Но пусть презренное любя готов я славить,
Не презирай меня с другими. Полюбить
Способен был я то, что людям ненавистно,
Тем больше я любви достоин бескорыстно.
А. Федоров

151

Уж чересчур юна любовь, чтоб стать
Сознательной, хоть в ней зерно сознания.
Поэтому не надо порицанья,
О милая, иначе ты опять

Окажешься виновной. Совращаешь
Ведь ты меня. А я? Я — сам себя.
Моя душа вешает, что, любя,
Стать может плоть счастливою. А знаешь,
Довольно ей приманки и такой!
При имени твоём она бодритя
И на тебя, как на добычу, мчитя;
Тебе готова жертвовать собой.
Не недостаток совести заставил
Меня любовью звать то, что я славил.
А. Федоров

152

Ты знаешь, поступил в любви я вероломно —
Но в вероломстве ты виновнее вдовойне.
Ты клятву прежнюю нарушила нескромно,
И ненавишь опять сменила страсть ко мне.
Но брошу ли в тебя за это осужденье,
Когда я двадцать клятв нарушил для тебя.
Я с клятвой обличал тебя и обличенья
Я клятвой вновь и вновь опровергал, любя.
Всем в доброте твоей клялся я со слезами,
Клялся в твоей любви и верности твоей.
Чтоб образ твой сиял, я сам ослеп глазами,
Иль клясться заставлял себя, как фарисей.
Клялся и больше лгал, чем ты, что ты
прекрасна,
И клятвой гнусность лжи я подтверждал
бесстрастно.
А. Федоров

153

Свой факел уронив, красавец Купидон
Заснул. Одна из дев Дианы подхватила
Огонь любви и вмиг светильник опустила
В холодный ключ воды, но не погас там он.
Из пламени любви священный ключ мгновенно
Впитал бессмертный жар на вечные года,
И стала для людей целительна вода
От злых болестей, жестоких, как измена.
Зажегши факел вновь от глаз, любимых мною,
Для пробы мальчик им меня коснулся вдруг.
Я исцеления ждал душой моей больною
От теплых вод, куда тянул меня недуг,
Но исцеления нет. Ключ животворный льется
В очах возлюбленной, где пламя вновь смеется.
А. Федоров

154

Малютка — бог любви, однажды, факел своей
На травку положив, забылся сном беспечно;
Тем временем к нему подкрался резвый рой
Нимф, давших клятву девственности вечной.
И мигом факел тот, в сердцах будивший пыл,
Похитили они во имя обещаний;
Так наш уснувший бог восторженных желаний
Рукою девственниц обезоружен был.
Тот факел бросили они в родник холодный,
И от огня любви он тотчас теглым стал —
Людских страданий всех целитель превосходный...
Но я в нем, страсти раб, купался... и узнал,
Что, правда, пыл любви и воду согревает,
Вода же в свой черед любви не охлаждает.
Н. Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

Генрих VI. <i>Часть первая. Перевод О. Чюминой</i>	5
Генрих VI. <i>Часть вторая. Перевод О. Чюминой</i>	33
Генрих VI. <i>Часть третья. Перевод О. Чюминой</i>	66
Ричард III. <i>Перевод А. Дружинина</i>	97
Тит Андроник. <i>Перевод А. Курошевой</i>	138
Комедия ошибок. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	164
Укрощение строптивой. <i>Перевод М. Кузмина</i>	190
Два веронца. <i>Перевод М. Кузмина</i>	219
Бесплодные усилия любви. <i>Перевод М. Кузмина</i>	245
Ромео и Джульетта. <i>Перевод Д. Михаловского</i>	278
Сон в летнюю ночь. <i>Перевод Н. Сатина</i>	315
Король Джон. <i>Перевод А. Дружинина</i>	341
Ричард II. <i>Перевод А. Курошевой</i>	368
Венецианский купец. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	395
Генрих IV. <i>Часть первая. Перевод З. Венгеровой и Н. Минского</i>	428
Генрих IV. <i>Часть вторая. Перевод З. Венгеровой и Н. Минского</i>	462
Генрих V. <i>Перевод А. Ганзен</i>	498
Много шуму попусту. <i>Перевод М. Кузмина</i>	534
Веселые виндзорские кумушки. <i>Перевод М. Кузмина</i>	566
Юлий Цезарь. <i>Перевод П. Козлова</i>	601
Как вам это понравится. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	630
Двенадцатая ночь, или Что угодно. <i>Перевод А. Кроненберга</i>	664
Гамлет, принц Датский. <i>Перевод П. Гнедича</i>	693
Троил и Крессида. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	735
Конец — всему делу венец. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	775
Мера за меру. <i>Перевод Ф. Миллера</i>	813
Отелло, венецианский мавр. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	845
Макбет. <i>Перевод А. Кроненберга</i>	890
Король Лир. <i>Перевод М. Кузмина</i>	915
Антоний и Клеопатра. <i>Перевод Д. Михаловского</i>	952
Трагедия о Кориолане. <i>Перевод под редакцией А. Смирнова</i>	995
Жизнь Тимона Афинского. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	1039
Перикл. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	1072
Цимбелин. <i>Перевод В. Шершеневича</i>	1100
Зимняя сказка. <i>Перевод П. Гнедича</i>	1137
Буря. <i>Перевод М. Кузмина</i>	1169
Генрих VIII. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	1192
Венера и Адонис. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	1225
Лукреция. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	1236
Сонеты	1251
Жалоба влюбленной. <i>Перевод Н. Холодковского</i>	1270
Страстный пилигрим. <i>Перевод В. Мазуркевича</i>	1273
Феникс и Голубка. <i>Перевод А. Федорова</i>	1277